

Усятская россыпь

РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №8 Декабрь 2011 года

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

- 1 – 100 лет со дня рождения Александра Волошина: Пролог к роману «ЗЕМЛЯ КУЗНЕЦКАЯ», «Время жить на земле» - проза, стр. 2 – 4;
- 2 – Сергей Вдовин «ПОЛЕВАЯ ПОЧТА» - стихи, проза – стр. 5;
- 3 – Геннадий Елин «Художник, напишите мой портрет...» - стихи, стр. 6 – 7;
- 4 – Людмила Лукьянцева – поэзия, стр.8;
- 5 – Ольга Беккулиева – стихи, стр. 9;
- 6 – Геннадий Морозов «САШКА» - проза, стр. 10 – 11;
- 7 – Рагим Мусаев: «Труд шахтёров нелёгкий», «1941 год. Одноклассники», «Кто вернул историю?» - публицистика, стр. 12 – 15;
- 8 – Зоя Гулишевская «БРАГИНЫ» - документальная повесть, стр. 16 – 20;
- 9 – Владимир Стряпин – поэзия, стр. 21;
- 10 – Сергей Ажиганич – стихи, стр.22 – 23;
- 11 – Сергей Ерофеев «Венок сонетов» - поэзия, стр. 24 – 25;
- 12 – Георгий Балахнин «Игумен всея Руси» - прозаическая пьеса, стр. 26 – 27;
- 13 – Лариса Хаустова – стихи, стр. 27;
- 14 – Анатолий Гуляев «Воспоминания и размышления о...школе. Зарисовки на педагогическую тему – проза, стр. 28 – 33;
- 15 – Людмила Танкова «Песнь соловья в пустыне каменной» - проза, стр. 34 – 35;
- 16 – Отзыв о творчестве Владимира Неунывахина «Берётся из жизненного опыта» - стр. 36;
- 17 – Владимир Неунывахин: «Провалы памяти»; «Гость редакции»; «Столкновения тепловозов»; «Интуиция» - прозаические рассказы, стр. 37 – 43;
- 18 – Виктор Шабалин «Домик в деревне» - проза, стр. 44 – 45;
- 19 – Николай Подсевалов «Шахтёрская тема» - поэзия, стр. 46 – 47;
- 20 – Литературный калейдоскоп «Усятской россыпи» - стр. 48 – 49;
- 21 – «ВДОХНОВЕНИЕ» - стихи поэтов Прокопьевска, Новокузнецка и Междуреченска; стр. 49 – 52;
- 22 – Аделья Мачкова - стихи, стр 52;
- 23 – Владимир Маракулин «Ждём созревание таланта» - стр. 53;
- 24 – Кирилл Сазанов «Дима плюс Маша» - проза, стр. 54 – 55;
- 25 – Владимир Дегтярёв – стихи, стр. 55;
- 26 – Диана Михайлова – детские стихи, стр. 55;
- 27 – Памяти товарища (о Грохове А.И.) – стр.56.

Зоя Гулишевская «БРАГИНЫ» - документальная повесть, стр. 16 – 20.

Литературно-художественную газету Альманах «Усятская россыпь» можно приобрести в торговых точках Кузбасспечати городов Прокопьевска и Киселёвска, литературных объединениях городов Новокузнецка (м.т: 8 913 327 8398; 8 923 467 0550); Прокопьевска (м.т: 8 906 987 1955); Киселёвска (м.т: 8 950 267 0730; 8 923 467 9886); Белово (м.т: 8 950 274 7692); Междуреченска (м.т: 8 923 467 7566); Осинники (м.т: 8 923 467 5775); Таштагола (м.т: 8 905 075 0422; 8 9609016550; 8 909 519 9869). С содержанием выпусков Альманаха можно ознакомиться в городских библиотеках городов Киселёвска, Прокопьевска (в том числе, в библиотеке школы № 25).

За пределы Кемеровской области «Альманах...» может быть доставлен по каналам почтовой связи Р.Ф., при условии предоплаты стоимости запрашиваемого объёма печатной продукции и почтовых расходов на расчётный счёт редакции:

р/с 4070 281 002 621 010 2548; ИНН/КПП 4223 044 383/4223 01 001; ОГРН 106 4223 028 572 от 27.12.2006 г.; БИК 045 004 641

Банк: Сибирский банк Сбербанка Р.Ф., г. Новосибирск.

Дата подписания в печать 19.12.2011 года по графику.

Свидетельство о регистрации ПИ ФС 12-1286, выдано Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу 12.02.2007 г.

Учредитель и издатель: 000 «Редакция литературно-художественной газеты-альманах «Усятская россыпь».

Директор, гл. редактор: Гуляев А.Н, Т. 8-906-987-19-55.

Над номером работали: Гуляев А.Н., Танкова Л.А., Гулишевская З.Н.

Корректура: Еськовой И.Е.

Адрес редакции и учредителя: 653 013, ГСП, Кемеровская область, г. Прокопьевск, ул. Алмазная, 56. Телефон для связи: 8-913-327-82-98.

Газета распространяется на территории Кемеровской области.

Газета отпечатана офсетным способом в ООО «Беловский Полиграфист».

Адрес издательства: г. Белово, ул. Зеленая, 1.

Объем 14,0 п.л, Заказ №159, Тираж 1000.

Цена договорная.

Александр Волошин

Александр Волошин родился 31 августа 1912 года в Санкт-Петербурге. Отец его работал котельщиком на Путиловском заводе. С началом Первой мировой войны семья Волошиных переехала к родственникам в Сибирь. Всё своё детство Александр Волошин провёл в Новосибирской области, где вступил в комсомол и где в 1929 году окончил среднюю школу. В годы первой пятилетки Волошин поступает на строительство Кузнецкого металлургического завода, где работал бетонщиком и был активным в общественной деятельности. Затем Волошина отправляют комсоргом шахты на Осинниковский рудник, где он трудился в качестве забойщика и запальщика.

В 1934 году Волошин призывается на действительную военную службу в ряды РККА. Проходя военную службу Волошин оканчивает заочное отделение Ленинградского коммунистического института журналистики. Демобилизовавшись из армии в 1936 году, А. Н. Волошин возвращается на Осинниковский рудник и устраивается в местную газету «За уголь». Через два года Александр переезжает в Черемхово и начинает сотрудничать с газетой «Черемховский рабочий». Во время Великой Отечественной войны Волошин участвовал во многих боях в качестве рядового сапёра, был ранен. В 1945 году, во время боёв на Одере, вступает в члены ВКП(б). После окончания войны Александр возвращается в Сибирь, где продолжает работу журналиста, сотрудничая с газетой «Кузбасс» в Кемерово. Член СП СССР с 1950 года.

А. Н. Волошин скончался в Кемерово 31 мая 1978 года.

Первое литературное произведение Александра Волошина появилось в 1931 году, когда им был написан рассказ о шахтёрской жизни «Первая смена». В дальнейшем в некоторых сибирских газетах появляются его другие рассказы, а также очерки и статьи. В 1939 году в журнале Сибирские огни появился рассказ «Два товарища», повествующий о восстании кольчугинских шахтёров против Колчака. К 1949 году Волошин закончил свой первый роман «Земля Кузнецкая». Роман повествовал о трудностях работы кузбасских шахтёров во время выполнения планов послевоенной пятилетки.

А в 1951 году был удостоен за роман Государственной (Сталинской) премии в области литературы. Роман явился одним из первых произведений советской литературы, которые отражали послевоенную действительность страны; неоднократно переиздавался как у нас в стране, так и за рубежом (в переводах на иностранные языки).

В 1951 году Александром Волошиным был написан и опубликован роман «Дальние горы». В 1957 и 1962 году - сборники рассказов и повестей: «С чего начиналось» и «Дороги зовут». В 1967 году - роман «Всё про Наташку» и повесть «Зелёные Дворики». В 1976 году - «Время быть».

К 100 летию кузбасского писателя Александра ВОЛОШИНА.

«Земля Кузнецкая»

ПРОЛОГ к роману

«И разыгралось же сердце у каждого воина, когда эшелон, миновав, пограничный рубеж, помчался по родной земле. Сгрудившись у открытых дверей вагонов, солдаты молча глядели на израненные поля. Синий дымок вился за дальним лесом, редкие сизые облака ползли на запад, багровея в лучах заходящего солнца. Каждый вдруг понял, что давно в его жизни не было и таких туч, и такого розового заката, и кудрявых дымочков за лесом.

Родина! Сколько сынов не вернулось в твои просторы!..

- Заяц! Смотрите, заяц! — кричит сержант Данилов и, сорвав с головы пилотку, показывает на прыгающий по зелёному полю комочек.

Долго в этот вечер не ложились спать. Сперва беседовали под торопливый перестук колёс, потом в несколько голосов пели «Из-за острова на стрежень». И про Ермака пели, и про славное море Байкал. Пели, томимые ожиданием скорых встреч.

Двери не закрывали, и в бледном проёме её до поздней ночи виднелась небольшая фигурка Степана Данилова. Этот парень с беленьким вихорком, упрямо торчащим из-под пилотки, отличался удивительной непоседливостью. Но это была не детская непоседливость, а горячее желание поскорее присмотреться к родной земле, надышаться её ароматами. Маленький, крепко сбитый Данилов очень прямо носил свою вихрастую голову. На его узком подвижном лице светились синие пристальные глаза. Стоило поезду остановиться, будь то рано утром или поздно вечером, он прыгал с подножки и сразу куда-нибудь бежал. Зато в вагоне все точно знали фамилию паровозного машиниста (37 лет стажа!), знали, что у этого старика племянница учится в московской театральной школе, а кроме племянницы, никого нет — всех немцы порешили.

Данилов же сообщил, что первая узловая станция после границы будет утром.

А утром он вдруг исчез. Сначала этому не придали значения. Ну нет и нет чело-

века, едет, значит, в соседнем вагоне или на тормозе. Но к вечеру всем стало не по себе. Аккордеоном занялся было некому, новостей не было.

- Отстал парень-то, - сокрушённо посоветовал старый солдат Алексеев.

- Наверняка влюбился, - полушутя сказал Григорий Вошин. — Помните, когда ещё из Германии тронулись, он заявил: «Как переиду границу — в первую же русскую девчонку влюблюсь!»

Только через двое суток, уже в Смоленске, Данилов явился в вагон и, ни слова не говоря, завалился на верхние нары. Выспавшись, он не торопясь съел котелок колхозного варенца, вытер губы, отряхнулся и потянул к себе аккордеон. Но после бойкого перебора вдруг остановился и задумчиво пригладил белый непо-

корный вихор.

- Был в Овражках, - сказал он негромко. — В сорок первом меня там так стукнуло — полгода валялся в госпитале до пролежней.

- Ну и как? — насторожился Алексеев.

- Что как? До пролежней, говорю, валялся, вот как. Во мне и сейчас железа сколько угодно.

- Я не о том, - поморщился старый солдат. — Чужак человек, нашёл чем хвастать. Я спрашиваю, как Овражки?

- Окоп своего отделения нашёл... - Данилов растерянно улыбнулся, словно испугавшись, что его уличат в мальчишеском легкомыслии.

Но солдаты выжидающе молчали.

- Там, где первое отделение воевало, картошку посадили, а у самого моего окопа сад разводят... Вот люди! — Данилов помолчал и задумчиво добавил: - Жарко там было, чёрт!

На лицах демобилизованных появились несмелые улыбки.

- Видишь ты... - удивился Алексеев. — Сад!

Но Данилов уже встряхнулся и широко развёл мехи аккордиона.

В Москве эшелон расформировали. Четверо сибиряков-попутчиков и дальше, уже пассажирским поездом, тронулись вместе. Сапёр Моисеев, пожилой пехотинец Черкасов и Вошин — кряжистый, широколицый связист — ехали в Кузбасс, Данилов же был родом из Новосибирска.

Проворный маленький сержант занял верхнюю полку и залёг там. Теперь он не бежал, а лежал чуть ли не целыми сутками, хотя духота в вагоне была нестерпимая.

За Уралом распахнулась необъятная сибирская ширь. Зелёные степи с голубыми осколками озёр медленными кру-

гами поворачивались за окнами вагона.

Солдаты стали заметно молчаливее. Вошин и Черкасов, оба одинаково обстоятельные, только тем и выдавали своё нетерпение, что чаще обыкновенного переключивали в солдатских вещевичках скромные гостинцы для домашних. Моисеев же часто изумлённо оглядывался и, потирая руки, говорил:

- А ведь кончилось!.. Товарищи! Вот, ей богу, чудеса!

- Сиди уж! — подал однажды голос Данилов. — Всё никак не опомнишься! Наш народ не впервой такие чудеса творит.

- Нет, в самом деле, воевал, воевал...

- А соображаешь туго! — снова поддел Данилов. Моисеев сердито потянул себя за длинный прокуренный ус, но потом махнул рукой и в полголоса предложил, подмигнув:

- Выпьем?

Они скромненько выпили, разложили на газете пайковую селёдку, яйца вкрутую и кусочки холодного мяса.

Только что миновали Омск.

Поблескивая синими захмелевшими глазами, Данилов рассказывал, как он познакомился с Вошиным.

- Ты молчи, молчи! — строго прикрикнул он на связиста, когда тот попытался возразить что-то. — Раз было дело, значит должен я рассказать, тем более, что уважаю тебя... А было это двадцать девятого апреля. Мы уже в самом центре Берлина дрались. Лейтенанта нашего у Темфельгофа поранило, а капитана Рогова ещё на Одере. Я командовал взводом, а во взводе четыре человека, если меня не считать

Утром передают приказ: «Вперёд!» По улице немцы бьют из крупнокалиберного, да как! Перебежали мы до угла на Кирхенплатц. Смотрю, у крыльца, посреди извести и кирпичей, двое наших лежат. Убитые. А третий, неизвестный солдат стоит и не хоронится. Пули тренькают, чиркают обо что ни попадя, а этот солдат стоит и плачет, плачет и ругается: «Сволочи, - говорит, - ребят наших загубили. Всю войну бились вместе... Сволоч-

чи, засели вон под тем танком и подыхать добром не желают!»

- Будет тебе, - смущённо останавливает Вошин рассказчика и хмурит густые соломённого цвета брови. - С кем не бывало, сам знаешь...

- Всё знаю, ты помолчи! - продолжает Данилов. - Так вот. «Подожди, - говорю я солдату, - размокнешь ещё, чего доброго, дай оглядеться...»

Отдышался. В глазах свет прояснился. Небо на востоке чистое, будто его умыли. А на западе туча на тучу громоздится. Над головами гудит - это наши тяжёлые идут. Идут эшелонами и, немного не дотянув до своего переднего края, разом ныряют. Посмотришь - даже голова в плечи уходит. Но бомбы точно следуют во вражеский адрес.

Берлин охает, гарью воняет. «Ага, - думаю, - это вам за Сталинград, за Овражки, будьте вы прокляты!» Говорю своим ребятам: «Видите угол, под которым танк завалился? Ну, вот нам хоть землю зубами грызи, а нужно хлопнуть фашистов, которые выстрачивают оттуда». Командую больше для бодрости духа: «Справа по одному!».

А справа у меня только один Колька Грачёв - маленький, в чём душа, но вездельный, как клещ. Только крикнул я, как на наши головы столько штукатурки посыпалось - уму непостижимо! Переждали. А чуть утихло - Колька Грачёв метнулся на тротуар и за тумбу. По нему и давай шёлкать. Парень только головой мотает. Убьют, думаю, стервечи. А солдат, который плакал, тянет меня за ногу и просит: «Сержант, а сержант, дай я сам...» - «Пооди ты, - говорю, - к чёрту, плакса! Не мешай серьёзным людям воевать».

И вдруг этот плакса вскакивает, как на пружинах, и в окно, - только его и видели. А мой Грачёв забрался уже в воронку от бомбы, аккурат посреди улицы, но из воронки головы показать не может. У нас, у троих, положение не лучше. Так четверть часа прошло, не меньше, - и вдруг на обломке балкона, прямо над головами немцев, показался этот солдат, плакал который. Я просто ахнул. Ещё какая-то минута - солдат поднимается во весь рост и замахиывается. За танком взрыв, другой!.. Бежим туда. А там уже аккуратно всё сработано. Солдат стоит и шатается. «Я, - говорит, - тут им... закончил войну...» - говорит и падает.

Вот и вся история, - усмехнулся Данилов, - хотя не совсем вся, потому что, когда я этого солдата провозжал в санбат, произошёл один интересный разговор, но об этом как-нибудь потом.

- Правильно, - облегчённо вздыхает Вошин.

Несколько секунд они с Даниловым глядят в глаза друг другу, потом разом перемигиваются и уже совсем дружелюбно хохочут.

А где-то уже за Барабинском маленький сержант вдруг поднялся ночью, беспокойно потоптался среди узлов и чемоданов, потом присел рядом с Вошиным.

- Ты понимаешь, друг, - заговорил он вполголоса. - Душа раздваивается. Если в Новосибирске остаться, так, что я буду делать? Ни родных, ни друзей. Голову приткнуть негде. Специальность тоже - знаешь, какая, - парикмахер. Не поминать теперь с этим.

- Бывает, - сквозь дремоту промямлил Вошин.

- Во-во! - оживился сержант. - А что если мне податься в Кузбасс? Как думаешь?

- В Кузбассе? - Вошин привстал. - Ну, конечно, вот чудак! - Отчего же, можно и в Кузбасс... Только ты же не шахтёр, не металлург?

Данилов отмахнулся:

- Это не важно! Кто же шахтёром ро-

дится?

Разговор заметно беспокоил Вошина. Он минут пятнадцать поворачивался с боку на бок, но, так и не заснул, вышел в тамбур.

Звёздная широкая ночь неслась за окном всё назад, назад... Перелески тёмными гуртами то подбегали к самому поезду, то стремительно отскакивали прочь. А сквозь грохот колёс был отчётливо слышен миллионноголосый стрекот кузнечиков. Казалось, весь мир населён кузнечиками, что-то старательно, почти неистово кующими под каждой былинкой, под каждым листочком.

Надышавшись вволю упругим ветром, Вошин отошёл вглубь тамбура. Может, он не прав, обманывая Данилова? Может быть, следовало сделать как-то по-другому? Рассказать ему всю правду?

Вошин вспомнил, как в первую же

встречу с Даниловым в Берлине они разговорились по пути в санбат.

- Сибиряки, земляки! - возбуждённо говорил Данилов. - Эх, Сибирь, Сибирь... Далеко матушка!

Но Сибирь велика - уточнять стали: откуда? Оказалось, рядом живут - один в Новосибирске, другой в Кузбассе.

- Так ты из Кузбасса? С Берёзовского рудника? - обрадовался сержант. - Ну, дорогой, за такой удачей мне нужно всю жизнь гоняться. А ну, подожди, садись. Вот так. А теперь выкладывай: Тоню Липилу знаешь? Есть, есть там такая, не крутишь! Знаешь? Я тоже. На Брянском встречались. Ранена там была дважды, потом опять воевала, потом мы потеряли друг друга. Адреса домашнего не имею. Вот горе! Ну?..

- Может, на перевязку сначала? - попробовал увильнуть Вошин.

- Ладно, ладно! - запротестовал Данилов. - Не умрём. Всё равно через час в бой. Выкладывай.

Пришлось выкладывать. Тоню Липилу Вошин, конечно, знает, потому что она ему приходится двоюродной сестрой. Известно ему, что девушка воевала, а теперь...

- Адрес? - перебил Данилов.

- Вот и с адресом тоже. Неизвестен адрес... Скорее всего переменяла она место жительства... - Вошин густо покраснел под пристальным взглядом синих глаз сержанта.

Разговора по душам не получилось. А когда они возвращались из санбата, Данилов, криво усмехаясь, сказал:

- Значит, сестра? А что ж ты так крутишься, будто тебя припекают? Имей в виду, я ведь всё равно после демобилизации съезжу на этот рудник... Такое моё решение.

Трудно пришлось тогда Вошину, да и потом не легче было. Но что он мог сделать? Сказать всю правду? Сказать, что

да, Тоня на руднике, вернее, в соседнем городе, в госпитале, что «не видят её глазоньки света белого», как написала однажды тётка Мария?

Нет, это он не мог сделать - нестерпимо жалко было и сестру, и солдата-товарища, невмочь было бы смотреть на то, как в глазах Данилова погаснут тёплые огоньки... Пусть уж это как-нибудь по-другому произойдёт.

- А может быть, всё образуется? - вслух спросил Вошин и, выбросив окурок, оглянулся.

В двух шагах от него стоял Данилов. Хотел обойти его, но тот только шире расставил ноги.

- Степан, ты твёрдо решил в Кузбасс? Степан даже головой крутнул.

- Твёрдо. Мне надоело ходить вокруг этого. Давай разом договоримся. Я хочу видеть Тоню, и пусть она сама скажет окончательное слово. Что она скажет, будь уверен. Но ещё не в этом вся суть, не потому только еду именно на тот же рудник, что и ты. Есть там такой человек, единственный для меня на всей земле... Гвардии капитан Рогов... - Данилов помолчал, а потом уже тише закончил: - Роднее брата мне этот человек. Расстался ещё на Оudere. Я должен видеть его. А тебе не буду надождать, ночёвки не попрошу.

Вошин гневно насутился.

- Ну-ну! - примирительно толкнул его Данилов. - Знаю, что солдаты, порядочная публика.

Данилов вновь ожил, бегал на станциях за кипятком, без устали наигрывал русские, хватающие за сердце, песни и приобрёл в вагоне немало почитателей.

От Новосибирска в соседнем купе ехала молодая женщина с шестилетним шустрым сынишкой. Мальчуган сразу же пошёл по вагону, с живейшим любопытством прислушиваясь к разговорам взрослых. С первой же минуты он не выпускал из виду Данилова с аккордеоном. Чудесный перламутровый инструмент заворожил его. Наконец он осмелился и мимоходом тронул одним только пальцем серебряный клавиш.

Данилов подмигнул товарищам:

- Серьёзный мужик!

Через минуту они познакомились, а через пять подружились. Поэтому довольно легко удалось выяснить, что Валерий очень обстоятельный человек. Во-первых, у него необыкновенная мать - горный инженер; во-вторых, едут они сейчас из отпуска к себе на рудник, где живёт бабушка и где Валерий думает заняться рыбной ловлей. Между прочим, рыбная ловля - это только так, для потехи, а вообще-то он твёрдо решил тоже стать горным инженером.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что и бабушка у Валерия тоже не такая как у всех соседских ребятшек.

- Н-е-е-т! - мальчуган машет рукой по адресу всех остальных бабушек и пренебрежительно выпячивает нижнюю губу. Собственная бабушка Валерия - мать-героиня называется. - Только... - Валерий подмигивает и с видом глубочайшей доверительности шепчет на ухо Данилову: - Только если по правде, на честное слово, то она никакая не мать, а бабушка.

Это он точно знает. Потому, что если мать, то обязательно молодая, красивая, как вот у него.

- Ишь ты! - удивляется Вошин. - А где же твой папка? Тоже на руднике?

От окна быстро поворачивается мать Валерия. Глаза у неё большие, испуганные. Сердце Данилова тревожно сжимается. Привстав, он энергично подмигивает Вошину.

- А он воевал с фашистами, он сильный! - охотно восклицает мальчуган. - Ты тоже воевал? А почему папу не видел?

Солдаты сумрачно переглядываются.

А Валерий всё настойчивее спрашивает: - Он большой - мой папа... Ты видел его?

- Вот что, дорогой, - спокойно перебивает мальчугана Данилов, - приедешь домой, отправляйся сразу же на рыбалку. А потом учись на инженера. Папа твой вернётся - это я точно знаю.

- Ты его видел?

- Видел, родной! - голос сержанта чуть заметно дрогнул, глаза стали пустыми, невидящими. Но он сейчас не глазами, а занявшим сердцем видел тысячи безымянных могил на полях родины, на берегах Буга, Вислы, Одера... Падают дожди на неприметные холмики, поднимаются буйные травы вокруг, колосятся необъятные хлебные нивы... - Играй, родной! - Данилов ставит огромный аккордеон Валерия на колени и, заметив благодарную улыбку на лице его матери, отворачивается и долго не может зажечь спичку.

- Да ты не тем концом чиркаешь, - замечает Вошин.

- Оставь! - сурово обрывает сержант.

В Белове, выглянув из окна, Валерий кричит на весь вагон:

- Мама! За нас трамвай зацепили! Большущий!

- Не трамвай, деточка, а электровоз, - тихо объясняет женщина.

Слушая звон детского голоса, Вошин смущённо говорит Данилову:

- Умное дитё.

Попетляв на Салаирских горных отрогах, поезд миновал маленькую станцию Артышта. Назад, в ясный предвечерний зной, всё быстрее катились зелёные холмы. В открытые окна врвался тугой чистый ветер. Изредка сквозь железную скороговорку железных колёс слышались короткие певучие сигналы электровозов. С грохотом обвала пронеслись мимо встречные поезда.

- Уголёк... - коротко бросал Вошин и с довольным видом поглаживал колено, словно сам добывал этот уголёк. - А это металл, с Кузнецкого. А алюминий теперь там делают, и машины, и эти... как их, ферросплавы, Кузбасс!

Светлые тени скользят по лицам солдат, на губах улыбки то появляются, то исчезают, а глаза сосредоточенно строги.

Каким недосягаемо далёким казался родной край, когда в январе 1943 года Григорий Вошин мёрз трое суток на безымянном снежном увале, в 90 километрах от Орла, когда, не замечая ни обжигающего мороза, ни частых миномётных ударов, он ожесточённо долбил каменную твёрдую землю, чтобы было за что зацепиться. Далеко был Кузбасс, а ведь даже в самые страшные минуты не покидала надежда снова увидеть эту суровую землю с её скуповатой, но такой близкой сердцу красотой.

Распустив чистые лёгкие паруса, летит над дальними холмами белое облако. Белье домики, выравниваясь по решётчатому оградкам, поднимаются в гору, ближе к солнцу.

- Новый посёлок, до войны не было, - замечает Моисеев и начинает торопливо собираться. - Мне пора, - говорит он, взволнованно покашливая. - Понимаете, как-то вдруг: ехал, ехал, ждал, ждал, целых пять лет ждал!

На перроне прокопьевского вокзала простились с Моисеевым. Поезд тронулся дальше. Смеркалось. Народу в вагоне становилось всё меньше. В соседнем купе капризничал Валерий и всё спрашивал:

- А он не уйдёт? А он даст поиграть на гармошке?

Данилов стоял у окна, медленно приглаживая волосы. Летела мимо смуглая вечерняя земля, взмывали и падали телеграфные провода, ворчали колёса под вагоном: скоро... скоро...

Время жить на земле

О романе Александра Волошина «Земля Кузнецкая»

Среди испытаний, которые выпадают на долю писателя, есть и испытание славой.

Признание и слава к Александру Волошину пришли рано, по существу сразу после первого крупного выступления в прозе. Роман «Земля Кузнецкая», увидевший свет в 1949 году в журнале «Сибирские огни», был удостоен вскоре Государственной премии СССР, за короткий срок много раз переиздан, переведён на иностранные языки.

Между тем роман этот писал солдат, прошедший войну, бывший шахтёр-забойщик, комсомольский работник, журналист, совсем недавно занявшийся профессиональной литературной работой. Ему ещё предстояла долгая дорога творчества.

Александр Волошин шёл этой дорогой с редким достоинством. Может быть, как раз потому, что прежде узнал в жизни много иных дорог. Он любил с улыбкой говорить, что родился ещё в Петербурге: отец писателя служил там в армии. В дни Великого Октября мальчику было пять лет. Семнадцатилетним он начал своё жизненное плавание. В одной из неопубликованных автобиографий Александр Волошин, кроме уже названных ранее его профессий, перечислил и другие: он был «ликвидатором неграмотности», грузчиком в Казанском речном порту и в Красноярской конторе по экспорту леса, землекопом и бетонщиком на Кузнецкстрое, начальником пионерского лагеря, диспетчером в автобазе... Как пригодились Александру Волошину все эти разнообразные и трудные впечатления, когда он начал свой роман, когда мучительно стал искать слова, стараясь «за словом точно угадывать интонацию, жест, глубинное движение характера, а за ним всего человека в его счастливой или трагической неповторимости».

Постигая сейчас дни и труды писателя, думаешь, конечно, и о причине того давнего, первого, стремительного успеха. «Талант и работа» – вот обычная и верная формула литературной удачи. Но, как правило, победа в искусстве ярче и заметнее, когда произведение даёт «портрет» своего времени. Разумеется, речь не о конъюнктурном соответствии «злобе» текущего дня, но об органичном и глубоком созвучии эпохе.

Такое созвучие есть в «Земле Кузнецкой». Пролог, которым открывается роман, автор, что называется, списал с жизни. Этот пролог был частью биографии миллионов людей, в том числе и самого А. Волошина. Вот так же писатель возвращался вместе с другими фронтовиками с войны, из Берлина, и казалось ему: поезд едет чересчур медленно. Так же слышал шутивно-серьёзные обещания товарищей: «Как перееду границу – в первую же русскую девчонку влюблюсь!» Так же дышал он в тамбуре «упругим ветром» Родины и пытался представить: какой будет новая, мирная, жизнь? И вполне мог автор сойти вместе со своим героем на одной из станций, чтобы обнаружить окоп, где когда-то воевал, и невольно удивиться: на месте былых боёв картофельные поля...

Так точно и естественно выбрал молодой прозаик жанр своей первой книги! Ведь роман обычно исследует судьбу человека и народа на переломе. Для героев здесь неминуемы новые испытания и дороги. В «Земле Кузнецкой» это чувствуется в самом начале, в тех простых, как исповедь, фразах, которыми открывается книга: «И разыгралось же сердце у каждого воина, когда эшелон, миновав

пограничный рубеж, помчался по родной земле... Каждый вдруг понял, что давно в его жизни не было и таких туч, и такого розового заката, и кудрявых дымочков за лесом». Уже здесь, в первом абзаце, ключ к поэтике книги и объяснение её популярности.

Думая об истории «Земли Кузнецкой», нельзя не вспомнить: роман писался в те годы, когда на иные произведения сильно повлияла так называемая теория бесконфликтности. Приверженцы этой теории утверждали, что в нашем обществе не может быть никаких серьёзных противоречий – могут быть только конфликты между «хорошим» и «отличным». Принимая подобную точку зрения, писатель не только искажал подлинную картину жизни, но и «подрывал» тем самым сугубо художественную основу своей книги: ведь искусство немыслимо без настоящего конфликта. Разумеется, это относилось не ко всем произведениям и не ко всем писателям. Откликнувшись на появление «Земли Кузнецкой», Борис Агатов верно подметил: «...несмотря на такое «обилие положительных персонажей», роман отнюдь не слашав, совершенно лишён всякой лакировки...»

Избегать благостности и умиленности помог писателю удачно найденный угол зрения. В центре повествования в «Земле Кузнецкой» находится не только один герой с его борьбой, любовью, раздумьями. Тогда же, в пятидесятые годы, постигая своеобразие романа, критики обратили внимание: автор прежде всего «стремится к правдивому художественному показу целого коллектива; причём коллектив этот изображается непосредственно в процессе производства, в процессе труда». Да, через поэзию труда автор рассказывает и всегда манящую его поэзию человеческих характеров.

Вот они, герои Александра Волошина... Кажется, мы уже видели их лица на фотографиях тех лет – то ли в чьём-то семейном альбоме, то ли – на торжественно-строгом музейном стенде. Так типичны они – обычные и разные люди послевоенного десятилетия. Они плотно «обступают» читателя «Земли Кузнецкой». Бывший сержант, Герой Советского Союза Данилов, который приходит после возвращения с фронта на шахту – в бригаду своего имени... Старый забойщик Вошин: для него едва ли не все шахтёрские традиции естественно и просто сводятся к понятию «рабочая совесть»... Парторг шахты Бондарчук: создавая этот образ, автор решает проблему подлинного, но догматического партийного руководства производством.

Но среди многих вопросов и тем есть одна, безусловно, самая главная для писателя и словно бы вбирающая в себя иные. Это тема творческого и нетворческого отношения к жизни. Творческого и нетворческого труда. Именно эта проблема определяет в конце концов расстановку основных героев романа, его истинный, продиктованный действительностью, а не дежурной литературной схемой конфликт, комбинацию да и стиль «Земли Кузнецкой». Скажем сразу и о другом: вдохновение работы и жизни – вот что делает книгу А. Волошина современной сегодня, спустя три десятилетия после её рождения. Пусть меняется техника и технология производства, пусть меняется быт и мир вокруг нас, но всегда живо творчество, без которого нет подлинно человеческого существования. И нет настоящего, приносящего радость труда.

Вдохновение работы определяет и ритм романа. Ритм этот заставляет припомнить известные книги о первых советских пятилетках – «Танкер Дербент» Юрия Крымова, «Время, вперёд!» Валентина Катаева. В этом стремительном, захватывающем ритме святой, безраздельно увлекающей тебя работы живут и любимые герои А. Волошина. В работе, которую можно сравнить здесь с лакмусовой бумажкой, является главная, нравственная, сущность персонажей. Совсем не плох, например, если взглянуть на него в обстановке семейной, инженер Стародубцев, студенческий товарищ Рогова. Но работа давно уже стала для него лишь необходимым добавлением жизни, «неудобным» приложением семейного уюта.

Жажда творчества – это, пожалуй, главная черта в характере, нравственном поведении Павла Рогова. Не кажется неправдоподобным или искусственным то, что, едва вернувшись с фронта, он отправляется в поездку по Кузбассу, знакомится с рудниками...

Хотя, разумеется, «Землю Кузнецкую» нельзя вырвать из литературного контекста своего времени. Многие сблизает произведение Александра Волошина с другими книгами конца сороковых – начала пятидесятых годов, в частности с другими «производственными романами». Есть здесь, к примеру, столь типичная для литературы тех лет борьба новатора и консерватора. Критики не раз подмечали: эта борьба некоторыми писателями упрощалась, лишалась жизненной сложности и сводилась к схеме. Но необходимо отметить и другое: литературный штамп творят эпигоны, именно они доводят до крайности, до примитива то, что было открыто в самой жизни. Так и случилось когда-то с конфликтом «новатор – консерватор». Читая же «Землю Кузнецкую», не думаешь о шаблоне – думаешь о живой, меняющейся действительности.

Когда критики говорят о конфликте новаторов и консерваторов в литературе послевоенного времени, они с иронией вспоминают, как обычно начинались эти произведения. В коллектив – на завод, фабрику, в колхоз или совхоз приходил новый инженер или директор. Ему сразу были видны недостатки. Он рвался в бой. И... одерживал победу.

В романе А. Волошина внешне всё как раз так. Но на самом деле всё гораздо сложнее. Прежде всего потому, что сложнее, неоднозначнее человек, с которым борется Рогов. Это начальник шахты «Капитальная» Дробот. Его образ стал бесспорной творческой удачей автора... Дробот: когда-то, в годы войны командовал на одной из новостроящихся шахт, «командовал круто»... Тогда эти методы можно было если не оправдать, то понять... Дробот никак не может осознать, чего же от него хотят, почему, собственно, сегодня нельзя работать так, как вчера – разве плохо он работал раньше, разве не отдал всё, что мог, победе?.. Но при этом, как замечает вдруг Рогов, Дробот всё больше и больше заботится о собственном добром имени. Так естественно это человеческое желание – сохранить свою честь. Непростительно и преступно оно, если ради этого приходится идти на приписки...

После выхода «Земли Кузнецкой», в течение многих лет, автор получал письма от своих читателей. Иные из них А. Волошин сохранил у себя – эти письма говорят о том, что книга ушла в глубины народной жизни. Некоторые читатели спрашивали у писателя адреса его геро-

ев – хотели посоветоваться с ними о важных для себя проблемах. Другие просто интересовались: как здоровье Тони Липиной? Как сложились её отношения со Степаном Даниловым? А что сейчас с Павлом Роговым?.. При всей наивной непосредственности этих вопросов они были дорожкой к А. Волошину, чем многие восторженные статьи профессиональных критиков о его романе... «...Читатель – это, в конце концов, последняя инстанция при оценке явлений литературы», – считал прозаик.

...По-разному складываются судьбы писателей, рано узнавших славу. Думая о дальнейшем творческом пути прозаика, его друг, известный поэт Александр Смердов, писал в своём предисловии к одной из книг А. Волошина: иногда за «совсем непредвиденной и тем более головокругоуживательной для молодого автора крупной удачей» проходит «очень нелёгкая и затяжная творческая пауза – осознание происшедшего и возникших в связи с ним новых, значительно возросших требований к себе, совершенствования своего мастерства, поисков и накопления жизненного материала для нового произведения».

Наверное, всё это было и у Александра Волошина. И жадное внимание к новым темам, проблемам, вопросам жизни; и мучительная шлифовка своего писательского инструментария; и тревожное стремление подняться в своих новых книгах не только до уровня первой, самой известной, но и выше. Только настоящий талант может пройти подобное жизненное и творческое испытание... Волошин не стал «автором одной книги»...

В последние годы жизни Александр Никитич неутомимо работал с молодыми литераторами: читал чужие рукописи, отложив в сторону свои; редактировал, не жалел времени на долгие беседы с начинающими, писал предисловия к книгам коллег. Ему было хорошо с молодёжью. Должно быть, он надеялся: новая юность повторит дерзание старших, но не повторит их ошибок.

Он умер в мае 1978 года, когда в таинственной глубине писательского сознания вызревала уже новая проза Александра Волошина...

Он успел сделать многое в своей большой и короткой жизни. Но многого всё-таки не успел...

...Никогда не забуду взгляд его, как всегда, добрых, внимательных и, как никогда, уставших глаз в последнюю нашу встречу, в тот трагический для него май.

Я вспомнил этот взгляд, когда снова держал в руках книгу Александра Волошина, которой он как бы простился со своим читателем.

«Время быть»... Так был назван этот сборник. Автор сознательно не повторил названия ни одной из вошедших в книгу повестей. Здесь был и символ, и мужественный вывод человеческой, писательской жизни. Каждому поколению выпадает собственное «время быть» на земле. Своя поэзия, своя проза. Своё счастье, своё горе, свои испытания, наконец.

Александр Волошин, всегда писавший о дорогах своего поколения и своего современника, кажется, напомнил молодому читателю 1970-х: вот и пришло уже ваше «время быть». Оно тоже никогда не вернётся и не повторится, как всякое время. Не пропустите его...

Е. ЦЕЙТЛИН.

(Книга – «Земля Кузнецкая», Александр Волошин, 1980 год).

Сергей ВДОВИН

Полевая почта

Готовится к изданию книга Сергея Вдовина. Она о войне и о Выборе... который война ставит перед человеком. Вот что говорит автор о своем детище: «Посвящаю книгу 177-ому Отдельному Отряду Специального Назначения.

Эта книга о Вас, мои боевые друзья. Я богат Вами и каждый из Вас достоин отдельного повествования. Простите, что на этих страницах о многих не вспомнил, не написал. Я не забыл Вас, нет. Мне просто не хватило умения. Простите меня! Спасибо Вам за то, что стояли рядом со мной тогда, на войне, и незримо, плечо к плечу, стоите рядом до сих пор. Эта книга о Вас и посвящается Вам, мои Братья».

Предлагаем вашему вниманию отрывки из новой книги.

Спецназ

Уходит день
Листом календаря,
Оборван...
Падает...
Работа в ночь
С надеждой, что заря
Нас отдыхом порадует.
Работа в ночь,
Работа на износ,
Лишь день несет забвение.
И, как обычно,
На удачу спрос...
И гоним прочь сомнения.

Без нас...
Спокойные рассветы,
Спокойные закаты.
Без нас...
Приказ...
И вновь вращает в горы
«Легкий на подъем»
Спецназ.
Про нас...
И был, и небылцы,
Кровавые страницы
Про нас...
В который раз,
В который раз, браток,
В который раз.

Уходит день,
И мы уйдем за ним,
До скорого свидания.
Присядем, братцы,
Помолчим,
Покурим на прощание.
Пускай не все
Сбываются мечты,
Беда солдатская не в счет.
Уходим в ночь
Без суеты,
На ночь нам жизнь дает отчет.

Надежда, вера и любовь

У мамы, блеснув, по щеке покатилась слеза.
Когда мама плачет,
у мамы такие большие глаза:
«Опять ты подрался, сынок.
Весь в грязи, нос разбит.
У Боженьки сердце за вас,
за мальчишек болит.
Ну, так же нельзя!
Мир полон добра и любви,
Ты с верой, с надеждой по жизни иди,
Не ври, не кради, не дерись,
Обиды прощай, о прощении Богу молись».

«Лаура! Лаура! Я — Соболь!
Вышел в квадрат. Работаю...»

Пыль-дорожка на сапогах,
Пыль-дорожка на губах.
Солнце жжет,
Солнце нас не любит.
Знаю я,
Когда-нибудь
Все обязательно пройдет,

Лишь сердце не забудет

Разгоряченное небо —
Штрихом трассеры реут.
Надежда и вера —
Штыком песню жизни поют.
Прикладом — на выдох,
С огромной любовью — на вдох.
Ну, где же ты, Боженька?
Или от взрыва оглох?

Все оборвав,
Тишина звенит...
Боль растеклась,
Затопив зенит.
И падает, падает
С неба слеза.
Какие

большие
Бога глаза...

- Доктор! Как он?
- Парень крепкий. Будет жить!»

Первая рота

Высокие, почти трёхметровые глиняные стены, четкими прямоугольниками замыкали в себе три небольших двора. Холодные и безжизненные — от них веяло духом старины и средневековья. Наступающие сумерки это впечатление только усиливали. Но старые стены такими казались лишь на первый взгляд. От внимательного глаза не ускользнут бойницы и амбразуры, в которых нет-нет, да и мелькнет каска часового. А метрах в тридцати от крайнего дувала и вовсе можно разглядеть прикрытый пятнистой маскировочной сетью тяжелый прямоугольник башни боевой машины. Всего корпуса не видно, он в земле, в специально вырытом углублении. Над поверхностью лишь ствол пушки, который недвусмысленно направлен в сторону «зеленки» — Чирикарской долины. Удивительно, но вид современной техники не разрушал иллюзии древности, а наоборот, вписывался в общую картину.

Прежние хозяева покинули эти стены — война! Сейчас за ними расположилась наша первая рота. Первая рота второго отдельного батальона спецназ, полевая почта номер 43151. Сам батальон стоит километрах в трех от нас, за речушкой и кишлаком Гульбахор. А наша рота, расположена на естественной возвышенности, которая позволяла контролировать довольно большой участок «зеленки». Держать под контролем Баграмскую дорогу и караванные тропы, соединяющие Чирикарскую долину с ущельями Панджшер и Саланг. И батальон за кишлаком, и наша рота в частности, расположились настолько удачно, что стали «духам» как кость в горле.

Три прочно натянутые армейские палатки. Под маскировочной сетью столо-

вая. Вдоль одной из внутренних стен выстроились БМПшки. Легкий навес, под ним полевая, насквозь прокопченная, солдатская кухня на колесах. Отдельно в пустынном дворике баня-душ и резервуар для воды — вода привозная. Еще один пустынный двор приспособлен под склад оружия и туалет. Везде аккуратно выложенные камнем дорожки, чистота и порядок. Пулеметные точки на стенах, часовые в полном боевом снаряжении — типичное расположение небольшой, отдельно стоящей воинской части.

Убивал ли я
на войне?

Мне часто задают вопрос, убивал ли я на войне? Сколько? Что при этом чувствовал? Если не получается отмолчаться, я пытаюсь по глазам, по интонации голоса человека понять, почувствовать, для чего он задает этот вопрос? Что им движет? Бывало и такое, что внутренне раздражаясь, я хотел нагубить в ответ, а то и хуже — ударить...

Убивал ли я? Сейчас, когда после тех событий прошло более четверти века, я начинаю понимать, что это вопрос, от которого я всегда интуитивно бежал, не хотел его слышать. Кому-то другому я мог ответить на него со злостью или равнодушно, с пьяной бравадой похвастаться или устало отмахнуться, а для себя... Перед самим собой мне хочется оправдаться. И чем дальше по времени уходит от меня та война, тем острее встает вопрос: зачем? Можно ли было этого избежать?

Убивал ли я? Первый из нашего призыва «молодых» погиб через несколько дней после прибытия в батальон. От брони БМПшки его отрывали — прижарился.

Первым из нашего взвода погиб Коля С. Был бой, получилось так, что он попал к «духам». Не знаю, ранен был или уже погиб, но мы не смогли его отбить сразу. Тогда «Батя», комбат, собрал старейшин кишлака и поставил условие: «К утру парня не отдадите, кишлак сметем». Колю отдали... мертвого. Он был раздет до трусов, изранен, лица не было — я тогда впервые увидел, что жара делает с человеческим телом. Когда мы стали Колю поднимать, раздутое тело лопнуло и потекло. Запах смерти... Война сразу и все расставила по местам — не убьешь ты, убьют тебя. Разве я в этом виноват?

Что я чувствовал, когда убивал? А что я чувствовал, когда мне пришлось своими руками вытаскивать камни из живот наших ребят? Что я чувствовал, когда собирал их израненные тела после того, как «духи» глумились над ними? Что я чувствовал, глядя в их выколотые глаза и понимая, что я остался жить потому, что погибли они? Погибли, спасая других.

Убивал ли я? Сколько?

Сколько... это что, важно? А если только одного? Этого мало? Чем больше, тем «круче»? Перед кем «круче»?

Да, я убивал. Я убивал от страха за себя — хотелось жить. Убивал с ожесточением — мстил за ребят, убивал с азартом охотника — полгода был снайпером, убивал хладнокровно — обстановка требовала, работа такая... Разве я виноват?

Разве я виноват, что мы, тогдашние пацаны и наши офицеры, попали в эту огромную ловушку — Афганский капкан?

Слова Честь, Совесть, Дружба, Дом, Надежда, Страх, Вера, Подвиг, Любовь... Жизнь и Смерть — все эти слова несли для нас свой истинный смысл и звучали только с большой буквы. Значит, все было правильно? Но тогда почему болит душа и хочется оправдаться? Перед кем оправдаться? Перед самим собой?

Да, война провоцирует на жестокость, пытается исказить, убить то светлое и чистое, что есть в наших душах, но тем и ценнее победы над собой.

Я горжусь ребятами, с которыми довелось служить. Я горжусь нашими офицерами — от командиров взводов до комбатов. Горжусь, что прикоснулся к той жизни, в которой был наш батальон, наше знамя. Мы выполняли Долг! Мы сохранили Честь! Судьбы и жизни за этими словами...

С тех пор прошло более четверти века. Недавно я разговаривал по телефону со своим командиром взвода. Мы вспоминали прошлое, и он сказал: «Я не жалею ни о чем. Я повторил бы каждый свой шаг». И я согласен с ним, и я не жалею. Нам есть, за что себя уважать. Но почему же тогда чем старше я становлюсь, тем чаще ловлю себя на мысли, что мне хочется оправдаться...

А в чем я виноват? В чем и перед кем?

«Задавлен» темнотой
На дальней сопке пост.
Пунктирную чертой
Под ним бетонный мост.
Чужая сторона,
Чужой развал дорог,
И нервы — как струна,
И командир так строг.

Слипаются глаза,
Но ночь еще стоять.
Эх, горькая слеза,
Нельзя, солдатик, спать!
Нельзя — один ответ.
От холода продрог,
Из дома писем нет,
И правый жмет сапог.

«Задавлен» темнотой
На дальней сопке пост.
Не спит, «залит» тоской
Окопчик в полный рост.

г. Калтан.

Геннадий ЕЛИН

Весной 2011 года увидела свет книга «Художник, напишите мой портрет...» новокузнецкого автора Геннадия Елина.

«Геннадий Ильич Елин родился 5 июня 1932 года на станции Чулымская Новосибирской области. В 1938 году семья переехала в Крапивинский район, где в 1949 году он окончил среднюю школу. В 1954 году окончил литературный факультет пединститута города Сталииска. В 1964 году – Красноярское художественное училище. В 1975 году принят в Союз художников СССР. Живёт и работает в Новокузнецке. Живописец. Автор картин, пейзажей и портретов. Творческая мастерская в посёлке Сарбала с 1970 года. Поэтический сборник «Художник, напишите мой портрет...» написан в 1991 – 2005 годы и отражает сложное время тех лет», - сказано в предисловии к книге.

В оформлении книги использованы рисунки и живописные произведения автора. На обложке портрет Ольги Тимофеевны Рогатиной, на форзаце фрагмент картины «Опасность».

Эти стихотворения написаны не поэтом, а художником. В этом есть своеобразие книги. Открывая книгу – вы входите в Дом Стихов, где, как и всё в доме, говорит за себя. Мой совет: ищите лучшее, что есть в этом доме.

«Пусть не смущает вас, что я художник. Обе музы родные сёстры и призвание у них одно: душа человека.

Прошу любить и жаловать!»

Выражаю благодарность Валентину Александровичу Кабину, Станиславу Юрьевичу Куняеву, Любови Никитовне Арбачаковой за духовную поддержку своих запоздалых стихов», - так сказал Геннадий Елин во вступительном слове к книге.

Некоторые, из его стихов представляются вашему вниманию уважаемый читатель.

Встреча

Ничто не будет так, как было:
Ни жарких ласк, ни слов любви.
Что было – временем то смыто
Их в память больше не зови!

Душа даётся нам навечно
А жизни срок, что телу дан,
Так мал и мизерно-беспечный –
Не соответствует годам.

Душа, известно, светоч тела
И даже в старости горит:
Блещат глаза открыто, смело –
И миру светлое дарит...

Душа летит, поёт от встречи!
Всегда - с Божественной красотой!
Пусть будет дождь, пусть будет ветер –
Иль дева с русою косой!

И счастье радости от встречи
Уносит душу к тем годам,
Когда твои большие плечи
Склонялись жертвенно к ногам.

Милая женщина

Невозможно Поэту прожить не любя:
Ни Россию, ни Землю, ни женщину!
Богом данная эта стезя
Будет срезана, если уменьшена.

Невозможно взлететь без крыла –
Даже если те крылья уменьшены.
И высокий полёт та душа не брала –
Для любви была создана Женщина!

В этом мире Поэт, как природы слеза, -
В нём душа с небесами повенчана!
И любовь, и Полёт, и Судьбу нам всегда
Вдохновляет Любимая Женщина!

Не бывает стихов без любви.
Если мало - Душа в них уменьшена!
Нашу жизнь забирает в свой плен навсегда
Только самая милая Женщина.

Прощание

Любови Андреевне Е.

Твои глаза, как две печали
Горели, жгли, себя губя, -
Вернуть всё прошлое зывали, -
Всю жизнь, на ключья разнеся!

Не жар души в них жадно светит,
А жизни той неверный путь,
И трудно было не заметить
Желанье – ось Земли свернуть!

Но миг прощальный всё расставит:
Уйдёт в забвенье тайный ход,
Вагон плакатный всех отправит –
И нет путей на разворот!

И долго будет глаз сужаться,
И гневом брови шевелить:
«Как смел ты, той повиноваться,
Меня, оставив, разлюбить?!»

Шло время тягостно и быстро
по тем часам...
Глаза раскосые катились...
по небесам...

Постскрипtum
(к письму)

И ещё я скажу – без тебя я – никто!
Без тебя бы, наверное, умер:
Ни детей, ни картин, ни стихийных витков –
И мой голос исчез, словно зуммер!

А спокойная жизнь лишь дана дураку –
Без тревог, без борьбы и сомнений!
Я такую Любовь и врагу не реку.
Где по жизни шагать без горений!

Я немножко не тот, что окрест мой народ,
Ты такого люби, если сможешь.
Ну, а если в душе твоей бродит разброд,
Ты меня, как Поэта, угробишь!

И ещё: на постскрипtum скажу –
Ты судьбою моей хороводишь!

Берег реки

Станиславу Куняеву

Что мне берег без Друга?
А река без любви?
Скрыта воля у струга:
Куда хочешь, плыви...

Годы грусть навевают,
Время вёсла снесло!
«Корабли умирают
И ложатся на дно!..»

Берег гол и пустынный!
Бег воды устремлён...
Я однажды невинный
Был в тот омут сметён!

Ветлы машут и виснут,
Над бегущей рекой.
Я один здесь закисну,
Хоть от скуки завой!

Я люблю, где кипенье
Не одной лишь реки:
Где трава и растенья
Рвутся к сердцу Земли.

Мне там ближе и видно,
Что я тех же стихий
И душа безобидно
Ловит с неба стихи.

У реки надо Друга,

И Любовь, чтоб была,
А иначе...
от струга –
Тянет в омут скала...

Песнь о старом коне

Не разорвать мне удила и кольца,
Не ускакать в зелёные луга,
Не пронестись под взором Миротворца,
Не одолеть соперника – врага!

Не одолеть оврагов или речек,
Не прыгнуть выше самого себя,
Не улечь по воздуху, как свечка,
И не догнать ушедшую тебя...

Бывает, в дрёме очень часто вижу:
Поля степей и резвый конский круг...
И этот сон я бисером нанижу –
И, молча, в тишине веду досуг...

Ты надо мной теряешь нынче силу:
Ни слов твоих, ни взгляда не приму...
Была ты мне родной и милой –
Сменился рай на мрачную тюрьму!

Всегда один, с задёрнутым забралом:
Непонятый, не разделимый враг...
Устал молчать! Срываю покрывало
И объявляю: наступил «аншлаг»!

Не надо мне ни почестей, ни славы,
Без друга – тоже как-то проживу...
Но без Любви,
без Женщины – Любавы –
Я не Поэт! Я чёрствый хлеб жую...

Дано мне жить без всякой середины:
Тонуть – так в глубине реки!
Любовь и Жизнь так слиты воедино –
И счастья нет...

без колдовской руки.

Стихи... и есть любовь Поэта –
В них его женская душа...
Приходят в полночь! До рассвета
Горит в окне его свеча.

В них красота былых мечтаний,
В них боль невыплаканных слёз.
Сгорит в стихах костёр желаний
И стих наполнит морем грёз.

Мир отойдёт! И станет тихо.
Наступит время забытья...
Стих без любви? Какое лихо!
В нём нет восторга бытия...

Ты моя последняя ошибка
На излёте прожитой судьбы.

Скучно в поле – и скрипит кибитка!
Ветром обдувают душу льды.

Лето жизни слишком было кратко –
Улетело в бурях непогод!
Верилось, что дальше будет гладко
Вышло всё как раз – наоборот!

Тайна жизни так и нераскрыта,
Пройден путь отмеренных дорог.
А в конце – разбитое корыто...
Как итог надежды и тревог!

И душа смятенная прижмётся,
Сердце остановит долгий бег.
Жизнь косою острой оборвётся
И уйдёшь в отмеренный ночлег.

Но не всяк спокойно согласится
И уйдёт от света бытия.
Божий дар обязан проявиться –
След оставить в «книге» жития...

Отрешись! Сними житейску блузу –
В жизни есть у каждого стезя!
Для души возьми в подруги Музу,
Строй стихи по форме буквы «Я».

Ты меня разлюбила, Хорошая,
За мою неумную страсть...
Весь усыпан я снежной порошею –
Ни ко времени эта напасть...

Лучше разом - уйти, разминуться –
Разлюбить ещё сила была,
Но теперь мне уйти – не вернуться,
И смущает людская молва...

Век прожить – в один миг разлететься!
Разрубить свою жизнь пополам?
Где костёр, у которого греться
И молиться ушедшим Богам?

Одному на земле очень холодно...
Сердце станет бесстрастно стучать...
А вдвоём без Любви очень голодно!
И невесело раны латать!

Где исходная точка отлёта?
Утопиться ли в быстрой реке? –
Завернуться клубком – и пропета...
Золотая весна на земле...

«Всё проходит» - в кольце Соломона –
Нам от века даётся исход
Мне печаль эта очень знакома...
Выбирайте: кому подойдёт!

И понял я, зачем бросают женщин
И, очертя, уходят в пьянь и блуд.
Любовь ушла! Не то, что стала меньше
Ушла совсем с концом семейных пут.

Во сне и наяву вся жизнь твоя сменилась
Ещё ты тянешься к угасшему костру,
Где был огонь, — осталась Божья милость —
Без снисхожденья к грешному рабу.

Ты в небе просмотрел счастливую планету
В своих бредово-жизненных путях
Сгорел! И сжёг! И — счастья больше нету!
В огне борьбы огонь любви зачах.

Уходишь ты с обидой от традиций,
Судом безжалостным всех ближних осудив,
И женщину, любимую лет тридцать
Во всех грехах безвинно обвинив!

Наверно всё, вконец раскручено в запале?
Не сам ли ты всё в жизни разметал?
Шёл на пролом и не шадил вначале —
Любви ты приговор по «вышке» подписал!

Уйти — уйдёшь! Но сердцу не прикажешь:
И память прошлую не сдашь
легко в «ломбард».

Как не мечись — тот узел не развяжешь,
Хоть магом стань, хоть будь великий бард!

Один лишь Бог твою дорогу знает
И эти муки: пепла без костра!
Беду он отведёт! Тебя благословляет —
Иди, как шёл! Сжигай талант, до тла!

Смещение

Я живу: я — доживаю —
Мой путь извилист и без битв.
Я не горю: я догораю
Среди оставленных молитв.

Всё стало дико огрублённым
И русский мат в конце пути!
Венцом терновым пригвождённый,
Я вижу некуда идти!

Любовь? Давно никто не любит
И сам устал Любовью жить,
И каждый день нас в шепки рубит —
Всё собралось в тончайшую нить.

И поистерлось, как заплатки,
На старом рубище раба,
Молчим о том, что дни не сладки:
Вконец порушена судьба!

Одно, быть может, мне явилось:
Поставить слово в точный ряд,
Как будто жизнь моя сместилась
В конце пути на новый лад.

И даже живописи краски
Ушли от сердца, заслоня,
Одной лишь чёрною повязкой
Из ран сочится кровь моя.

Я начал петь про то, как плохо
В конце пути увидеть ложь,
Но если ты Певец от Бога,
Себя обязан превозмочь!

И песнь пропеть! И выйти к людям
Из личной жизни и судьбы,
Чтоб Песнь жила без меренхлюдий
По-русски звонко, для гульбы!

Я не живу: я — доживаю,
Пожалуй, все пятнадцать лет,
Стихи суровые слагаю —
В них боль моя и мой завет:

Я эту жизнь не принимаю
Пятнадцать лет, хоть сотню лет...

Никто не протянет руку,
Не бросит спасательный круг,
Никто не разделит скуку,
И песнь не подхватит Ашуг.

Судьба, как известно, по кругу
Уносит восход и закат,
Помочь даже близкому другу

Бессилен бывает собрат.

У мужества есть своеволие —
Снимите доспехи с лат!
Поменьше словес суесловья —
Ты дальнему миру свят.

Уйти под закат осенний,
А лучше — как Бог порешит...
Без всяких лекарств и сомнений —
Приемля, что время свершит!

Звёзды мирно мерцают на небе —
Спит морозная ночь в Сарбале!
Но спит моя память о Хлебе,
О далёкой ушедшей войне.

Не забыты те годы страданий,
Не ушли, не упрятались в даль.
Сколько было других испытаний —
Всех печальнее эта печаль.

Небо — тоже! И звёзды всё — те же!
Что взирали спокойно на нас,
Только нас они видели реже —
Мы недетский вершили указ...

Неужели взаправду так было?
Жизнь по ниточке тонкой вилась
И ветрами нас тоже сквозило,
В то бесхлебное детство для нас...

Вековечная битва всё длится —
Эстафетой идёт к молодым!
Хлеб крестьянский ночами мне снится,
Тот крестьянский, что был золотым!

Время

Нет ни каений, горького плача —
Отлетели под натиском лжи!
Как усталая, старая кляча...
И ржавеют без битвы мечи.

Скука серая тянет, как тина!
Вдруг раскатистый слышится взрыв —
Террорист под халатом акына,
Рвёт себя — всю толпу зацепив!

Век похожий был с ИГОМ монголов —
Русь укрылась от суетных дел,
И в лесах у зелёного дола
Запускала себя в передел.

Видно, здесь карта временем бита
И по прежней реке не уплыть,
Есть своё родовое «корыто»
И его нам дано сохранить.

Рассупонены кони, без упряжи —
Каждый воле отдаться готов...
Но покуда живы, эти древние кряжи —
Возродится душа из оков.

Редаково

Что весна, что зима — одинаково!
Лёд души не могу растопить!
Я уеду в деревню Редаково
И в печах стану сердце Калить!

Холод душу сковал одиночеством,
Точно «Красин» зажат между льдов...
Не сбылись никакие пророчества —
Не погибших в войне и не вдов!

Разметалось кустистое дерево,
Видно, корни упёрлись в гранит,
Мы не знали, что новое зарево
Тот раскидистый дуб сокрушит.

Не видать, что цветёт и порхает,
Собирая нектар и пыльцу:
Кто спокойненько дань собирает —
Катит бочку к родному крыльцу!

Упадёт истощённое дерево
И пчела улетит за рубезь,
И роскошную крону от дерева —
Порасхитят, поделят промеж!

Грусть на сердце закована знаково —
Тот же «Красин» и вечные льды...
Я уеду в деревню Редаково
И в печах растоплю эти льды.

И жизнь, вроде, стала богаче:
Свободу хоть черпай ведром...
Но хочется всё разиначить,
Вернуться в порушенный «дом».

И нет, вроде, битв! И без боя
Сдалась христианская Русь,
Ползут по стране — без отбоя,
Торговцы — менялы Марусь!

Опутала сеть магазинов —
Торгуют, отделкой маня...
А импортный блеск лимузинов —
Теснит по дорогам меня.

Предчувствие страшного горя,
А может — всерусской беды.
Неужто — не хватит нам моря,
Слёз братьев, разбитой страны?

Тяжёлые думы снедают
И рук опускается плеть,
Съедают Россию, сужают —
Душа перестала гореть!

И, вроде, фасады сверкают,
И в сотовый бомжи вопят...
Но люди от душ отлетают
И пьют наркотический смрад.

И гложет, и душу изводит
Одна неотвязная мысль —
Куда нас с Россией уводит
Чужая заморская кисть?

Бывает подвигом минута

Виктору Александровичу Тихонову

Бывает подвигом минута,
Бывает подвигом — вся жизнь!
Когда судьба бедой разута,
И нет путей назад вернуть...

Виктор Александрович ТИХОНОВ.

Не дать увлечь себя печали,
А душу мужеством одеть...
Такого мы вовек не знали —
И не смогли бы одолеть!

Пройти по жизни с гордым чувством,
Душой ничуть не покривить,
Упрятать мужество и муки,
И от сочувствующих скрыть!

Дано не всем! Я в том уверен!
И я, наверно бы — не смог!?!
И от того мой путь проверен:
Твой подвиг мне взлететь помог!

Жить без уныния и скуки,
Не разводить халям-балям...
Учили дружеские руки
И помогли слепить вигвам!

По жизни я люблю лишь смелых —
С полётом мысли в голове!
Был твой совет из мудро-зрелых,
Что не сыскать в родной братве.

Ты близок мне в своём полёте,
И боль за Русь у нас одна...
Мы ждём, когда страна на взлёте
Расправит срезаны крыла!

Мои стихи чисты, как совесть!
Я от души пишу, мой друг!
Стихи малы — они не повесть:
Услышь в них боль, и сердца стук!

Малая Родина

Лучи пригнулись и летят...
Корявый лес сквозит...
Линуют зимнюю тетрадь
И блеск глаза разит!

Берёзка белая, проснись!
Плянь в синеву небес!
А небо и земля сомкнись —
Окрасив небом лес!

Все горизонты сколоты
Мелькают без следа!
А церковь чистым золотом —
Глядится в небеса!

Белый край! И лес весь белый...
Вырастает охапками струн...
И летит мой автобус смелый,
Как языческий бог Перун!

И такое дыхание дали!
Не мешает ни лист, ни трава...
Вы навряд ли такое видали,
Зацепившись за угол стола...

Хлеб с полей все давно поубрали,
Колеруют их белым снега...
И дороги все белыми стали...
И друзья... и на взгорье стога...

Ты теперь мне, почти, незнакомая:
С юных лет я оставил твой дом...
Но всю жизнь: ты одна лишь искомая —
Моя боль! И мой вечный фантом!

Русичи

Вашу скифскую жизнь кочевую,
Византийская благодать взяла,
Вы змеёй влезли в шкуру чужую,
Имя «РУСЬ» —
Византия дала!

Вы кидались в схватку азартно —
Конский топот, степной ковыль!
Возвращались с добычей обратно,
Унося басурманскую пыль.

Нарубали дровишек — сердешные!
Всегда на руки были легки,
А дела ваши скифские грешные —
Видно были с той лёгкой руки?

Век от века шутили с дубинкою,
Как медведи, в тех —
Брянских лесах.
Нагоняли вы страхи былинные,
На своих и соседних полях.

Нет числа, кому шею Вы мылили,
По загривкам влетало и Вам,
Брагой жажду изрядно глушили Вы,
Выходя из лесов к берегам.

Нахрабились и беды накликали:
Тьмой великою Русь занялась!
Оттеснили Вас полчища дикие
Устрашающим криком:
«УГА — А — С!»

Вашу скифскую жизнь кочевую,
Византийская благодать взяла.
Вам вручила и
Веру Святую —
Умирая, свой Крест отдала!

Людмила ЛУКЪЯНЦЕВА

Люблю Россию

Пишу стихи про разные стихии:
Про солнце, воду, землю и огонь,
Ищу слова надежные, простые,
Чтоб зазвучали песней под гармонь.

Пою я в песнях о моей России,
Цветущей, в бело - розовых садах.
Она сама, как вольная стихия,
Широк, могуч груди ее размах.

Люблю Россию! Светлую, святую!
Ее поля цветные, как ковры,
И мне не надо Родину другую,
В ней люди все с рождения добры.

Мама

Долгим час был до конца дороги,
И трудны лишения мои,
Наконец, я на родном пороге,
Слов от счастья не могу найти.

Вижу мамины родные руки,
Добрые лучистые глаза,
Нет печали в них, нет горькой муки,
Лишь от радости блестит слеза.

Расцелую, обниму за плечи,
С ней о прошлом будем говорить,
И зажжем мы у иконы свечи,
Чтоб родные стены осветить.

Вспомним детство, звонкое, босое,
Взлеты на качелях в небеса
И мою мечту, как у Ассоли-
К счастью плыть на алых парусах.

Свечи, тихо сонно догорая,
Затрещат в полуночной тиши.
-Я люблю тебя, моя родная,-
Прошепчу я маме от души.

Огонь Прометей

Зажги с утра в своей душе огонь,
Рассчитывай на вечное горение
И сердце святым пламенем затронь,
Огонь для нас великое знамение.

Он может сжечь порою все дотла,
До пепла, до чуть тлеющих углей,
Но эта сила нас во тьме спасла,
Огонь, огонь принес нам Прометей.

Я факел-памятник по всей планете
Поставила ему бы, коль смогла.
Огонь его души веками светит,
И тает перед ним ночная мгла.

Зажги с утра в душе его огонь,
Воздай ему почтение в поклоне
И сердце святым пламенем затронь,
Огнем, что загорел на небосклоне.

Цветная радуга, гордясь убранством,
Полукольцом согнулась - вдвое,
Переломила пополам пространство,
В нем небо — зеркало кривое.

Средь мудрецов бытует мнение
О брэнной жизни, полу серой, тленной,
Живем, как в зеркале, в затмении,
Глядим все на себя, как в отражение.

Не одолев беду, мы смотрим кисло,
Не видим радуги, ее убранства,
Не замечаем — небо стало чистым,
И выпрямилось вечное пространство.

Не зрим и солнце, что сияет ярко,

Живой родник бьет весело, ключом.
Я думаю, так тратить время жалко,
Ведь руссичам все беды нипочем.

Источник счастья...

Дни мчатся, как олени, к водопою,
Не остановишь время, не продлишь.
Возьмешь страницы памяти с собою,
За счастьем в жизни вместе с ней спешись.

И вертись, как уж, на сковородке,
Все ищешь у судьбы к себе доверия,
То сыплешь соль на раны по шепотке,
То просишь, чтоб Любовь в тебя поверила.

А твое счастье где-то на задворках,
Сжимается в комочек незаметный,
Чуть держится на жизненных подпорках
И ждет, когда наступит час заветный.

Олени-дни несутся к водопою,
Их стук копыт в траве высокой гложет.
Иди за счастьем собственной тропой,
Не жди, когда источник пересохнет.

Зерна жизни

Все то, что кажется порою ничем,
Является зерном всего на свете.
Мы недовольны и на жизнь ворчим,
А зерна жизни — это наши дети.

Понять величье истины спеша,
Она откроет тайну мирозданья:
Частицы плоти, сердца и души-
Святых Небес великое созданье.

Любите ваше продолжение рода,
Будь то Парис, прекрасная Елена,
Родив детей, поймете через годы,
Что в вечности вы избжали тлена.

Не тот велик, кто овладел всем миром,
А тот, кто защитит его готов.
Не тот велик, кто обижает сирых,
А кто поможет им без лишних слов.

Не тот велик, кто сердце сделал твердым,
А тот, кто в нем зажег огонь добра.
Не тот велик, кто до смешного гордый,
А кто полюбит, коль пришла пора.

Не тот велик, кого река уносит,
А тот, кто сможет реку переплыть.
Не тот велик, кого толпа возносит,
А кто сумеет ей руководить.

Не тот велик, кто сам на пик взобрался,
А кто поднял на пик друзей, родных.
Не тот велик, кто с трусостью обнялся,
А кто позвал на подвиги других.

В гавани лести

В гавани лести удобно живется,
Здесь воспевают, возносят и чтут,
В гавани лести нам все подается
В низком поклоне, который здесь ждут.

Сразу великим становишься,
важным,

Все остальные тебе ни чета,
Не замечаешь и критики каждой,
Ты ведь великий, к чему маята?

Поздно приходит прозренья от плена,
Лести, похвал и коварства людей.
Ты не спеши стать великим мгновенно,
Чашу терпения в жизни испей.

Слава придет, коль ее мы заслужим,
Сами добьемся в упорном труде,
Все испытаем: жару, злую стужу...
Слава придет по заслугам к тебе.

У чужого огня не согреешься,
Не создав своего очага.
На чужую Любовь понадеешься,
Не поймешь, как твоя дорога.

Вехи жизни расставлены каждому.
По судьбе нужно смело идти
И усвоить всем истину важную-
Самому нужно счастье найти.

А найдешь, вот тогда и согреешься,
И получишь от жизни ответ.
И печаль, и тоска вмиг развеются,
Станет радостью солнечный свет.

Разлука

Небо испачкали черные тучи,
Зябко вдруг стало уставшей душе,
Вспомнился мне этот свадебный случай,
Как разбивался хрустальный фужер.

- Бьется посуда, - кричали, - на счастье!
Жаль, но примета в судьбе не сбылась,
Выпали карты все пиковой масти,
Тропка моя и твоя разошлась.

Бродишь ты где-то один по планете,
Я по дороге разлуки хожу,
Солнце отдельно нам каждому светит,
Вишню весной без тебя посажу.

Небо испачкали черные тучи,
Осень рассыпала слезы в душе.
Болью разлука обоих нас мучит,
Только не склеить разбитый фужер...

Замерзают все чувства зимой,
Щедрость прячется где-то в потемках,
И Любовь обожает покой,
Спит, в клубочек свернувшись котенком.

Холод выстудил душу до дна,
И метель прогулялась по сердцу.
Но приходит в апреле весна —
Никуда от Любви нам не деться...

По тернистым тропинкам брожу,
Каблуки на асфальте сбиваю,
Но с прямого пути не схожу,
Неудачи надеждой латаю.

Коль беда, за себя постою,
Поделюсь и с друзьями советом,
Все долги до зари отдаю,
Не нарушив святые обеты.

В брэнной жизни сумела понять,
Что Любовь всех важнее на свете,
И, что надо с любимым создать
Свой очаг, чтоб рождались в нем дети.

Сколько лет проживу?

Я не знаю,

Где конец нулевого витка,
Но вперед терпеливо шагаю,
Хоть земная судьба не легка.

Ветер странствий,
подуй из-за гор,
Надо мною с утра покружись,
Заскрипела, как старый забор,
Моя хрупкая личная жизнь.

Принеси два блестящих крыла,
Полетаю с тобою над миром,
Я так долго в разлуке жила,
Дай мне, ветер,
увидеться с милым.

Пусть обнимет и скажет поостроже:
- Ты, родная, слез больше не лей!
И мы станем опять вдруг похожи
На чету молодых лебедей.

Лебединая верность поможет
Нам по жизни суровой пройти.
Пусть тропинка не вечна, но все же,
Помоги, ветер, счастье найти.

Я вернулся

Последняя февральская метель
Поет, кружит, тропинки заметая,
Не за горами март, тепло, капель
И ручейков мелодия живая.

В моей душе зажжется огонек
Надежды на желанную удачу,
На новый, важный жизненный виток
Судьбы, и жизнь продолжится иначе.

Я встану под весенний теплый дождь,
Чтоб мир весны моей души коснулся.
Ты на закате в дом тихонечко войдешь
И скажешь:
«Родная, я вернулся!»

Человек, одиножды предав,
Будет предавать тебя всю жизнь.
Ты, в судьбе предательство познав,
От своей Любви не откажись.

Лишь Любовь спасет тебя в дороге...
Вера и Надежда приведут
К той, что встретит
нежно на пороге,
И создаст твоей душе уют.

Дар Любви дается нам навечно,
С ним рождаемся на белый свет.
Первая Любовь
всегда беспечна,
Хочешь, осуждай, а хочешь, нет...

Человек, одиножды предав,
Будет предавать, пока он жив.
- Да!- Любви великой не сказав,
Не услышит пламенный призыв.

Люблю сидеть у родника,
Где струйки голубем воркуют,
И в отраженья облака
Друг друга с нежностью целуют.

И где купается в ночи,
Звезда из сумрачной Вселенной.
- Фу- Бу,— сова вдруг прокричит,
И звук затихнет постепенно.

Люблю узор в нем золотой,
Что утром подарила осень.
Раздвинешь листья над водой
И вновь увидишь неба просинь.

г. Новокузнецк.

Ольга БЕККУЛИЕВА

Летом этого года вышел сборник стихов «Хрустальный куб» таштагольской поэтессы Ольги Беккулиевой.

Этот второй по счету сборник выпущен при финансовой поддержке администрации города Таштагол и Таштагольского района и лично главы администрации Владимира Макуты, начальника управления культуры администрации Таштагольского района Надежды Согриной, директора МП «Партнёр» Александра Мерзлякова, руководителя Социально-реабилитационного центра Любви Поль и ветерана труда, и любимой бабушки автора Марии Потаповой.

Объём книги немногим менее ста страниц, он вместил более восьмидесяти стихотворений автора.

Открывает книгу предисловие «Удачная заявка» члена Международного Сообщества писательских Союзов Олега Максимова.

«Так уж зачастую случается, что первая книга поэта – ещё и не книга вовсе, а лишь заявка на будущее.

Ольга Беккулиева сделала такую заявку в 2004 году, когда вышел в свет её поэтический сборник «Я нарисую твой портрет».

Были в нём добротные, мастерски выполненные стихи, были и

откровенные неудачи.

Но одно при этом было ясно: в литературный мир Кузбасса вошёл несомненно одарённый поэт...

Вторая книга Ольги Беккулиевой называется «Хрустальный куб».

И дело здесь не в том, что так озаглавлено одно из лучших стихотворений книги.

Хрустальным кубом в стихах представлена наша жизнь – полная невероятных преломлений, невыразимо прекрасная, но и в тоже время предательски хрупкая, способная мгновенно разбиться вдребезги.

«Хрустальный куб», как мне видится, несёт в себе три основные темы: Любовь, Материнство, Природа.

Есть в книге и стихи иной тематики, но эти три выражены наиболее ярко.

Не тратьте время зря, не ищите в книге стихи типа «Вернись! Я всё прошу...» Смертно переболел Любовью и Расставанием, героиня стихов Беккулиевой научилась самому, наверное, главному – чувству самоиронии...

Редакция «ЛХГА «Усытская россыпь».

Уже разбит хрустальный куб,
Лежит осколками дождя...
Моих ты не коснёшься губ,
В полузабвенье уходя.

Мы не помиримся уже,
Напополам разделим ложь,
И ты в разгульном кураже
Остаток счастья проведёшь.

А я, слезами замоля
Дни, что в любви я провела,
Поставлю вместо хрустала
Куб из обычного стекла.

А ты завёл себе любовницу –
Опять не ночевал вчера!
И у меня теперь бессонница,
Тоски и ревности сестра.

Сама себе готовлю ужины
И печку для себя топлю.
Как одиноко быть замужнею!
А ночью... ночью я не сплю.

Всё вспоминаю наше прошлое
И жду, что тихо скрипнет дверь.
Я дома, как котёнок, брошена...
Я не нужна тебе теперь...

ЛОЖЬ

И, бросив в след последний взгляд,
Один, ссутулившись, уйдёшь.
Ты знаешь сам, кто виноват,
Что появилась эта ложь,

Что пыльным цветом расцвела,
Ломая хрупкий наш очаг,
И нас с тобою развела,
Над нашей жизнью хохоча.

Очаг неяркий наш погас.
Остыл и замер старый дом.
Есть ты. Есть я. Нет больше НАС.
И только ложь. Всё ложь кругом...

Свершила поворот Земля,
Совсем как в детстве карусель.
Жизнь начинается с нуля,
Восьмёркою на колесе...

Разбит убогий тарантас.
Я от него не жду чудес.
За мной прилёт на этот раз
По меньшей мере «Мерседес»!

Повозка жалкая моя,
Ты столько лет меня везла.

Теперь с тобой прощаюсь я
Без сожаления и зла...

Вы меня совсем не помните...
Так печальна и нежна
По пустынной бродит комнате
Ваша бывшая жена.

Распустилась роза чайная,
Погасил сквозняк свечу...
Почему я так отчаянно
Встречи с вами не ишу?

Почему такие разные,
Без упрёка и вины,
Мы теперь ничем не связаны
И друг другу не нужны?

БРОШЕНКА

Я теперь разведёнка. Брошенка.
И не жду я родного к ужину.
Потерявшаяся горошинка,
Превратившаяся в жемчужину.

Потерпела я поражение,
Ожидала - век буду маяться...
Только в зеркале отражение
Так счастливо мне улыбается.

Почему-то мысли разбросаны,
А печаль загадочна и светла –
И цветут июльские розаны,
Там, где только польнь росла...

РАЗВЕДЁНКА

Завтра снова выйду в свет,
В голубые дали.
Вы меня не ждали, нет?
Вижу, что не ждали!

Вы бояться не должны,
Милые подруги,
Совершенно не нужны
Ваши мне супруги.

Не хочу чужое брать –
Так не будьте злыми,
С детства не люблю играть
Куклами чужими!

Так что ревность ни к чему,
Не хватайте саблю!
Я себе своё возьму,
Ваше – вам оставлю!

Искала в нём прекрасное,
Писала пачки писем...
Ах, видимо, напрасно я

Весь выметала бисер!

Любила – до отчаянья,
Нелепая, смешная...
Но поняла нечаянно,
Что я – очередная!

Забыла всё старательно
И отошла от шока.
Да, рядом нет предателя.
Но как же одиноко!

Уехала автостопом...
Я просто авантюристка!
А счастье прошло так близко
По горным узеньким тропам.

А я по шоссе летела,
Стараясь догнать виденье...
Устала быть просто тенью.
Быть рядом с тобой хотела!

А счастье неторопливо,
Босое, ушло куда-то
И спряталось за закаты,
Чтоб я не была счастливой...

Я, знаешь, счастлива очень.
Хоть думала, что умру.
День сумрачно озобочен,
Озяб на сером ветру...

Иду, улыбаясь встречным
И кутаюсь в красный шарф...
Ожог душевный залечен,
И память сложена в шкаф.

Ты знаешь, я не скучаю,
Не вижу тебя во сне.
Всё чаще я замечаю,
Ты больше не дорог мне!

НОЧЬ

Сумасшедшая жаркая ночь...
В иступленье мечусь русалкой.
Я - бесстыжей Венеры дочь,
Мне сегодня любви не жалко.

Я себя до капли отдам,
Разливаясь тёплой волною...
Прочитаешь ты по складам
Всю науку страсти со мною!

И стекает скользкий шёлк
С плеч моих, как пена морская.
Ты сегодня меня нашёл,
Ты не знаешь, кто я такая...

Завтра будет обычный день,

Твоего избегу капкана,
Проскользну, как лёгкая тень,
И растаю кромкой тумана...

ШУТКА

Пузырьки на стенках и дне,
До поверхности далеко...
Тонет муха в сладком вине –
В золотом французском «Клико».

Напилась серебряных брызг –
И свалилась в узкий бокал...
Тонет муха, пьяная вдрызг,
В полусне огней и зеркал...

Не пыталась даже взлететь,
Не боролась и двух минут –
Согласитесь, какая смерть!
Это вам не в пиве тонуть...

Он мамы моей не боится!
Он грезит и дышит лишь мною.
Он, кажется, хочет жениться –
А я не хочу быть женою.

Он терпит характер мой вздорный,
Меня ни за что не ругает,
Мой ветреный нрав непокорный
Нисколько его не пугает.

На принца ничуть не похожий,
Обычный мальчишка упрямый.
Меня он намного моложе,
И я себя чувствую... мамой...

Легонько ему чубчик взьерошу,
Надеждой его согревая...
Он милый. Он очень хороший.
Но мы с ним не пара... Я знаю...

Позвонил: «Через час приезжаю...»
В сердце вдруг повернулся бурав.
Я метнулась, на стол собирая,
Придевшись, квартиру прибрав...

В голове соловьиные трели,
А из сердца победный клич...
А в ночи тормоза заскрипели
И с «КамАЗом» столкнулся «Москвич»...

Мимо дома сирена провыла,
И простужено рывкнул мотор...
На столе вся закуска остыла –
Что же нету тебя до сих пор?

Третий час... Я и ждать перестала,
Гулко капала в кухне вода.
Я ругала тебя и не знала –
Ты уже не придёшь никогда...

Геннадий МОРОЗОВ

САШКА

Рассказ

- Когда же ты, наконец, возьмёшься за ум? За что мне это наказание, Господи! - первое, что слышит из пелены раннего утра Сашка. Голос матери звучит привычно и не вызывает чувства раскаяния.

- Немного пошумит и успокоится, - подумал Сашка, высвобождая себя из плена кошмарного сна. Опять ему снился лес, являющийся в ночных видениях после изрядной пьянки. Будто бредёт он по этому лесу, спотыкаясь о гниющие пни, натываясь на покрытые мохом, торчащие сучья. Бредёт без надежды найти выход из дикой чащобы. Наконец, когда впереди показывается спасительный просвет, он внезапно проваливается в бездонную яму. Летит в жуткую тьму с криком, от которого просыпается.

- Всё нормально, мама. Я не алкаш, захочу - и не буду пить. Просто вчера посидели с друзьями. Ну и пригубили чуть-чуть, не без этого. Ты лучше включи чайник, да завари покрепче.

Сашка, шлёпая босыми ногами по полу, направился в ванную. Вода умиротворяющее действовала на взбудораженное ночным видением сознание. Приносила чувство защищённости и покоя. Слава Богу, что это был всего лишь сон! В реальном мире, ему не грозит заплутать в дебрях, потому что их не может быть в городе.

Реальный мир тоже не радовал. Из горячего крана вместо ожидаемой согревающей струи его ладони ощутили безнадёжную пустоту. Ванная комната была холодна. Объективная реальность покрыла мурашками вылезшее из-под одеяла тело, а неизбежность встречи с ледяными струйками окончательно испортила настроение. Окончен отопительный сезон, и теперь целый месяц не будет горячей воды. Это случается обычно в середине мая, когда ночная температура приближается к нулевой отметке.

Наполнив кружку горячей водой из чайника, побрился. Эффект преображения произвёл приятное впечатление. Из таинственной глубины зеркала на него смотрел парень, на вид не более двадцати пяти лет, с правильными чертами лица - такие обычно нравятся девушкам. Подмигнув своему отражению в зеркале, пошёл на кухню. На столе уже стояла тарелка с аппетитным натюрмортом в виде кружочков колбасы, обжаренных тонко нарезанными дольками чёрного хлеба. Мать - большая искусница по кулинарной части. Всё, что она ставила на стол, имело красивый вид.

Сашкин отец, годовшину смерти которого недавно отметили в домашнем кругу, всегда находил слова одобрения её творчеству. А Сашка спешил. Наскоро проглотив бутерброд, отхлебнув из стакана горячего чая, вышел из-за стола, не забыв сказать спасибо.

Мать молча наблюдала за сыном:

- Совсем не похож на отца. Ни внешностью, ни характером, - подумала, глядя, как тот собирается на работу. - Уверенный в себе человек...

Может быть, два года в армии не прошли даром, придали самостоятельности, или это воздействие дедовских генов, но Сашка уже далеко не тот послушный мальчик, мечтательный, увлекающийся рисованием. Материнским сердцем она чувствовала возрастающее внутреннее отдаление, нарастающее между ними. Ничего не поделаешь - сын вырос. У него своя жизнь. Вот только становится страшно, когда представишь путь, по которому движется её единственный ребёнок. Сколько печальных примеров вокруг. Тревога стала постоянным её спутником. Был бы жив муж, хоть словечком перекинуться, всё было бы легче.

Покойный всегда старался избегать конфликтов. Сейчас она со всей остротой поняла безвозвратную потерю человека, с которым прожила долгие годы. Если бы можно было вернуть назад прошлое. Шемящей болью отозвалось сердце. Печаль сменилась внезапно возникшей мыслью: что это её постоянные придирки привели к преждевременной кончине мужа! Может быть потому, что он никогда не повышал голос, у неё выработалась привычка поведения. Молчит - значит, понимает свою неправоту. С годами привычка только крепла. Не получая отпора или хотя бы намёка на сопротивление, начала понемногу презирать этого мягкотелого человека. Ну, хоть бы раз стукнул кулаком по столу. Так нет, сидит, уткнувшись в газету, ещё больше распалая жену.

А чего, собственно, она так распалая? Ведь покойный Павел, на зависть её подругам, не пропивал зарплату и даже не курил. Просто она по глупой бабьей привычке видела в нём причину возникающей острой мигрени. Конечно, это он виноват, что не помогает таблетки от головной боли. Конечно, по его вине увеличивается число морщинок на лице, небо затянуто тучами, а платье, купленное в прошлом году, стало узковато в талии. Паша всё отмачивался, то ли смирился со своей ролью, то ли по-умному понимая причину вспышек её гнева. Как бы там ни было, а теперь уже ничего не исправить. И от этого ещё тяжелее и горше.

Сын вырос. У него своя жизнь, в которой роль матери отодвигается на неприметный задний план. А ведь это она кормила его своей грудью, не спала ночами, когда Сашенька болел. Переживала за школьные отметки, радовалась его победам на конкурсах юных художников. Ждала возвращения из армии. Обидно и горько сознавать, что теперь всё это не имеет никакого значения. Угроза одинокой старости дышит в затылок неприятным холодком.

Её Саша частенько не приходит домой ночевать. Бывает пьян иной раз настолько, что друзья приводят под руки. В кого он такой? Ведь у них в семье никогда не приветствовались алкогольные возлияния. Ну, соберутся родственники на день рождения, потанцуют, попоют и по домам. Никто не падал головой в заливную рыбу. А сын каждый выходной «под градусом» и никаких материнских увещаний не принимает. Женить бы его надо. Авось, любовь молодой женщины отвратит от страшной перспективы.

Пару месяцев назад он познакомил мать со своей девушкой. Так себе, ничего особенного. Обычная продавщица супермаркета, целый день проводящая на ногах за грошовую зарплату. Но зато у матери появилась надежда - вдруг отношения молодых людей перерастут в желание создать семью, чему она была бы только рада. Её Саша не лодырь, давно зарабатывает себе на жизнь. И профессия у него востребованная - электросварщик. Голодным не останется ни сам, ни его семья. Лишь бы у будущей снохи хватило терпения для создания домашней целительной атмосферы, в которой счастье возникает без применения алкоголя. Мать уже достаточно насмотрелась на современных девушек. Пьют наравне с парнями. Если идёт группа молодёжи, то у каждого в руке бутылка пива. Светлана - вроде не такая. Скромница, как показалось при встрече. Стройная фигурка, джинсики, курточка - обычная девушка. Что в ней разглядел особенного сын - непонятно. Ну, да ладно, ему всё-таки виднее.

Дыхание летнего утра встретило Сашу на улице. Ночью прошёл дождь, и на асфальте остались кое-где небольшие лужицы. Воздух был свеж и чист, совсем не походил на привычную, насыщенную заводским дымом и пылью дыхательную смесь, ежедневно вдыхаемую горожанами. Из небольшого сквера, мимо которого пролегал путь, доносился тонкий аромат распустившейся черёмухи. Деревья сверкали праздничной новизной молодых листочков.

Красный диск солнца ещё прятался за домами, но лучи уже вызвали яркий блеск оконных стёкол. Бетонные серые громады здания приобрели нежно-розовую окраску. Забыт кошмарный сон. Чувство радости охватило душу. Оно возникло от непроизвольного слияния красоты летнего утра с душой, готовой воспринять эту красоту. Конечно же, нет. Розовый мир детской сказки возник в лучах восходящего солнца. В нём нет контраста между светом и тьмой. Лишь тонкая игра нежных, розовых оттенков, ласкающих взор. Шагать среди этой красоты, вдыхая живительную энергию ставшей реальностью сказки, и оставаться равнодушным - просто невозможно.

Появились первые прохожие. Они направлялись в одну сторону, к железнодорожной платформе. Постепенно платформа заполнилась народом. В толпе слышны разговоры, шутки. Явный признак - люди знают друг друга не первый день. Сашка почувствовал толчок в плечо.

- Привет, алкаш! - Это был Толик - приятель, с которым он работал в одной бригаде.

- Здорово, «бухарик!» - в тон произнёс Сашка, не упустив удовольствия ответить таким же толчком. Они были ровесниками, оба не женаты. Правда, Толик уже имел опыт семейной жизни, но довольно неудачный. У него не заладилось с самого начала. Холостяцкая привычка проводить вечера с друзьями так и осталась неизжитой. А какой жене понравится ждать, с тоской поглядывая на часы, появления ненаглядного, причём в изрядном подпитии. Пусть даже у неё ангельский характер Ярославны, или Пенелопы - всё равно когда-нибудь лопнет терпение. Тем паче, что женщины двадцать первого века уже испорчены эмансипацией. Они не имеют той покорности и долготерпения, коими славились их прабабушки. Они хотя бы счастья здесь и сейчас. И не задумываясь, рвут потерявшие ценность семейные узы. Одно хорошо - в этой кратковременной семейной истории не появился ребёнок. А то бы в наш и без того перегруженный несчастными людьми мир добавился ещё одна страдающая душа.

Послышался гудок приближающейся электрички. Разговоры смолкли. Всё внимание только замедляющим движением вагонам. Главная задача каждого - оказаться напротив распахнувшихся дверей. Быстрой протиснуться в создавшейся давке в прохладное нутро вагона, занять сидячее местечко и приступить к дорожному развлечению - игре в «подкидного дурака». Двадцать минут привычного маршрута пролетают миготом. Затёртые от постоянного употребления карты переходят из рук в руки, сопровождаемые всплеском эмоций: торжествующим смехом победителя или возмущённым негодованием побеждённого, пытающегося оспорить результат. Игра требует определённых навыков, хотя на первый взгляд кажется незамысловатой.

- Это тебе не шахматы, тут думать надо! - слышится голос, в котором нотки самодовольного восторга ясно говорят окружающим, кто вышел на этот раз победителем.

- Станция «Новокузнецк Северный», - объявляет по радио женский голос. Те, кто ехал на работу, покидают вагоны. Остаются одни дачники. Они вздохнули с облегчением - кончилась давка и духота, можно выбрать местечко поудобнее. И самое главное - теперь не нужно беспокоиться за помидорную рассаду, которую могут ненароком повредить в толчее. Ящики с этим теплолюбивым растением занимали подоконники квартир, и теперь настало время пересадки в грунт.

Людской поток втягивается в проходную

завода. Беспеременно вращаются турникеты, пропуская по одному входящих. У каждого в руках пропуск - пластиковая карточка с фотографией и небольшим набором данных владельца. Движение происходит под строгим контролем охраны. Одетые в полувоенную униформу мужики впадают взглядом в лица, пытаясь по некоторым признакам вычислить тех, кто ещё не совсем протрезвел после выходного дня.

У охранников довольно трудное положение, с точки зрения общепринятой морали. Каждому понятно, что человек, уличённый в нетрезвости, будет немедленно уволен с завода. Попробуй, найди другую работу, когда кругом сплошное сокращение. А в то же время, если пропустить и того выявит цеховой начальник, то не сдобровать и охраннику. Здесь уж не до сантиментов. Своя рубашка ближе к телу. Толик и Сашка уверенно минуют турникет. Всё-таки молодость, есть молодость. Ясный взгляд и здоровый цвет лица несколько не напоминают о бурном застолье. Молодой организм легко справился с отвлекающей нагрузкой и готов к новым испытаниям. Чего нельзя сказать о представителях старшего поколения. Видно, внутренние силы всё же имеют свой предел.

Бдительная охрана отводит в сторону мужчину предпенсионного возраста. Тот пытается возмущаться, но как-то не слишком внятно.

- Влип мужик, - с долей сочувствия высказывают своё мнение проходящие мимо рабочие. Сейчас вызовут машину и отвезут на освидетельствование. Результат всем понятен - увольнение.

Асфальтовая дорога ведёт к бытовому корпусу - четырёхэтажному зданию, построенному из бетонных блоков. Здесь происходит внешнее перевоплощение людей. Из многоцветного потока разнообразно одетых индивидуальностей они превращаются в «рабочую силу»: слесарей, сварщиков, электриков - то есть людей наёмного труда. Соответственно этому статусу и облачение. Преобладание серого и чёрного цвета рабочей одежды гармонирует с общим серым, запылённым фоном заводских цехов. В этом есть своя логика - здесь не требуется творческих взлётов человеческого разума, а просто нужны исполнители, ежедневно выполняющие одну и ту же работу. Соответственно, и весь окружающий антураж, так же как и состояние души исполнителей, приобретают общий серый фон. Хотя и в этом скучном окружении можно найти, если конечно пожелаешь, область приложения своим творческим силам.

Наш герой достаточно хорошо владел профессией электросварщика. Мог выполнить сварочный шов из любого положения. Ему доверяли работу, где требовалось не только качественное исполнение, но и смекалка. А это, как известно, возникает при творческом подходе. Тут уже не требуется тупой автоматизм ежедневно повторяющихся движений, нужно кое-что ещё. Требуется включить в

работу и вышнюю нервную систему, проще говоря - думать надо.

Сегодня напряжённый день. Не потому, что понедельник - день тяжёлый, а по производственной необходимости. Бригаде поручено выполнить срочный ремонт одной из металлургических машин. Нужно уложиться в жёсткие временные рамки - три часа и ни минутой больше, иначе срывается график работы цеха. В инструкции, полученной перед этим, всё прописано, вся последовательность действий. Но как это часто бывает - реальность привносит свои, весьма неприятные корректировки в гладкую схему, составленную в спокойной кабинетной тиши. И на этот раз громоздкий цепной механизм, отслуживший свой положенный по регламенту срок, никак не хотел выходить из проржавевших объёмов сопрягаемых деталей. Вроде бы всё, что могло удерживать пятитонное творение индустриальной эпохи удалено, а мощный тельфер, грузоподъёмностью в добрый десяток тонн, не может сорвать с места удерживаемую непонятно чем конструкцию. Бригадир, вместе со сварщиком в очередной раз, сантиметр за сантиметром, ползком исследуют стропивую железяку. Сашка, заподозрил причину неувязки в непредусмотренной проектом дополнительной сварке. Он провёл пальцем по безобидной с виду кучке пыли, находящейся в самом нижнем уголке опоры. И что вы думаете - так и есть! Кто-то во время монтажа оставил прихватку - небольшой сварочный шов, да забыл удалить после окончания работы. Не станем воспроизводить в рассказе весьма витиеватую тираду бригадира по этому поводу, дабы не омрачать утончённой души нашего читателя специфической лексикой. Ведь бригадира тоже можно понять - время, отведённое на замену конструкции, ограничено. Нужно уложиться в график, иначе срывается весь производственный цикл. А за это по головке не поглядят.

Сашка быстренько устранил препятствие, и железная громадина покинула своё место. В отличие от бригадира, он не стал выражать вслух своё отношение. Ему было по человечески понятно поведение того, неизвестного сварщика. Вероятно, парень очень торопился закончить работу, и мысленно уже находился где-то в более приятной обстановке. Например, как сейчас он - Сашка.

Воображение рисовало картину предстоящего вечера. Удовольствие от встречи со Светой отодвигало на задний план все мысли о работе. Девушка - просто прелесть. Когда она улыбается, на щеках появляются такие милые ямочки, что делают её лицо неотразимым. Стройные ноги - ещё одна немаловажная деталь облика, доставляющая прямо-таки эстетическое наслаждение взору художника, каким является наш герой. К тому же, она испытывает к нему схожее чувство увлечённости. Это понятно по сиянию появляющемуся из бездонной глубины девичьих глаз.

Дело в том, что сегодня Толик пригласил влюблённую парочку в гости. У него начался романтический период первых встреч с Настей, студенткой четвёртого курса университета. Остаётся только удивляться, что могло привлечь друг к другу этих молодых людей. Он - выпускник ПТУ, обычный рабочий парень, и она - единственная дочка в семье городского чиновника обладающего сетью заправочных станций. И, стало быть, не страдающая от недостатка поклонников. Кто их поймёт, этих молодых людей? Не будем даже пытаться разобраться в поступках, совершаемых под воздействием внезапно вспыхнувших чувств.

Она проникновенно декламировала стихи поэтов «серебряного века», могла подолгу и с увлечением говорить о литературе. Видя в своём новом парне благодарного слушателя, во всей полноте раскрывала свои артистические способности. Вероятно, чувствовала себя сеятельницей доброго и вечного в жаждущую знаний душу.

Анатолию нравилось любоваться одухотворённым выражением её лица, возникавшим всякий раз при разговоре о поэзии. Бу-

лучи человеком иного склада ума, его интеллигентно не запредельная высота рифмованных строчек, а возникающий лёгкий румянец на щеках и магнетический блеск появляющийся в её глазах. Азарт исследователя, сходный с тягой, которую испытывают покорители горных вершин, охватил парня. Какой восторг сулит ему манящая неизвестностью цель! Конечно, придётся приложить немало старания, чтобы пылкая любительница поэзии обратила свой одухотворённый взор на земную твердь, где живёт созданный из плоти и крови мужчина, по имени Анатолий. В качестве первого шага на пути к заветной цели, решил познакомить Настю со своими друзьями. Хорошо зная увлечённость Саши темой живописи, вполне логично допускал возникновение непринуждённой беседы об искусстве, что сыграло бы положительную роль и для хозяина. Присутствие ещё одной пары, молодых людей, приятных в общении, сделает обстановку за столом более комфортной.

- Поболтаем в дружеской компании. Расслабимся шампанским, а там глядишь, и появится возможность к более тесным отношениям - в таком направлении шла его мысль.

После развода Анатолий вернулся жить к родителям, в их двухкомнатную квартиру. Секцию, так называемую, «римского типа», купленную на деньги родни бывшей жены, пришлось покинуть. Отец и мать почти всё лето проводят на даче. Там, на шести сотках, у них небольшой домик, окружённый кустами смородины и грядками с овощами. Оба много лет отработали на заводе, заслужили ветеранские льготы, дающие право бесплатного проезда по будням в электричке. Вернутся домой через неделю, не раньше. Хотя, в данный момент существует ещё одна причина не спешить с возвращением - там есть печка. Сложенная руками отца, она безотказно согревает обоих, поднимает им настроение. Дело в том, что пенсионеры не хотят зарабатывать ещё одну болячку от простуды в собственной квартире. Бетонные стены мгновенно остывают без подогрева батарей отопления, и мерзнуть в комнате, когда на улице плюс пятнадцать - не доставляет удовольствия. Рабочий день, однако, ещё не закончился. Приятные мысли о грядущем удовольствии пришлось отложить. Самое время проявить максимум бдительности. Не ровён час, попадёшь в список нарушителей техники безопасности, тем более, что появились люди в белых касках - отличительная черта принадлежности к высокой ступени иерархии заводского значения. Простые трудяги носят каски всех расцветок, кроме белого. Приход начальства ничего хорошего не сулит. Очередное выискивание нарушителей. Вот и бригадир уже достаёт из кармана замасленной спецовки наряд на проведение работы.

- Не хватало ещё, чтобы увидели скрутку на кабеле - подумал Сашка и мгновенно принял упреждающий манёвр. Кабель свёрнут аккуратно в бухту. На видном месте поблёскивает ярко красными боками огнетушитель. Брезентовые брюки и куртка, резиновый коврик - в общем, у сварщика всё в ажуре, не подкапаешься.

Группа проверяющих удалилась, ничего криминального не обнаружив. Впрочем, так должно и быть. Люди приходят на завод, чтобы заработать себе на жизнь, а не дарить кому-то, за здорово живёшь, свои кровные. Все понимают, что без нарушений инструкций не обойтись в условиях острой нехватки самого элементарного - рабочих инструментов. У опытного бригадира всегда есть наблюдатель, на случай появления незваных «гостей». Объявленная с высоких трибун модернизация, так и осталась всего лишь прекрасной душой мечтой. А на деле идёт неуклонный процесс разрушения дживающих свой срок промышленных предприятий.

Всё когда-нибудь кончается. Закончился и рабочий день. На сцене театра, который мы называем жизнью, происходит смена декораций.

Перед нами квартира, расположенная на

верхнем этаже девятиэтажки. Посреди комнаты стол, за которым разместились компания из четырёх знакомых читателю молодых людей. Ваза с ярко красной розой придаёт оттенок торжественности застолью. Из магнитофона звучит приглушённая музыка. У стены диван, у другой - телевизор, всё домашнему, уютно и просто. По всему видно, что тост за присутствующих здесь дам, уже прозвучал, об этом говорит пустая бутылка из-под шампанского. Улыбающиеся лица, приятная атмосфера дружеской беседы. Можно сделать вывод - план Толика успешно реализуется.

У Насти звонил мобильник. Мама настоятельно просит прийти домой к восьми часам. Жаль, но ничего не поделаешь, придётся покинуть компанию, иначе опять выслушивать слёзные упрёки о бессердечии к человеку, подарившему ей жизнь, не спавшему ночами у колыбели и прочее, и прочее. Этот звонок в ещё большей степени был неприятен хозяину квартиры. Отодвигалась вдаль, покрывалась туманом неопределённости манящая вершина. Когда теперь появится новая возможность к восхождению? Никто не даст ответ. Все встали из-за стола и отправились провожать девушку на такси, которое вот-вот подкатит к подъезду.

Распрошавшись с Настей, Сашка со Светой тоже намеревались покинуть гостеприимного хозяина, но вдруг хлынул дождь, едва успели заскочить обратно в подъезд. Поток небес не предвиделось конца. Наблюдать буйство стихии довольно скучновато. Толик предложил влюблённой парочке переждать непогоду за столом, продолжить общение, слегка согреться рюмочкой вина. Отказа не последовало.

К сожалению, в холодильнике у хозяина не нашлось вина, зато была волка, что вполне устраивало мужчин. Дальнейшее пошло по обычному сценарию. Исчезло очарование праздника, убрана со стола за ненадобностью ваза с ярко красной розой, разговор об искусстве сменился анекдотами, тема которых была неприятна ушам Светы. Желая прекратить застолье, она встала и потянула за рукав Сашу, но, подавшись уговорам, мол, по последней и всё - сама выпила рюмку. Этого вполне хватило, чтобы не приспособленный противостоять смеси, образовавшейся от соединения водки с шампанским, организм девушки отключил сознание. Сашка заблудливо поднял любимую на руки и отнёс на диван.

- Полежит часок, и пойдём домой, - слегка заплетаясь, пробормотал, вернувшись к столу. Добавили с Толиком ещё, уже не чокаясь рюмками и не глядя друг на друга. Последнее, что увидел затуманенный взор Сашки - внезапно опрокидывающийся потолок комнаты.

Открыв глаза, он не увидел за столом никого. Где Света, куда подевался Толик? Повернув тяжёлую голову в сторону дивана, моментально протрезвел от нахлынувшей ярости.

- Ты что творишь, гнида!? Он схватил Толика за волосы и опрокинул на пол. Света, с трудом понимая происходящее, пыталась поправить свою джинсовую юбочку, делая попытки встать с дивана. Однако ей это плохо удавалось, руки не слушались и бессильно повисали, не достигая результата.

Толик что-то бормотал в своё оправдание, причем, для Сашки это уже не имело никакого значения. Унизительное чувство растоптанной мечты о будущем семейном гнездышке, безоблачном счастье рядом с очаровательной женой тисками сдавило голову. Смертная тоска подступила к горлу. Нестерпимая жалость к себе, потерявшему опору в жизни, затмила глаза. Но буквально через секунду состояние полной прострации сменилось дикой яростью.

В порыве гнева он бросился на обидчика с одной целью - задушить. Но ангел-хранитель не позволил ему совершить непоправимое. Возможно, это был не ангел, а очнувшаяся от алкогольных паров совесть заставила взгля-

нуть на произошедшее иначе.

Как бы там ни было, а руки Сашки, сомкнутые на горле бывшего друга, разжались. Пришло отчётливое осознание вины. Ведь это именно он, а не Толик, по пьяной глупости заставил любимую девушку проглотить одурманившую дозу спиртного. Если бы не он, то ничего подобного бы не случилось. Гадкое чувство брезгливого презрения к собственной личности сделало бессмысленным продолжение борьбы.

Дальнейшие события происходили, как в немом кино. Никто из наших героев не произнёс ни слова. Атмосфера беззвучной отрешённости, густо замешанная на чувстве стыда, не позволяла открыто посмотреть в глаза друг другу. Каждому из действующих лиц была понятна степень его вины в разыгравшейся драме. Сашка молча помог встать Светлане и вышел с ней в темноту летней ночи. Толик, тоже не произнёс ни слова, глядя, как за уходящей парой захлопнулась дверь.

Утро нового дня началось как обычно. Мать, не сомкнувшая глаз ночью, с безнадёжностью в голосе повторяла уже знакомую читателю фразу. Сашка встал с постели. Вся его натура противилась такому действию: хотя бы пару часов побыть ещё в горизонтальном положении, но суровая необходимость по-прежнему требует к движению. Пора на работу.

В ванной, из зеркала, на него смотрела бледная физиономия, отдалённо напоминающая того жизнерадостного молодого человека, которым он не без основания считал себя. События прошлой ночи выстроились в последовательную цепочку и вновь предстали в мыслеобразе с документальной точностью. Смутное чувство беспокойства возникло где-то в самой глубине души, совсем не похожее на проявление заботы о себе, о собственном благопристойном образе в глазах окружающих. Оно несло в себе иную природу - беспокойство за судьбу другого человека. Чувство, называемое состраданием. Со всей очевидностью возник укоряющий вопрос: по какому сценарию пойдёт развиваться жизненный путь Светланы? Если отвернуться от неё, подавшись принятому в мужской среде представлению о женской чести, то она станет игрушкой в руках людей, подобных Толику. Участь таких женщин печальна. Голос проснувшейся совести не давал покоя, от него не спрятаешься, не отмахнуться. Но хватит ли сил взвалить на себя нелёгкую ношу? Ведь для этого придётся и самому измениться. Оставаясь с прежними взглядами на жизнь, с прежними привычками просто невозможно брать на себя ответственность за счастье другого. А кому хочется создавать себе лишние заботы?

Можно найти массу оправданий, которые помогут уснуть летаргическим сном открывшей глаза совести. Можно забыть вообще о существовании души, чьи проявления мешают в полной мере наслаждаться жизнью тела. Но ведь тогда исчезнет различие между человеком и животным. Сознание, больше не сдерживаемое нравственными нормами, погрузится во мрак. Далеко не каждому хватит сил сопротивляться этому сладостному погружению.

Наскоро проглотив бутерброд, заботливо приготовленный маминной рукой, и хлебнув горячего сладкого чая, Сашка вышел на улицу. Встречный ветер заставил запахнуть растёгнутую куртку, вынул из ялое от недосыпания тело взбодриться. Голова освободилась от серой пелены мрачных мыслей. Взору открылось чудо возникновения нового дня. Это всеобъемлющее явление захватило своей красотой нашего героя, наполнило уверенностью в себе.

Шаг стал твёрже. Ночная тень осталась где-то позади, за серыми громадами многоэтажек. Впереди - нежно розовые тона восходящего солнца. Мучительное сомнение исчезло, заменившись нахлынувшим чувством нежности, охватившим душу уверенного в себе мужчины.

г. Новокузнецк.

Рагим МУСАЕВ

Родился 6 ноября 1977 года в городе Богородицке Тульской области. Получил два высших образования в области юриспруденции и государственного и муниципального управления. Подполковник юстиции, служит в Следственном управлении УМВД России по Тульской области. Одновременно преподает в ВУЗе. Автор более десятка научных публикаций и научно-практических пособий, в том числе монографии по проблемам квалификации актуальных составов преступлений. Женат. Живет и работает в Туле.

Член литературного союза «Полоцкая ветвь». Основные направления литературного творчества – публицистика и драматургия. Публиковался в газетах «Владивосток», «Калужский перекресток», «Край Дорогобужский», «Богородицкие вести», литературном альманахе «Край городов», а также в литературных альманахах сети Интернет. Член Российского авторского общества. Номинант международного конкурса молодых драматургов «Евразия 2010». Пьесы ставились в театрах Белгорода, Дзержинска, Богородицка. В 2010 году издана книга «Окно в театр».

В 2011 году книга «Спасибо, что он был. Семейное расследование» заняла 1 место на Всероссийском ежегодном конкурсе на лучшее произведение о работе следователя в номинации «Журналистика и литературная публицистика».

Труд шахтёров не лёгкий

После возвращения с фронта мой дед, Владимир Владимирович Саморуков, признанный негодным для военной службы, с сентября 1943 по август 1944 года работал на богородицкой шахте № 63. Фронтовика с палочкой, не вполне оправившегося после ранения, определили в старшие табельщики подсчитывать выработку угля.

Шахта не была для деда чем-то новым. В самом начале войны дед уже трудился вагонщиком на шахте № 68.

- Труд в шахте крайне тяжёлый, я приходил домой и буквально падал от усталости?.

- Дед, наверняка сказывалась и непривычка к такой работе?

- Отчасти да. Однако я был физически хорошо развит и к труду приучен. Участь в школе, я, чтобы хоть немного помочь маме, подрабатывал землекопом и маляром. Шахтеры в условиях военного времени работали под землей по 10 – 12 часов в день в самых нечеловеческих условиях. Полуголодные, грязные шахтеры руками толкали вагонетки с углем по пояс в ледяной воде, часами не разгибались в полный рост и задыхались от недостатка кислорода. Многие получили серьезные заболевания, стали калеками. Труд шахтеров и сейчас далеко не самый легкий, а тогда и вовсе большинство операций выполнялось вручную.

Кстати, в строительстве шахт Богородицкого района Тульской области принимал участие отец деда, Владимир Васильевич, работавший, судя по отметкам в его трудовом списке (так называлась трудовая книжка), коммерческим директором Управления строительства новых шахт с 20 мая 1932 по 1 июня 1933 года. Время сложное и интересное. Нефть и газ станут главными двигателями экономики позднее, а пока для развития советской промышленности остро не хватало угля. Поврежденные в Гражданскую войну старые, еще царские шахты (тогда их называли «угольные копи»), работали не в полную силу. Но даже их полное восстановление не могло утолить угольный голод молодой республики.

В стране разворачивается строительство новых, современных шахт. Наконец-то оказываются востребованными богородицкие запасы каменного угля, обнаруженные еще в 1722 году. Много-

численные сообщения, в том числе доклад А.Т. Болотова о найденных им под Богородицком залежах лигнита (каменного угля), в Академии наук прочли, видимо, только в середине следующего XIX века. По крайней мере, промышленная добыча каменного угля в уезде началась в 1855 году с открытия Малевской копи – первой шахты всего будущего Подмосковского каменноугольного бассейна.

В начале 1930-х богородицкие земли -

В.В. САМОРУКОВ. 2007 г.

вторые в Подмосковном бассейне по богатству топливных ресурсов. В районе активизируются геологоразведочные работы, оживают простаивавшие после революции старые Малевские, Товарковские и Савинские копи, строятся новые шахты.

Строящиеся шахты комплектовались новыми, мощными врубовыми и погрузочными машинами, бурильными и отбойными молотками, ощутимо повысившими производительность труда. Однако условия труда шахтеров оставались невероятно тяжелыми. При этом среди богородицких шахтеров тех лет можно было встретить немало бывших дворян обоего пола и вообще людей из «бывших». Страна нуждалась в угле, и власти не преследовали спустившихся под землю. Так что перед войной приезжие постоянно пополняли процент аристократов на душу го-

родского населения.

В 1932 году с трудового подвига горловского забойщика Никиты Изотова началось знаменитое всесоюзное соревнование за достижение наивысшей производительности труда, названное позднее «стахановским движением» по имени забойщика Алексея Стаханова, в 14 раз перекрывшего норму смены, нарубившего отбойным молотком 102 тонны угля. Не важно, что подвиг Стаханова был организован, что работал он с помощниками и что в Алексея Александровича Стаханов превратился из-за опечатки в «Правде» чуть ли ни по прямому указанию Сталина, заявившего, что советские газеты не ошибаются. Был результат.

К 1940 году в СССР добыли более 100 миллионов тонн угля, что почти в два раза превзошло успехи 1932 года. Десятая часть добытого в стране угля пришлось на Подмосковский угольный бассейн. В свою очередь четверть подмосковского угля поднята из шахт Богородицка. Профессия шахтера становится массовой. Тульскую область и ряд других регионов страны теперь именуют «шахтерскими краями».

У шахтеров повышаются зарплаты, появляются некоторые льготы. Именно им в первую очередь дают знаменитое «молоко за вредность». После войны они первые в очередях на автомобили и квартиры. В Богородицке и других шахтерских городках появляются целые улицы, застроенные «шахтерскими домами». Кстати, по воспоминаниям богородицких старожил послевоенную улицу Коммунаров для горняков строили пленные немцы.

Появляется целый шахтерский мир со своими традициями, праздниками, песнями и, даже, языком. Профессионализмом признается неверное ударение на первый слог в слове «дОбыча» (угля). Родом из шахты бытовое словечко «тормозок» - собранный женой обед, с которым рабочий спускается под землю. Перерыв на обед любую работу, естественно, тормозит. Отсюда и неологизм.

Шахтерские корни и у глагола «забуриться», изначально означавшего «сойти с рельс» и относившегося к угольным вагонеткам. Со временем слово стали употреблять жены горняков по отношению к мужьям, не вовремя возвратившимся домой: «Ну и куда ты забурился?» А затем слово вошло в разговорную речь

В.В. САМОРУКОВ. 1943 г.

в значении «куда пропал?»

Шахта проникала всюду. С рублевой купюры образца 1938 года на советских граждан смотрел шахтер с отбойным молотком. В Богородицке середины XX века Дом культуры назывался «Горняк», районная газета - «За уголь», кафе - «Уголек». Бывали и варианты, но полет фантазии обычно укладывался в привычную схему. Так, газета соседнего городка Донской гордо именовалась «Шахтерской правдой».

О шахтерах снимают фильмы, слагают песни. Между прочим, советский хит «По полю танки грохотали», где «молодого командира несли с пробитой головой» - переделка старинной шахтерской песни «О коногоне??», где из шахты «молодого коногона несли с пробитой головой». Дед пел первоначальный вариант, от которого в военной версии сохранились многие строчки:

«В углу заплачет мать-старушка,
Слезу рукой смахнет отец.
И дорогая не узнает,
Каков мальчишки был конец».

...От первого варианта осталось и это:
«...Нас извлекут из-под обломков,
Поднимут на руки каркас...»

Вот только во времена появления военной версии сборка корпуса танка на каркасе в СССР еще не применялась.

С 1941 по 1943 год шахты Донбасса оставались под немцем, и угледобычу страны возглавило Подмосковье. За месяц нахождения в Богородицке оккупанты не успели предпринять серьезных усилий к восстановлению угледобычи, зато

успели сжечь все надшахтные постройки. Дostalось шахтам и во время боев, так что после освобождения в округе не осталось ни одной неповрежденной шахты.

На добычу стратегически важного угля в Богородицк военкоматы мобилизовали москвичей, туляков, а также переселенных немцев Поволжья. Места воевавших мужчин заняли не привыкшие к непосильному труду подростки и женщины, силами которых разбирались заваленные штреки, восстанавливались водоотливы и вентиляция.

Шахта официально объявляется вторым фронтом. Шахтеры получают бронь от призыва в действующую армию и дополнительный паек. Тем не менее, многие горняки просят на фронт.

Условия работы были просто нечеловеческие. Люди работали сутками, иногда неделями не приходя домой, особенно те, кто далеко жил. Что толку? Работали до ночи, а рано утром нужно обратно. Порой и сил ходить туда-сюда не было. Да еще за опоздание на 20 минут можно было угодить под суд.

Новообращенные шахтеры, доведенные до отчаяния беспробудным трудом, утратили всякий страх. Только по официальным данным в 1942 году прогульщиками и дезертирами оказалось более 60% горняков района. При этом прогул карался снижением и без того смешной нормы хлеба на 200 граммов. А за побег, приравнявшийся к дезертирству с трудового фронта, давали от 5 до 8 лет.

Руководители шахт, пытавшиеся скрыть эти нарушения, сами попадали на скамью подсудимых. Такая судьба постигла, например, заведующего шахтой № 68, где в 1941 году работал дед. За годы войны по Указу от 26 декабря 1941 года в районе осуждено несколько тысяч человек. Правда, 18 июля 1945 года все они подпали под амнистию по случаю Победы над гитлеровской Германией.

Несмотря ни на что уже через полгода после снятия оккупации, в мае 1942 года, заработали все 20 шахт Богородицкого района. Вопреки всему поездаемые вшами и крысами полуголодные горняки, спавшие по двое на одних нарах в землянках и бараках, к 1944 году вышли на требуемый уровень добычи угля.

- Дед, военное время на многое накладывало отпечаток. Но можно же было найти другую, менее тяжелую работу?

- Во время войны легко было только мертвым. Переходить с одного предприятия на другое запрещалось, так что из шахты был один выход — на тот свет. На фронте был хоть какой-то шанс выжить. Все это ускорило в 1941 году принятие мною решения об уходе на фронт.

- А в 1944-м?

- Там уже мною распоряжался военкомат. Видимо, решили, что фронтовик с костылем принесет больше пользы на месте школьного военрука.

По воле судьбы, шахтерской династии Саморуковых не сложилось. Дед, как и его отец, работал на шахте недолго, но всю дальнейшую жизнь труд шахтеров очень уважал.

К началу XXI века в Богородицком районе Тульской области, дававшем до войны четверть всего подмосковного угля, не осталось ни одной действующей шахты. О былой горняцкой славе напоминают врезавшееся в народную память название «шахтерские дома», вагонетки с водой, украшающие почти каждую дачу, и та самая песня:

*«Гудки тревожно загудели,
Народ валит густой толпой.
А молодого коногона
Несут с пробитой головой...»*

Текст выделенный полужирным курсивом взят из дневников В.В. Саморукова.

1941 год. Одноклассники

У каждой эпохи свое лицо, определяемое политическим строем, веяниями моды, уровнем развития науки и прочим множеством важных факторов. При этом во все времена люди рождаются, влюбляются и мечтают одинаково, совершенно не обращая внимания на настроения политиков, длину юбок, электрофикацию, урбанизацию, глобализацию...

В этом смысле выпускники 1941 года в своих мечтаниях и желаниях мало чем отличались от выпускников 2011 года.

И все же предвоенное поколение, многим из которого суждено было остаться двадцатилетними, уникально. Именно благодаря этим мальчишкам и девчонкам, сильным духом и телом, неправдоподобно честным и по-настоящему ответственными, была одержана Победа в одной из самых ужасных войн в истории человечества.

ПИСЬМА И ФОТОГРАФИИ

Мой дед, Владимир Владимирович Саморуков, окончил школу перед самым началом Великой Отечественной войны. Я всегда удивлялся и завидовал его отношениям с одноклассниками, которые поддерживались до самых последних дней.

Он, как и все ученики 10 «а», выпущенные в жизнь перед самой войной, искренне верили в то, что именно они призваны строить и защищать новую жизнь, активно интересовались друг другом и окружающим миром. Сложно поверить, но уже после окончания школы в условиях войны одноклассники вели оживленную переписку. Причем это был не обмен письмами между несколькими школьными друзьями или конкретными влюбленными.

Это было массовое явление, в котором принимали участие все или почти все одноклассники. Никто этого не требовал, за это не могли поставить оценку, это было велением их сердца. Последнее письмо от своей одноклассницы Ани Крапивинной (тогда - Митяевой) дед получил спустя 62 года после окончания школы, когда им обоим было за 80. К сожалению, от некоторых одноклассников письма перестали поступать уже в выпускном 1941.

Живым и здоровым 10 «а» остался только на общей фотографии. Мария Князева вспоминала: «29 октября 1940 года, в день рождения Ленинского комсомола, мы решили сфотографироваться всем классом. До конца учебного года было еще далеко, но все чувствовали, что скоро предстоит расстаться, и хотели сфотографироваться. Пришел с фотоаппаратом К.М.Юрьев, наш учитель рисования...»

- Дед, а почему этой фотографии нет в твоём альбоме?

- Мы с мамой жили небогато, а в это время ввели плату за обучение в старших классах. Денег на фотографию просто не было.

Мария Князева: «Думали ли мы тогда о счастье видеть друг друга живыми? Класс наш был очень дружным. Сильные ученики всегда помогали отстающим...»

Мальчишки часто готовили домашние задания сообща, собираясь дома, например, у Вити Володина, которого

любили за общительный, добрый нрав. Семья Вити жила небогато, не всегда хватало денег на учебники, тетради и ботинки, но учился парень хорошо. Решение задач традиционно сменялось шашечным турниром. Обожавший рыбалку Витя часами мог пропадать с удочкой на городском пруду и почти всегда брал с собой кого-нибудь из друзей-мальчишек.

Уже в июле 1941 года Виктора направили в Московское артиллерийское училище. В письмах курсант Володин подробно описывал трудности и успехи учебы. Летом 1942 года он писал: «Мои родные! Училище закончил. Получил звание лейтенанта. Теперь я командир гвардейского расчета. Живу хорошо. Жду лучшего». 29 июля под Сталинградом в лейтенанта Володина угодила авиационная бомба. От него осталось только имя, выбитое на памятнике в селе Логово.

«НАМ НЕТ ПРЕГРАД НИ В МОРЕ, НИ НА СУШЕ...»

Уже после войны бывший директор школы Иван Яковлевич Пахомов вспоминал: «На этих ребят можно было во всем положиться. Были они дисциплинированными, аккуратными, вежливыми. Большинство участвовали в художественной самодеятельности».

Одним из любимых развлечений предвоенного городка было кино. Юлия Юдина (Зенякина): «В кино мы всегда ходили вместе, только не на последний сеанс, с этим тогда было строго. Почти все у нас занимались в каком-нибудь кружке. Их в школе было много: духовой и струнный оркестры, драматический кружок, изостудия, юннатский и фотокружок».

Славился школьный драмкружок, ставивший пьесы современных советских авторов на злобу дня и русскую классику. После роли Правдина в школьной постановке «Недоросля» признанным актером стал Слава Перепелкин. Летом 1942 года он писал однокласснице Юле Юдиной: «Добрый день, Юля! Здравствуй! Нахожусь я на Калининском фронте в районе Ржева. В наступлении пока еще не участвовал. Находимся все время в обороне... Первого мая получил письмо от группы девочек нашего класса. Ответьте на письма быстрее. Ведь время не ждет, и каждый день приносит с собой много изменений...» Лучший актер 10 «а» остался под Ржевом.

Мария Князева: «А как мы любили школьные вечера, как увлеченно к ним готовились. С концертами выступали в санатории им. Белкина и в городском клубе. Аня Митяева прекрасно читала стихи. Магдалина Панова пела восхитительно, мальчишки танцевали «яблочко», «гопак», «цыганочку».

Среди мальчишек выделялся Алексей Ведников, выглядевший взрослее остальных ребят. Тайная любовь одноклассниц, красавец-блондин, он прекрасно танцевал, хорошо рисовал и отличался почти неправдоподобной честностью. Многие завидовали Алексею: он был единственным в классе обладателем часов и авторучки. В августе 1942 года танкист Ведников писал из-под Ржева: «Получил красавицу машину. Хорошо бы на ней приехать в Богородицк...» Танк не добрался до Богородицка. Он сгорел под Ржевом. Вместе с Алексеем.

В предвоенные годы по всей стране действовала широкая сеть кружков по изучению военных знаний. Парней и девушек обучали правилам противоздушной и химической обороны, меткой стрельбе. Во всем этом присутствовал дух соревнования. Лучшие после сдачи нормативов, в которые, например, входили бег, плавание, лыжи, подтягивание на перекладине, метание гранаты, могли претендовать на получение значка «Готов к труду и обороне» (ГТО). Другим модным значком был «Ворошиловский стрелок», для обладания которым требовалось выполнить ряд упражнений из боевой винтовки.

- А почему стрелок именно Ворошиловский?

- По имени легендарного маршала Красной армии Климента Ефремовича Ворошилова, славившегося своей меткостью.

Не обошло стороной это движение и Богородицк. В городе были оборудованы спортивные площадки и тир, действовали различные оборонные кружки, в том числе конноспортивная секция. Кстати, у конников был свой значок - «Ворошиловский наездник».

На городском пруду у плотины стояла десятиметровая вышка для прыжков в воду. Построили и вышку для прыжков с парашютом. Несколько лет перед войной в городе даже базировалась школа летчиков. Провинциальный Богородицк буквально замирал, когда над ним проносились знаменитые «У-2», известные в народе как «кукурузники». Лев Шершов, живший неподалеку, вспоминал: «Самолеты притягивали к себе. Когда летчики ходили на работу или с работы, то за ними всегда бежала ватага ребят. Жизнь летчиков проходила в строгом режиме. По городу «не шатались». С девушками «не дружили».

- Дед, у тебя был значок ГТО?

- У меня был значок «Готов к труду и обороне» II степени, за ним уже шел кандидат в мастера спорта. Еще я имел значок «Ворошиловский стрелок» II степени. Спортивный зал нашей школы был хорошо оборудован. Вместе с другими ребятами занимался на кольцах, брусьях, крутился на турнике, на козле.

Общественная и спортивная жизнь была ключом, но и про учебу ребята не забывали.

ВЫПУСКНЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Экзамены звучно именовались «выпускными испытаниями». 25 мая 1941 года районная газета «За уголь» в статье «У десятиклассников» сообщила об их начале: «На испытания по литературе учащиеся 10-го класса «А» Богородицкой средней школы № 1 собрались задолго до начала. Волнение их понятно, они держат первое устное испытание в этом году. Первыми к столу подходить учащиеся Володин, Саморуков, Крысин».

Билет содержал 3 вопроса: по русской, советской и зарубежной литературе. Последняя в довоенной школе изучалась довольно глубоко.

«Немного подумав, Володин спокойно, уверенно дает характеристику образу Старцева по рассказу Чехова «Ионыч». Так же хорошо он передает отрывок из «Поднятой целины» Шолохова — об агитационной работе Ванюши Найденева. Однако он слабо охарактеризовал образ Гретхен из трагедии Гете «Фауст». Ответ его оценен на «хорошо».

О судьбе Вити Володина мы вспоминали. А вот о дальнейшей жизни Вани Крысина ничего не известно. Одноклассники считали его погибшим.

«Владимир Саморуков ярко и полно обрисовал образ большевика, руководителя партизанского отряда — Левинсона из романа Фадеева «Разгром». Чувству-

ется, что он читал это произведение и хорошо усвоил его содержание. Удачно справился Саморуков и с другими вопросами. Он заслужил отличную оценку». Между прочим, на этом экзамене по литературе было поставлено всего три пятерки. «Веселая, улыбающаяся подходит к столу Нюра Воротникова. Взяв билет, немного подумав, она ... правильно характеризует образ Павла Власова из романа Горького «Мать».

Экзамены принимали серьезно, обращая внимание не только на формальное знание материала: «Слабой стороной являются неровности, шероховатости языка, стилистически неправильное построение предложений у некоторых учащихся. Правда, их немного, но как они «режут» слух! Вот ученик С. говорит: «Он ненавидит этот случай, что допустило убийство отца...», или «... он презирает общество, ненавидит ее...»

«Нельзя не отметить некоторые недостатки в ответах учащихся. Некоторые из них слабо, невыразительно читают стихотворения. Особенно это сказалось в ответе Селиванова».

Лейтенант Владимир Селиванов погибнет 31 июля 1943 года при освобождении хутора Редкий под Курском.

«Еще один недостаток — не умеют правильно привести цитаты, хотя некоторые и пытаются это делать. Так, Зиновьев, начав цитировать содержание речи Луки из произведения Горького «На дне», запутался и не закончил».

Летом 1943-го командир взвода Михаил Зиновьев останется на Курской дуге. В декабре того же года его старший брат Николай, командир артиллерийской батареи, за участие в освобождении Киева будет удостоен звания Героя Советского Союза.

«В целом же испытания по литературе в 10-м классе «А» оставили хорошее впечатление... Один за другим, уверенно отвечают десятиклассники. Доволен педагог И.С. Лазуренко!»

Высокий, худой и немного замкнутый, Иосиф Степанович Лазуренко — один из любимых преподавателей деда. В том числе благодаря ему дед всю жизнь любил читать, сетуя в последние годы на то, что не может читать много, так как устают глаза.

- Дед, что тебе нравилось читать в те годы?

- Очень охотно читал, и читал многое помимо школьной программы. В школе любил Жюль Верна, Вальтера Скотта, Дюма, нравилось читать про средневековых рыцарей. Запомнилась книга, где на одном из рисунков был изображен закованный в тяжёлые доспехи рыцарь на лошади, въезжающий по перекинутому через ров узкому мостику в замок. Что это была за книга, уже не помню, она сгорела вместе с домом во время отступления фашистов из Богородицка в декабре 1941 года.

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Так дед и его ровесники называли аттестат о школьном образовании. Я полагаю, что так этот документ назывался в их школьные годы, и оказался неправ. Аттестат зрелости получали выпускники мужских гимназий до 1917 года. А вот выпускницы женских гимназий для получения аттестата зрелости должны были сдать дополнительные экзамены. С тех пор прошло почти сто лет, но старое, красивое название до сих пор в ходу. Аттестат зрелости деда № 45 от 19 июня 1941 года хранится в нашей семье.

- Дед, столько лет прошло! Как он уцелел? Дом ведь в войну сгорел?

- Дом подожгли отступающие немцы. Братья мамы выбежали и стали тушить соломенную крышу. Поджигатели расстреляли их. Что наш дом, дотла сгорел по-

чти весь город. Уцелело только то, что зарыли в саду.

Историю, отмененную после революции и возвращенную в школьную программу по личному распоряжению Сталина только в 1934 году, вел завуч А.А. Разовский. Арона Абрамовича любили за доброту и искреннюю заботу, которую ощущал буквально каждый ученик. Ему до всего было дело, и не было той проблемы, которую бы Арон Абрамович не мог уладить.

Тригонометрия была самостоятельным курсом и изучалась отдельно от алгебры и геометрии. Нелюбимый дедом математический цикл преподавал Николай Александрович Гусаров. Ребята побаивались всегда сурового и очень строгого учителя, но уважали. Пунктиком Гусарова был внешний вид учеников. Мальчишка, рискнувшего появиться в неглаженных брюках, неизменно встречало суровое: «Что надел водопродные трубки?»

Многочисленные химические опыты ставились под руководством Андрея Дмитриевича Гребенева, который одновременно являлся классным руководителем 10 «а».

- Дед, неужели ты любил нелюбимую мною химию?

- Мы все ее любили, по-другому было просто нельзя. Наш учитель химии А.Д. Гребнев проводил уроки живо, интересно и свободно, включая в процесс каждого из нас. И классным руководителем он был настоящим: все время что-то придумывал, организовывал.

Не удивительно, что Андрей Дмитриевич присутствует почти на всех фотографиях 10 «а», сделанных в стенах школы, на природе, в парке, на берегу пруда...

Уже в 1941 году директор школы И.Я. Пахомов, классный руководитель 10 «а» А.Д. Гребнев и другие учителя уйдут добровольцами на фронт. Но первое дыхание войны старшеклассники почувствовали еще в 1940 году, когда в школе появился новый учитель физкультуры Абрам Фройдмович Виндман. Польский еврей рассказал о зверствах нацистов в оккупированной Польше, откуда он, мастер спорта по гимнастике, едва успел вырваться.

Помимо традиционных для сегодняшней школы предметов, у выпускников 1941 года в аттестате указаны, к примеру, геология и минералогия и основы дарвинизма.

Кроме этого, в аттестате значится предмет «Конституция СССР». На нем нельзя не остановиться. Ведь дед и его одноклассники изучали ту самую знаменитую «сталинскую» конституцию 1936 года, заявившую о победе социализма. Именно этот документ позволил каждому гражданину Союза Советских Социалистических республик смело заявлять: «И все вокруг народное, и все вокруг мое!» Каждый урок по Конституции СССР еще и еще раз доказывал школьникам, что они живут в лучшей и справедлившей стране мира.

- Дед, ты действительно верил в это?
- Мы все верили. Нас так воспитывали.
- Но вы же видели, что говорилось одно, а происходило другое?

- Никто и не скрывал, что есть отдельные недостатки. Но для того мы, комсомольцы, и растем, чтобы своим трудом сделать страну лучше и краше. С этой верой мы и жили. Отец умер в 1936 году. Мама получала 400 грамм хлеба, на меня давали 300 грамм. Никакого хозяйства у нас не было, в прямом смысле этого слова мы голодали. На этой почве у меня кружилась голова и бывали случаи обморока. Однажды мой двоюродный брат Юрка предложил пойти на совхозный огород и украсть там картошки. Я согласился. Когда мама пришла с работы, на столе стояла кастрюля с вареной картошкой. Мама

потребовала рассказать, где я ее взял, и очень расстроилась, после чего потребовала, чтобы я больше так не делал. Мне было очень стыдно. Я знал, что обязательно должен выучиться, получить специальность и кем-то стать.

Именно люди, знавшие, что должны кем-то стать, и защитили свою лучшую в мире страну, без преувеличения, собственными телами выложив путь к Победе.

Цикл выпускных экзаменов завершился физикой. Анна Сусанова: «Оглашены экзаменационные оценки, а мы не уходим из физического кабинета... Как будто какое-то предчувствие, что нас ждет страшное: война, смерть...». Вскоре выпускницы 10 «а» станут медсестрами, связистами, прожектористами, телефонистами... На фронте побывают Магдалина Панова, Юлия Зенякина, Люба Ярова, Саша Митяева, Аня Санкина, Зина Звягина. По счастью, все девчонки вернуться домой. Анна Никифоровна Сусанова станет единственной в классе воевавшей женщиной-офицером. Вернемся к ее воспоминаниям: «Нехотя вышли из школы и отправились в парк. Вот здесь, на большой аллее, стали играть в «чижика» - излюбленную нашу игру... Это было 19 июня 1941 года».

УНИКАЛЬНЫЕ БРЮКИ, ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТ И ПАЛЬЦЫ ХИРУРГА

«Выпускной вечер и вручение аттестатов об окончании школы были 20 июня 1941 года». Заметьте, теперь у внуков и правнуков «балы», а тогда у бабушек и дедушек - «вечера». В небогатые времена «вечеров» ставку делали на творчество и изобретательность. Никаких ресторанов и дорогих нарядов, зато школьный зал украсили вазами с полевыми цветами, их же дарили учителям. Модные парусиновые туфли начистили зубным порошком до ослепительно-белого состояния.

Дед, дабы соответствовать значимости события, начистил свои парадные (они же единственные) ботинки и решил заштопать такие же уникальные брюки. Черных ниток не оказалось. Денег на них не было тем более. Пришлось использовать белые, выкрашенные химическим карандашом.

Для начала бессменный секретарь школьной комсомольской организации Витя Чибисов и председатель ученического комитета Женя Бабкин от имени выпускников поблагодарили учителей за труд. Уже через месяц после выпускного Виктор Чибисов окажется в Московском артиллерийском училище. О том, что Сталинградская битва выиграна, он уже не узнает.

Услышав 22 июня о начале войны, остряк и балагур Женя Бабкин грустно сказал одноклассникам: «Вот и отмечались». Это последнее, что известно о главном математике класса. Дед и другие одноклассники считали его погибшим.

После напутственных слов учителей директор школы вручил аттестаты зрелости и начался долгожданный концерт. Образцовая школа № 1 славилась своими торжествами, а потому правдами и неправдами на концерт пробираются ученики других школ. Зал переполнен. Гвоздем программы стал поставленный учителем литературы И.С. Лазуренко отрывок из пьесы «главного драматурга» сталинской эпохи Александра Корнейчука «Платон Кречет».

Очевидцы вспоминают, что появление на сцене статного черноволосого красавца Саши Михеева в роли молодого талантливого хирурга Кречета зрительницы встретили восхищенным вздохом. Саше шла роль правильного интеллигента, бо-

рющегося с карьеристами и лживыми доносчиками. «Пальцы хирурга должны так же быть разработаны, как пальцы скрипача или пианиста», - царил над залом его звучный, завораживающий голос. Весной 1944 лейтенант Александр Михеев, раненный при освобождении Могилева, умрет на операционном столе полевого госпиталя, не приходя в сознание.

Выпускной отмечали пирогами и мороженым. Как всегда помог классный руководитель. Андрей Дмитриевич достал где-то риса и яиц для пирогов и раздобыл всю необходимую посуду.

Анна Сусанова: «А потом танцы, танцы до трех часов утра. В просторном зале гремит музыка - только у нас был свой духовой школьный оркестр. Веселились...»

Мария Князева: «Говорили о том, кто кем решил стать. Помню, Аня Митяева и Аня Селиверстова дружно решили быть учительницами. Тамара и Юлия Зенякина собрались учиться на врачей. Лева Шершов — стать агрономом. Большинство мальчиков хотели поступить в военное училище. Боже, как весело, как хорошо нам было вместе. Казалось, что все по силам, что все задуманное сбудется и никогда не прервется наша большая дружба».

В августе 1941 года Юлю Зенякину зачислят в Воронежский медицинский институт, но вскоре институт эвакуируют, а Воронеж попадет в оккупацию. Пережив оккупацию Богородицка и получив похоронку на отца, Юля, как и многие, попросится на фронт. Мстить за родного человека. Войну командир отделения связи Зенякина закончит в Румынии. Вернувшись в родной город, устроится работать в банк, выйдет замуж, родит сына... Врачом Юлия Васильевна не станет.

Мечта Левы Шершова осуществится. После войны Лев Сергеевич с отличием окончит сельскохозяйственный техникум и много лет проработает районным землеустроителем, затем архитектором и охотоведом. Но сначала ему предстояла служба в 20 кавалерийской дивизии легендарного генерала Доватора. Во время боев в белорусских болотах дивизия попадет в окружение. Шершов, раненый в голову, ногу и плечо, целый день пролежит на морозе: «Обидно было умирать в 20 лет. Потом в госпитале я узнал, что награжден орденом Славы III степени». Правда, до этого Лев Сергеевич перенес серию сложных операций. Боевые товарищи, привезшие его в госпиталь, были уверены, что доставили уже мертвое тело.

Странное совпадение: за год до Левы Шершова точно так же на снегу в ожидании помощи, только под Миенском, истекал кровью его друг и сосед по последней парте Владимир Саморуков.

А тогда, 20 июня 1941 года, они были абсолютно счастливы. Впереди были мечты, планы, вся жизнь. Таким запомнился тот июньский вечер перед войной.

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ МОИ!»

- Дед, а как ты узнал о начале войны?
- Из репродуктора на «крестах» (перекресток улиц Ленина и Коммунаров в Богородицке). В те годы значительную часть новостей люди узнавали именно из уличных репродукторов. Пожилые люди запричитали, старухи заплакали.

- И что ты сделал?
- Ничего. Домой пошел. Я как раз возвращался с продуктами.

- И что дальше? Война ведь!
- А что война? Я понял, что пришло время больших и тяжёлых испытаний. Но нас готовили к этому. В кино шли фильмы о войне, по радио пели песни: «Непобедима и легендарная», «Когда настанет час битвы врагов ... не зевай!» Только что закончилась финская война, из которой СССР вы-

шел победителем. Нам внушали, что страна готова дать отпор врагу, что война если и начнется, то продлится недолго. Мы верили, что никакой враг не сможет перейти нашу советскую границу и военные действия будут вестись на территории противника. Того, что случилось в действительности, мы не ожидали.

На фронт семнадцатилетних выпускников школ не брали, а в военные училища как раз требовались молодые, идеологически подготовленные ребята с полным средним образованием. Дед вспоминал: «Большинство мальчишек тех лет мечтали о поступлении в военные училища. Мечтал об этом и я. Но из-за близорукости мне отказали в приеме». В феврале 1942 года дед сумел обмануть врачей и все же поступил в военное училище. Его одноклассники немного постарше оказались там сразу же после школы.

Витя Кобяков, попавший на год раньше деда в Московское военно-пехотное училище, 6 июля 1942 года писал родным: «Здравствуйте, дорогие мои мама, Вова, бабуся! Шлю горячий привет и желаю наилучшего в здоровье. Пишу вам на перекуре, между часами занятий. Поэтому очень спешу. Мама! Как твои руки и ноги? Вылечилась ли ты? Напишите все подробно. Опишите всю жизнь Богородицка... Любящий вас сын, брат, внук Витя». Витя Кобяков остался под Сталинградом.

В условиях военного времени учеба в военных училищах велась по сокращенной программе. Уже примерно через полгода ребята выпускались лейтенантами и попадали в самую гущу событий.

Из писем Володи Селиванова: «Мама, вы спрашиваете, курю я или нет. Отвечаю вам всю правду. Я не курю и не думаю начинать. Пользы от этого никакой... Пишите больше о себе и что знаете о моих знакомых... Еду на фронт мимо нашего дома... Хоть город издали посмотрю. Обидно. Но, может быть, еще увидимся. Очень хочется с вами повидаться... Если будет все благополучно, пришлю фотокарточку, где снят в новой форме с погонами». Летом 1943 под Белгородом несколько немецких «тигров» окружили и атаковали танк лейтенанта Селиванова. Когда вышла из строя поврежденная «тиграми» пушка, Володя открыл люк башни и стал отбиваться гранатами. Одного «тигра» Володя даже сумел поджечь, но вражеский снаряд разорвал башню его танка.

Ребята буквально рвались на фронт. Не внести свой вклад в разгром врага казалось им преступлением. Самого молодого в классе Колю Никонова, родившегося в 1925 году, на фронт не брали дольше всех. После окончания школы его направили школьным учителем в Тепло-Огаревский район. Помимо возраста, он не подлежал отправке на фронт как сельский учитель. Тем не менее, Николай добился направления в военное училище, воевал, выжил после ранения, имеет боевые награды.

Дед вспоминал: «В нашем 10 «а» было 17 мальчиков. Война шла до 9 мая 1945 года и окончилась нашей Победой. После войны остались жить только 4 человека. Остальные погибли».

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ...

Запись в дневнике деда от 5 мая 2005 года: «Ходил на открытие мемориальной доски на здании бывшей «образцовой» школы №1, которую я имел честь закончить в 1941 году. На доске очень памятные мне ребята, погибшие в ту войну. На доске имена и выпускников 10 «б» (выпускных было 2 класса). Вместе с Шершовым Львом Сергеевичем («Левкой») стояли у доски в почетном карауле. Сним мы сидели в классе на задней парте, «на Камчатке», и оба остались жить. Оба ста-

рые и плохие по здоровью».

После войны здание образцовой школы №1, взорванное в декабре 1941 отступающими из Богородицка гитлеровцами, поднимали из руин пленные немцы. В восстановленном здании разместился дом культуры «Горняк», долго блиставший трофейной германской мебелью. Был даже резной рояль «Becker» на точеных ножках.

Ребята из легендарного выпуска 1941 года осталось совсем немного. После всего пережитого никто из оставшихся в живых не спился, не наложил на себя руки, не опустил. Все, как один, чему бы они ни посвятили жизнь, стали людьми. Они жили за тех, кто не вернулся. Старались наверстать лучшие годы юности, украденные войной. Или просто каждого из них научили стремиться стать человеком.

Удивительно, но те из них, чьим мечтам не позволила осуществиться война, нашли свое продолжение в детях. Тамара Никашина не стала врачом, зато ее дочь Оля поступила в Московский медицинский институт. Не сбылась мечта Ани Селиверстовой стать учительницей. Педагогический институт закончил ее сын Валерий.

Мой дед воплотил свою юношескую мечту. Владимир Владимирович Саморуков, полковник юстиции, больше 40 лет отдавший работе в правоохранительных органах, воспитавший множество учеников, вошел в историю российского следствия как родоначальник первой в стране династии следователей, которой посвящен раздел экспозиции музея МВД в Москве. Эстафету подхватил зять — Мусаев Гашам, а сейчас в правоохранительных органах трудятся его внуки: названный в его честь Владимир и я, Рагим.

Вплотила девичью мечту Аня Митяева: Анна Трофимовна Крапивина более 40 лет вела в школе русский язык и литературу, вырастила 2 сыновей и 3 дочерей, стала бабушкой. И даже в преклонном возрасте Анна Трофимовна, не утратив интереса к жизни, продолжала, насколько позволяло здоровье, общаться и переписываться со своими одноклассниками. В письме деду от 20 мая 2003 года она сетовала на утрату красоты эпистолярной романтики, так как люди «перестали писать письма, все стали звонить по телефону».

Следующую мысль из письма Анны Трофимовны я неоднократно слышал от своего деда, да и, по-моему, под ней могли бы подписаться все их одноклассники: «Нашим детям, внукам и правнукам есть, чему у нас поучиться. Пусть сейчас многое воспринимают не так, как мы, когда строили светлое будущее, но в нашем поколении живет гордое сознание того, что жизнь прожита честным трудом не ради славы и денег, меньше для себя, больше для других».

Интересно, что почти у всех одноклассников, даже в преклонном возрасте, отмечали удивительную увлеченность жизнью, внутреннюю молодость, преданность своему делу, чудом сохранившиеся чувства доброты, чуткости и деликатности. Многие из нас, ныне живущих, даже в более юные годы об этих качествах могут только мечтать.

И из последнего письма Анны Трофимовны деду: «Из нашего выпуска остались только ты и Лева Шершов... У меня на столике всегда под рукой список наших одноклассников, чтобы было легче поминать «за упокой». Ты, Володя, конечно, их всех помнишь. Вечная им память. Доброго здоровья живущим. До свидания. Твоя одноклассница Аня Митяева».

Особая благодарность за предоставленные материалы руководителю музея «Отечество» Дома творчества Ольге Андреевне Кунаевой (г. Богородицк).

Кто вернул историю?

Так уж сложилось, что за 10 лет учебы дед сменил не только несколько школ, но и несколько систем образования. Система классической гимназии после революции 1917 года была полностью сломана. Советская власть видела главную задачу школы в воспитании нового поколения людей, преданных делу коммунизма. Значительную роль в этом сыграла появившаяся в 1922 году пионерская организация.

Пролетарская культура не должна была иметь ничего общего с прежней дворянской культурой, а потому привычную систему школьных предметов признали устаревшей. Первым, естественно, был изгнан Закон Божий. За ним последовали латынь и греческий. Отменили отметки и домашние задания, школьников перестали спрашивать. Настало время, когда «учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь».

Из школьной программы исчезли дворяне Пушкин и Толстой, зато школьники приобщились к творчеству Владимира Маяковского, Демьяна Бедного и других пролетариев, навсегда оставшихся в своем времени.

Дед, например, вспоминал отрывок из некоей поэмы, повествующей об убийстве отцом-кулаком сына, перешедшего на сторону Советской власти:

«Ой, долина, ты долина!

Ой, долина ровная!

Покатилась по траве

Голова сыновья...»

- Дед, кто это написал?

- Уже и не вспомню. Мало ли тогда подобных было. Поначалу предметов как таковых не было.

Учитель то рассказывал что-то из биологии, то из физики, то из географии.

Иногда нам читали стихотворения о тяжелой жизни народа, я запомнил только Некрасова, потому что читал его позднее:

«Кушай тюрю, Яша!

Молочка-то нет!»

- Где ж коровка наша? —

«Увели, мой свет!

Барин для приплоту

Взял ее домой».

Славно жить народу

На Руси святой!

Тогда же я начал изучать немецкий язык.

- В первом классе?

- Да.

К этому моменту мы еще вернемся. А пока отметим, что революционные расчеты на то, что будущие строители коммунизма с детства проявят высокую сознательность и примутся прилежно

учиться, не оправдались. Непродуманная система революционного образования оказалась поверхностной и недостаточной для обучения в ВУЗах, а потому неоднократно менялась.

Только в начале 1930-х СССР берет курс на новую культурную политику, при этом грузин Сталин четко дает понять, что базироваться она будет на лучших традициях российской дореволюционной культуры.

За год до того, как дед пошел в школу, то есть в 1930 году, в СССР впервые ввели всеобщее обязательное первоначальное обучение (4 класса). Так что первый раз в первый класс вместе с дедом пошли дети всей страны. Предусматривалась даже ответственность для родителей, не отдавших своих детей в школу. Вопрос был серьезный, так как к этому времени неграмотным оставался каждый третий гражданин Советского Союза.

Постепенно школьное образование возвращалось к системе дореволюционной гимназии, естественно, с поправками на время. Появились привычные школьные предметы, вернулись классные руководители, оценки, итоговые экзамены. В 1934 году по поручению Сталина возобновили преподавание отмененной истории.

- Дед неужели когда-то в школе не было истории? Удивительно.

- Я слышал, что так было, но у меня история в школе была. Удивительным было другое. Нам постоянно говорили о порочности царского режима, однако в учебниках истории политику Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана Грозного и Петра I оценивали как прогрессивную для своего времени. Зато последних императоров хаяли последними словами.

Реабилитировали и русскую литературу. Сталин лично объявил Пушкина великим русским национальным поэтом, реанимировав позабытую к тому времени аксиому поэта Аполлона Григорьева «Пушкин — наше все». После показательной «ликвидации безграмотности» 1920-х годов Сталин взялся за школьное образование всерьез.

Во всех, даже самых глухих и отдаленных уголках страны, открылись школы, кружки, секции, клубы. Вся страна занималась спортом, изучала точные науки. Массовыми тиражами великолепного качества издавалась русская и зарубежная классическая и научная литература. В результате к середине XX века, не считая даже на гигантские военные потери, в стране сформировался широкий пласт грамотных специалистов и ученых.

В этом здании была богородицкая гимназия.

Зоя ГУЛИШЕВСКАЯ

1944 года рождения, мать четверых детей, бабушка семи внуков, по образованию – учитель русского языка и литературы, работала в школах городов Прокопьевска и Белова.

В газетах «Красная Шория» (г. Таштагол), «Ленинское знамя» (Беловский район) работала литературным сотрудником, заведующей отделом, ответственным секретарём; была редактором газет «Вести образования» (Управление образования города Белова), «Сельская школа» (Управление образования Беловского района).

Кроме газет, в штате которых работала, публиковала материалы в «Шахтёрской правде» (г. Прокопьевск), «Вечерний Белово», «Беловский вестник» (г. Белово), «Сельские зори» (Беловский район), «Земляки» (г. Кемерово).

Награждена областной медалью «За достойное воспитание детей».

Брагины

Документальная повесть

Служилые люди

В историю Кузнецкого края Брагины вписали свои страницы. Собственная их история на этой земле насчитывает более трех с половиной веков.

В сибирском историческом документе 17 века – «Книге раздачи хлебного жалования кузнецким служилым людям» в записи от 1642 года значится «Брагин Василий Игнатьев – кузнецкий служилый человек, конный казак с окладом 7 рублей с четью, 6 четей с осьминою ржи, 4 чети овса и 2 пуда соли...» Ниже следует приписка: «... По словам его сына Афанасия, он служил на Москве в стрельцах при царе Михаиле Федоровиче, был прислан из Москвы в Кузнецкий острог в конные казаки, служил в Кузнецке лет с сорока, а затем в его место был верстан сын Афанасий».

Из литературы по истории Кузнецкого края удалось узнать, что служили кузнецкие казаки на обширной охраняемой территории от Томска, Красноярска – до Бийского острога. Предположительно, в начальный период одна из застав Кузнецкого острога размещалась в верховьях речки Аба – левого притока Томи. На северо-восточной окраине современного Прокопьевска (левый берег Абы) до сих пор сохранилась возвышенность, носящая название Татарской горы. В стародавние времена здесь часто появлялись племена местных кочевников (телеутов). А расквартированные в этих местах «кузнецкие служилые люди», в числе которых были и Брагины, отражали их набеги.

Как раз напротив Татарской горы (на правом берегу Абы) в некогда большом селе Усыаты одна из возвышенностей по сей день носит название Брагин Мысок. Возможно, и название Усыатам было дано в те времена, что означало «у себя ты» – значит должен жить здесь и никому не отдавать ни пяди своей земли.

На Брагином Мыске, перед спуском к речке, до конца 20 века жили потомки Игнатия, Василия, Афанасия Брагиных. Из поколения в поколение родители нарекали младенцев именами праотцов. В каждой эпохе потомки соответствовали своему времени, носили тяготы, отпускаемые им судьбой.

Живший с 1857 по 1944 годы Афанасий Абрамович Брагин, как и его отец – Абрам Егорович, был высок ростом, широк в плечах, физически могуч. Истово верующий, он исполнял все церковные предписания, по доброй воле при церкви села Усыаты выполнял различные необходимые работы. В 1937 году 80-летний Афанасий Абрамович на себе ощутил испытания своего времени. По решению заседания тройки УНКВД Западно-Сибирского края он был привлечен по уголовному делу как участник монархической контрреволюционной диверсионно-

повстанческой организации в Прокопьевском районе. Восемь человек по этому делу были расстреляны, четверо приговорены к лишению свободы сроком от 8 до 10 лет. Брагина Афанасия Абрамовича освободили за недоказанностью улик (С. Павлов «И наступит день...» Очерки о политических репрессиях против церкви. Кемерово. Кузбассвузиздат. 2003 год).

Сын Афанасия Абрамовича – Иван Афанасьевич Брагин (1880-1938) унаследовал от отца физические данные и передал их своему сыну – Ивану Ивановичу (1903-1982), к которому в Усыатах за высокий рост прилипло прозвище «Полтора Ивана». Иван Иванович с молодых лет защищал правопорядок, был бригадиром. Работал в шахте, на хлебозаводе. Во время Великой Отечественной войны воевал на фронте. Выйдя на пенсию, возглавлял работу товарищеского суда в Усыатах.

До сих пор на Брагином Мыске перед спуском к «колхозному мосту» через Абушку стоит дом Брагина Ивана Ивановича, в котором в феврале 1930 года родился и провел детские и отроческие годы Заслуженный художник России, известный в области новокузнецкий скульптор Александр Иванович Брагин.

Заслуженный художник

С ранних лет Саша был рослым мальчиком. Как все усыятские ребята, катался с гор на санках и самодельных лыжах, расчищал лед на речке под каток. Летом пас коров, забрасывал в речку «мордушки», в которые попадали не только пескари, но и окуньки, щучки. Семилетку окончил в Усыятской школе. Она в Прокопьевске числилась под №25 и располагалась в двух «поповских» домах. В старшие классы ходил пешком на Березовую рощу в школу №9, а это с десятков километров туда, а потом обратно.

Рисование любил рано. Сестры и их подружки доверяли ему свои секретные «девичьи дневники». Он рисовал в них, и это у него получалось хорошо. А потом еще учитель ботаники как-то на уроке отметил, что у Саши Брагина лучше всех получаются рисунки растений.

В школьные годы он оформлял стенгазеты, строил занятные сооружения из снега во дворе. Его руками была послушна и глина. Из нее он лепил разные фигурки.

В 50-е годы прошлого века в Прокопьевске стал

застраиваться поселок, прилегающий к шахте «Красногорская». В то время об Александре Брагине уже прошел слух, как о хорошем рисовальщике, умеющем выполнять и лепнину. Ему стали заказывать изготовление лепных украшений к зданиям. На фасадной стене школы №25 в поселке Красногорском до сих пор живы барельефные портреты М.Ломоносова, Д.Менделеева, А.Попова, изготовленные молодым А.И. Брагиным.

Учиться профессии Александр Иванович поехал к Черному морю. Поступил в Одесское художественное училище. Приступил к занятиям, но потом перевелся в Кишинев, т.к. там больше внимания уделяли скульптуре. Республиканское художественное училище в Молдавии он окончил с отличием в 1958 году. Первые его скульптурные работы хранятся в Кишиневском художественном музее.

Вернувшись домой, Александр Иванович стал работать скульптором в Кемеровских художественно-производственных мастерских. Регулярно участвовать в выставках начал с 1964 года после переезда в Новокузнецк. С того времени его работы выставлялись более чем на 60-ти городских, областных, зональных, региональных, республиканских, всесоюзных, международных выставках.

Более полувека судьба скульптора связана с нашим промышленным Кузнецким краем. Его история, люди, события стали темой творчества А.И. Брагина. Выполненные им памятники и монументальные композиции установлены в Новокузнецке, Прокопьевске, Киселевске, Калтане, Мундыбаше, Казе, в селе Ильинка, на станции Полосухино, на шахтах имени Димитрова, «Зыряновская» и в других местах.

Александр БРАГИН в своей мастерской.

С 1970 года Александр Иванович – член Союза художников России. В 1972 году от Кемеровской организации союза художников его отправили в Москву делегатом на третий съезд союза художников РСФСР.

Человек обязательный и ответственный, в разные годы он возглавлял партийную организацию художественного фонда, был председателем художественного совета в Новокузнецке; 19 лет состоял членом правления, а затем – заместителем председателя правления Кемеровской организации СХ. Семь лет работал в составе городского градостроительного совета Новокузнецка.

Около сотни скульптурных портретов, мемориальных досок выполнил он в гипсе, дереве, стеклопластике, бронзе, кововой меди и алюминии, чугуна и граните. Замечателен установленный в сквере на Пионерском проспекте Новокузнецка памятник академику – геологу М.А. Усову. Образ ученого трактуется скульптором как личность героическая. Он отразил в портрете мужскую красоту волевого, сильного, уверенного в жизни человека.

В 2005 году А.И. Брагину присвоено звание «Заслуженного художника Российской Федерации». Он награжден также медалями РФ «За трудовое отличие» и за участие в республиканской выставке «Советская Россия»; является лауреатом областной премии имени В.Д. Вучичевича – Сибирского за цикл портретной скульптуры выдающихся людей Кузбасса. Администрацией Кемеровской области Александр Иванович награжден медалями «За особый вклад в развитие Кузбасса» третьей степени и «За веру и добро».

В 2001 году в Новокузнецке на площади, носящей имя Н.С. Ермакова, установлен бюст этого выдающегося руководителя города. Автором скульптурного портрета является А.И. Брагин.

Унаследовавший от предков высокий рост, физическую мощь и недюжинную силу, А.И. Брагин является человеком немногословным и застенчивым. «Он даже поворачивается и ступает осторожно, чтобы не задеть кого-то, не заслонить собой других. Никогда не отзывается о коллегах недоброжелательно. Это исходит от его внутренней культуры и глубокого уважения к профессии художника», – так говорят о нем друзья и коллеги.

Интересный жизненный эпизод, связанный с Александром Ивановичем, рассказала искусствовед, член СХРФ, заслуженный работник культуры РФ Т.М. Высоцкая:

- Шел 1976-77 год. Мы за-

кончили строить экспозицию. Оставалось последнее — переставить мраморный бюст. Без посторонней помощи перенести глыбу мрамора просто невозможно. В музей вошли художники. Их было трое. Покрутившись возле бюста, они сказали: «Здесь нужен Брагин». Несколько минут спустя, совершенно неожиданно в зал вошел Александр Иванович. Развеселившись, обратились к нему: «Можете переставить вот это?» Он коротко уточнил «Куда?», кивнул и подошел к скульптуре. Мы замерли, понимая, что наше игривое настроение не приведет к добру: либо скульптор спину себе ломает, либо уронит и разобьет мрамор; но, может, даст Бог, не поднимет. Он слегка наклонился над ней, прошелся пальцами по краям основания, по плечам, обнял одной рукой за шею, другой чуть ниже груди... Спина напряглась, рывок на грудь... Ступив несколько шагов, осторожно перенёс и поставил на другой постамент».

Вот такой он был — Александр Иванович Брагин (пока верстался данный номер в редакцию «Усятской россypi» пришло печальное известие, что Александр Иванович Брагин скоропостижно умер).

Пимушкин Мысок

Примерно в годы царствования Елизаветы Петровны самое высокое место на левом берегу речки Аба в Усятах стал обживать потомок кузнецкого служилого человека — конного казака Брагина Василия Игнатьевича — Пимен Брагин. Случайно или намеренно, но ремесло он выбрал в соответствии со своим именем — пимокатное. Звали его Пим, Пимушка, а гору, на которой поселился, прозвали Пимушкиным Мыском.

Чистая и полноводная Аба огибала Мысок с севера и запада. Она щедро кормила рыбой поселившихся здесь людей, весной разливалась, затопляя берег до самого подножия горы. В её долинах, как молоком облитые, дурманили ароматом черемуховые заросли. Берега зеленели сочной травой, кое-где образовывались кочковатые болотца. В колках летом вызревали малина, кислица, черная смородина. После дождя, ближе к осени, роши изобиловали грибами. А в предзимье заросли вдоль речки краснели калиной. На северо-востоке Пимушкин Мысок заканчивался Лысой гривой, которая крутым склоном спускалась к реке. У подножия и по склону рос мелкий кустарник да боярышник. А на вершине серыми ребрами выступали на поверхность камни, поросшие низкой жесткой травой. Это обстоятельство и стало роковым для Пимушкиного Мыска.

Камень ломать там стали в начале XX века, когда вели железную дорогу к Кузнецку и для ее прокладки возводили высокую насыпь через лог. А когда построили дробильную фабрику на Сахалине (так в Прокопьевске называется населенный пункт между Усятами и Ясной Поляной), камень с Пимушкиного Мыска «ушел» под землю на забутовку отработанных мест в шахтах. И факт существовавшего когда-то Пимушкиного Мыска остался только в памяти родившихся и живших на этом месте людей.

Потомки Пимена Брагина (два-три поколения после него) продолжали пимокатное ремесло. В последствии это дело перешло к потомкам по женской линии, и в XX веке пимы в Усятах катали уже представители других фамилий. Брагины же в основном крестьянствовали, при этом овец в хозяйствах держали вплоть до 60-х годов прошлого столетия и пимы заказывали катать из шерсти своих овец.

Род Брагиных от Пимена «повел» Иван Пименович. Сыном его был Владимир Иванович. А прадедушкой поколения, рожденного с 10-х по 50-е годы прошлого

столетия, был Павел Владимирович Брагин, женатый на Авдотье Прокопьевне, урожденной Максимовой и привезенной из села Аральчева. Прапрадед этого поколения по женской линии — Прокопий Максимов был жажоточник, имел табун породистых лошадей, которые брали призы в бегах и на скачках.

Павел Владимирович с Авдотьей Прокопьевной произвели на свет четырех сыновей: Игнатия Павловича, Василия Павловича, Михаила Павловича и Митрофана Павловича. Последний, Митрофан, не оставил потомства, так как молодым погиб на фронте в японскую войну. У Василия Павловича были сын Григорий и дочь Анна. Григорий Васильевич не родился с детьми братьев своего отца. Дружили между собой дети Игнатия Павловича и Михаила Павловича. Двоюродные братья и сестры называли друг друга «игнахиными» и «михайлиными» и в престольные праздники ездили в гости к родне.

У Михаила Павловича было три сына: Петр, Евграф и Александр. Семья старшего, Петра Михайловича, была бездетной. Он больным вернулся с фронта первой мировой войны, работал по плотницкой части. Благодаря заботе о нём супруги Татьяны Викентьевны, прожил долгую жизнь. Это были высокие и даже в преклонном возрасте несогбенные старики. Оба предупредительно заботливые, говорили тихо, неторопливо.

Хлебосольными и гостеприимными были супруги Евграф Михайлович и Василь Игнатьевича Брагины. Они жили в Прокопьевске на Смычке. Родня приезжала к ним в гости на Михайлов день. Уважательными среди людей были их дети. Дочь Лидия Евграфовна Петухова в 60-е — 80-е годы прошлого века была известна в Прокопьевске как хороший врач. Сын Михаил Евграфович окончил Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта и работал начальником транспортного цеха на ЗапСИБе. Младший сын, Виктор Евграфович, окончил горный факультет Кузбасского политехнического института, работал главным инженером шахт «Карагайлинская», «Заречная», заместителем директора Ленинского шахтоуправления.

У Александра Михайловича Брагина было трое детей: дочь Августа и сыновья Михаил и Анатолий. Оба сына окончили Сибирский металлургический институт по горным специальностям, работали на шахтах Кузбасса.

Игнатий Павлович

Главой большой трудолюбивой крестьянской семьи был Игнатий Павлович Брагин (03.01.1867 — 28.08.1939). Невысокий ростом, рыжеволосый, голубоглазый, он был приветливым и доброжелательным. По словам его супруги, Капитолины Григорьевны, «тишайший он был человек, мухи бывало не обидит. А какой мастер был плясать... Пойдет по кругу плавно так, ни один волосок на голове не тряхнется. Сильный был, работающий. Ещё в молодые годы валили они лес в тайге на строительство дома. Одна лесина упала ему на ногу и повредила так, что он потом на всю жизнь хромой остался».

Капитолина Григорьевна, урожденная Самаковская (09.11.1872 — 04.10.1954), была женщиной с характером. Управление немалым хозяйством и семьей находилось в её руках. Пятерых сыновей и трех дочерей произвели они на свет. В 1897 году родилась старшая дочь Татьяна. Второй была Александра, родившаяся в 1899 году. Яков появился в 1902 году, Андрей — в 1904, Евгений — в 1906, Алексей — в 1908. В 1912 году родилась дочь Евдокия, в 1914 — младший сын Макар.

Владел Игнатий Павлович большим наделом пахотных земель с лесом и по-

косами в расположении современного поселка Школьный Прокопьевского района. В хозяйстве было более десятка рабочих лошадей, стадо коров, овцы, паесека, всякая птица. Масло, сметана, мёд кадками стояли в погребе. Зерно не переводилось в амбаре. Муки всегда было в достаточном количестве, чтобы прокормить семью. Молоко сепарировали, обратом поили скотину.

Добротный деревянный двухэтажный дом Брагиных с флигелем и хозяйскими пристройками стоял на склоне Пимушкиного Мыска. Почти от земли начинались окна полуподвального первого этажа. Зато окна второго этажа горделиво смотрели с отведенной им высоты на юг и на запад. Многочисленная семья Игнатия Павловича от первых теплых весенних дней и до осенних заморозков жила во флигеле. Отец с сыновьями в полевой сезон по несколько суток проживали на выезде — в полевой избушке на пашне.

В доме, в горнице, под пологой стелой кровати женатых старших сыновей — Якова и Андрея. Когда велось строительство железной дороги на Кузнецк, часть помещений верхнего этажа сдавали семье инженера. Своя семья размещалась на первом этаже дома.

Род Самаковских, из которого вышла Капитолина Григорьевна, возможно, уходит корнями в историю сосланных в Сибирь поляков. Григорий Егорович Самаковский был женат на Наталье Львовне, урожденной Осипенко, из села Сергеево, располагавшегося в окрестностях современного Киселевска. В этом селе жили ясашные татары, которые платили ясак (дань) русскому царю. Отец Натальи Львовны — украинец Лев Осипенко был ссыльным и женился в Сибири на дочери местного ясашно-го татарина Резана — Пелагее Резановне. Сведения о судьбах Егора Самаковского и татарина Резана не сохранилось в памяти потомков, однако черты внешнего сходства с прародителями через поколения передаются им до сих пор (азиатский разрез глаз и скуластость лиц).

Род Брагиных по ветви Игнатия Павловича продолжили сыновья: Яков, Андрей, Евгений, Алексей, Макар. Все парни в семье Брагиных по тем временам были грамотными, учились в школе. Девочек в школу не пускали. «Зачем вам учиться, — говорила дочерям Капитолина Григорьевна, — ухажерам письма писать? Берите вон пряслицу да прядите, вот вам и ученье».

Жили все одним домом: и родители, и младшие дети, и старшие сыновья с женами. Успели только старшую Татьяну выдать замуж за Ивана Бедарева из деревни Ур-Бедари из под Гурьевска, как молодого супруга забрали на первую мировую войну, где он и погиб. Старший сын, Яков Игнатьевич (1902 — 1980), привёз себе жену Елену Федоровну Мальцеву из деревни Киселево. Деловитой была старшая сноха и умелой, не боялась никакой работы. В большой семье Брагиных её сразу все стали звать по отчеству — Федоровной, а это говорило о большом авторитете. В дедовском доме родились их дети — Иван Яковлевич и Зинаида Яковлевна.

А в России в это время уже во всю шли преобразования, связанные с переворотом, Октябрьской революцией, гражданской войной, началом коллективизации. Семья Игнатия Павловича жила в тревоге и предчувствии неминуемых перемен. В связи с начавшимся повсеместно раскулачиванием хозяев крестьянских наделов и усадеб, он в срочном порядке поделил своё хозяйство между сыновьями, а дом за бесценок продал на слом.

Сыновья Игнатия Павловича присматривались к новым порядкам, старались пристроиться и к новой жизни. Яков Игнатьевич некоторое время работал секретарём Усятского сельсовета. Но после того, как не смог помочь семье зятя — Григория Захаровича Бычкова, раскулаченного и сосланного в Нарым со стариками родителями, женой Александрой Игнатьевной и младенцем сыном, Яков уволился из сельсовета. Забрав супругу и детей, он переехал на жительство в Киселево в половину дома своего тестя и пошел работать в шахту забойщиком. В

Иван Яковлевич БРАГИН.

последние годы перед пенсией он работал горным мастером ремонтно-восстановительного участка. На пенсию вышел в 1953 году.

Его сын, Иван Яковлевич Брагин, в 1940 году окончил военное училище, стал кадровым офицером Красной армии. Прошёл через горнило Великой Отечественной войны. Военной службе отдал более тридцати лет своей жизни (уволился из армии подполковником), из многочисленного рода Брагиных был первым продолжателем военного дела своих пращуров — кузнецких служивых людей. Стал основателем династии кадровых военных в новом поколении рода Брагиных. С супругой Марией Юрьевной, урожденной Люнакс, прошедшей с мужем дорогами войны, они произвели на свет троих детей: Светлану Ивановну, Олега Ивановича и Александра Ивановича. Продолжает род и династию военных (на Черноморском флоте Р.Ф., в Севастополе) младший сын Ивана Яковлевича — морской офицер, капитан первого ранга Александр Иванович Брагин. Он передал эстафету профессии «Родину защищать» своему сыну Андрею Александровичу, у которого подрастает сын — школьник Александр Андреевич Брагин.

Второй сын Игнатия Павловича — Андрей Игнатьевич Брагин (1904 — 1985) подвергался репрессиям, более 10 лет

провел в тюрьмах и лагерях, затем был выслан на поселение в Черепановский район Новосибирской области, реабилитирован в 50-х годах, приехал в Киселевск и до пенсии работал бригадиром маляров на стройке. Был добросердечным человеком.

Евгений

Третий сын Брагиных, Евгений Игнатьевич (1906—1942), тринадцатой привёз в дом родителей из Шарапа свою невесту Анастасию Алексеевну Тузовскую.

В отличие от золовок и старших снох Анастасия была грамотной, до замужества училась в гимназии в Кузнецке. Её отец, Алексей Евграфович Тузовский, принадлежал купеческому сословию. Летом 1920 года его зарубили саблей в посёлке Шарап (предположительно рововцы). Мать Анастасии — Валентина Семеновна, урожденная Кузнецова, была из дворянского сословия — умная, образованная, волеватая.

Евгений в молодые годы слыл в Усятах драчуном и забиякой, всегда носил плётку за голенищем сапога. Только где шум послышится, Капитолина Григорьевна уж беспокоится: «Не Дешка ли где опять там драку учинил?» Анастасию Евгений приметил на гуляньях в Ильин день. В Усятах была Пророко-Ильинская церковь, потому Ильин день считался престольным праздником села, и родня из соседних деревень съезжалась к усытским на гулянья. Евгений был красивый, коренастый, белокурый. Усытские девчата заглядывались на него, но побаивались его разбойной славы. И он в своём селе не выделял ни одну из них. Анастасия, приехавшая из Шарапа, сразу запала ему в душу. Черноглазая, русоволосая и не простушка, как свои, деревенские, что-то в ней было непонятное, притягивающее... Она тоже поделила его из толпы. И понеслись их души навстречу друг другу.

Евгений сразу готов был засылать сватов к своей возлюбленной, но овдовевшая уже к тому времени мать Анастасии желала для своей дочери ровню, чтобы и по положению, и по образованию соответствовал ей, да и слава чтобы не шла за ним дурная... Евгений уговорил-таки свою желанную — «убегом» выйти за него замуж. Это явление стало традиционным в то время: если родители невесты не соглашались на её брак с избранником, девушка уходила за любимым без родительского благословения.

Уже по морозцу с тулупом в саях приехал он на тройке лошадей в Шарап. Анастасия по-простому в опояске вышла во двор управлять со скотиной. Евгений вызвал её за пределы двора, подхватил на руки, завернул в тулуп — и в сани... Ищи — свищи теперь ветра в поле! Понеслась тройка с лёгким и драгоценным грузом!

Долго не соглашалась мириться с похителем дочери и его родителями разгневанная Валентина Семеновна, да делать нечего — пришлось покориться судьбе.

Женитьба Евгения круто изменила. Он сразу присмирел, устроился работать на шахту «Майская» («Зиминка») уголь добывать. Жену оставлял только разве на время работы. Анастасия без трений и конфликтов вошла в брагинскую семью.

В 1928 году у них родился старший сын Виктор, в 1930 — второй сын — Валентин.

Тёща Евгения вскоре после трагической гибели мужа уехала из Шарапа в тайгу, вслед за братьями покойного супруга, в горный посёлок Чексу, находившийся в верховьях притока Томи — горной речки Уса, на прииск Ивановка. Она писала оттуда письма дочери, звала её с семьёй к себе. Анастасия Алексеевна уговорила мужа на переезд из Усят, так как «тёмные тучи» начали сгущаться и закручи-

ваться не только над домами знакомых им односельчан и близких родственников, но и над ними.

Осенней ночью, сложив скарб на две подводы, усадив детей в повозку, через Прокопьевск, Калачёво, Кузнецк, Атаманово, Ольжерас они двинулись в тайгу, в горы, взяли направление на прииск Ивановка. Ехали почти месяц, в пути их застала зима. По замерзшей реке конной тягой в Чексу водили подводы с продуктами и другими грузами. Впереди шли три пары лошадей, протаптывали дорогу. За ними — лошадь с пустыми санями, а потом уже пускали обоз.

Беженцы пристроились к обозу и вместе с ним пришли в Чексу. Остановились в заезжем доме. В помещении вдоль стен — нары в три этажа. Совсем ещё маленький, Витя от взрослых слышал, что где-то далеко-далеко есть такое место — Москва называется. Ехали они долго, значит уехали далеко. Вот он и спросил у матери: «Это мы в Москву приехали?»

— В Москву, — ответила Анастасия Алексеевна, — видишь, этажи какие... — и указала на нары.

Дядя Анастасии Алексеевны по отцу жили в одном большом бараке, семьями располагались на нарах. Ширмы отгораживали одну семью от другой. На нарах первое время жила и семья Евгения Игнатьевича.

Весной на нижней Ивановке он начал строить себе дом. Собралась целая бригада пожелавших строить дома. Лес валяли выше того места, где наметили ставить жильё. Деревья ошкуривали и пускали вниз самопадом. Летит такая лесина с горы, аж звенит и останавливается как раз там, где дом должен стоять. Так за лето всем дома и построили.

Золотодобытчики

Основным занятием проживавших в Ивановке людей была добыча золота. Поначалу били шурфы. Это углубления в виде колодцев метра по три — четыре в ширину и длину... Из шурфа выбирали всю землю, а стены закрепляли срубками. Укладывали по пять — десять метров шурфа, доходили до коренных пород. Золотоносный песок всегда находился вдоль речки. Где раньше проходило русло, там река оставляла золотоносные россыпи. Лотками промывали песок и находили золото плиточками, бусинками. Затем пробивали ниши вдоль шурфа. Где золотоносный песок пошёл, там выбирали грунт. Где начинался скат, там золота не было.

Жил в те годы в Ивановке рудознавец царской поры, бежавший в тайгу от властей. Имени его никто не знал, все звали его Муртышка. Неприметный, внимания к себе не привлекал, но геолог он был от Бога. Хорошо знал месторождения, чётко мог определить, где надо бить шурфы. Какое место Муртышка укажет, там точно золото есть. А когда сами определяли, где шурф бить, часто случалось, что «били глухаря» — пустое там было место.

Евгений Игнатьевич работал в артели, которая била шурфы. Производительность была низкая. Тогда решили добывать золото по дну реки. А Уса — горная река, с большим наклоном и её русло надо было направить по другому пути. Стали отгораживать его, поставили «козла», зашили плахами. Начали тянуть дамбу отгораживая таким образом, часть русла. Работы в освобождённом русле золотодобытчики начинали тогда, когда оно совсем становилось сухим. Вымывали золотоносный песок и строили бутары (от слова «бутить», взбучивать породу). Укладывали деревянные желоба, в них помещали грохота с ды-

рами (металлические листы — сначала с большими отверстиями, а потом всё меньше и меньше).

Речку Берёзовку, приток Усы, всю в жёлоб взяли, перегородили, сделали плотину, подняли воду на большую высоту. Бутары породу в бутарах, загоняли на грохота, там хорошо промывали и сгоняли мониторами. Несколько километров вода катилась по желобам. Это решили использовать и построили гидравлическую электростанцию. Ночью она давала свет в посёлок, а днём воду направляли по трубам на мониторы. Таким образом, был разработан и применён промышленный способ промывки пород со дна реки и добычи золота.

Жизнь золотодобытчиков в тайге перед войной наладилась. Промышленный способ добычи драгоценного металла давал неплохие результаты. В обмен на золото в Чексу поставляли разнообразные продукты и в достаточном количестве. Жили спокойно. Дети учились в школе. Лихорадившие всю Россию репрессии не пробивались сюда через таёжные чащобы. Евгений Игнатьевич Брагин построил себе ещё один дом в горе на Верхней Ивановке. Двери домов на обеих Ивановках открывались внутрь, иначе можно было после сильных снегопадов остаться замурованным в своём доме до весны.

В живописных местах находились обе Ивановки. Отвесные скалы нависали над рекой. Противоположный берег был чуть положе. Заядлый охотник, Евгений Игнатьевич имел двухстволку (ружьё — переломку). Когда один, когда с сыновьями ходил на охоту. В апреле снег ещё в горах, а у косачей начинается ток — интересные глухаринские свадьбы. Он подкрадётся, заляжет, прицелится... Одного — двух косачей всегда брал с каждой охоты.

Сыновья Брагина Виктор с Валентином дружили с братьями Шатохиными. Те боевые были ребята. Вместе играли в Чапаева, «красные» гоняли «белых». Неподдалёку от посёлка стояли огромные отвалы породы. Они поросли уже травой, и в этих зарослях водились змеи. В жару выползут на солнышко, спиралью совьются, только голова торчит над кругом. Лёнька Шатохин — бац её прутиком по голове, схватит под горло, разожмет ей рот и шкуру, как чулок, с неё снимет, в костре змею зажарит... Говорил, что вкусно. А потом все вместе рыбачили на Усе. Золотодобытчики спускают воду, и ребяташки прямо вилками ловили усачей и пескарей. К зиме горные козы обычно уходили к гольцам — на вершины гор. Некоторые козлята не успевали за взрослыми животными и застревали в снегу. Местные жители подбирали их и держали пёстреньких диких козочек при своём хозяйстве.

В 1939 году в Ивановку прибыла Усинская геологоразведочная партия. Стали вести разведку месторождения марганца. Евгения Игнатьевича Брагина пригласили в геологоразведку буровым мастером для прохождения штольни в марганцевой горе. И он ушёл из артели. Штольня шла по крепким породам, приходилось взрывать. Одновременно бурили и скважины.

В 1940 году, двенадцати лет отроду, Витя Брагин — будущий угольный генерал, с лампой — карбидкой в руках,

начал ходить в шахту. Сначала он носил отцу обеды, а потом в летние каникулы стал работать камеральщиком. Раскалывал с помощью молотка и зубила кёрн по всей длине и на каждую половинку кёрна киноварью наносил номера скважин с указанием глубины, с которой был поднят кёрн. Половинки кёрна раскладывались в разные ящики и увозились в Сталинск в геологоразведочную партию для исследования.

Будучи подростком, Витя работал и лаборантом. На Марганцевой горе сто-

Виктор Евгеньевич БРАГИН.

яла метеостанция. Два раза в сутки нужно было подняться на гору, записать температуру и влажность воздуха, скорость и направление ветра. Утром с помощью секундомера и ванночек он измерял скорость и величину притока воды в ручьях, впадающих в Усу.

Весть о начале войны пришла в тайгу быстро. 29 июня 1941 года всех мужчин с прииска собрали и, погрузив на карбас, отправили вниз по Усе.

Евгения Брагина сначала направили на Дальний Восток. Там он учился на курсах на танкиста и писал домой, что когда вернётся с войны, будет работать трактористом. Но обстановка под Москвой усложнялась, и в ноябре 1941 года сибиряков с востока переправили на фронт под Москву. На Урале их посадили в танки, и прямо с поездов в танках они ринулись в бой.

После битвы за Москву Евгений Игнатьевич дошёл дорогами войны до деревни Колыхманово, что восточнее города Юхнова в Смоленской области. 3 апреля 1942 года его танк подбили, и он сильно обгорел в танке. В бреду, в военном — полевом госпитале, звал любимую Анастасию, сыновей.

От полученных в бою тяжёлых ран 6 апреля 1942 года Евгений Игнатьевич Брагин скончался. Похоронен на берегу реки в двухстах метрах от шоссе, в деревне Колыхманово.

Угольный генерал. Пора взросления

В первое же военное лето жизнь на прииске стала очень тяжёлой. Запасы продуктов были съедены. Своих огородов в тех местах не имели: таёжная земля — глина да песок, овощи и картофель там не росли, жили на колбе, пучках да грибах. Хлеба отпускали по двести граммов на человека.

Однажды Витя Брагин зашёл в магазин, где выдавали хлеб по карточкам. Не мигая, очень жалостливо смотрел, как продавец, пожилой мужчина, развешивал хлеб по порциям и выдавал их людям. В конце продавец выкроил краюшку чёрного хлеба и подал её ему, со словами: «Ешь, мальчик». Виктору Евгеньевичу до сих пор думается, что вкуснее того хлеба он никогда ничего не едал.

Анастасия Алексеевна поступила разнорабочей в геологоразведочную партию. Разведка полезных ископаемых и в годы войны не прекращалась.

В летние каникулы 1943 года Витя вновь пошёл работать камеральщиком, в семье увеличилась пайка хлеба.

Ходил он и коногоном на карбасе. Когда с перевалочной базы от Чексу на Ивановку вывозили промышленные грузы, вниз по Усе сплавлялись на карбасе. А потом верхом на лошади ташили канатом вверх по реке грузёный карбас. Это около ста километров пути, четыре-пять дней хода с утра до ночи. Мужчин на приисках не осталось, правил на карбасе старик или женщина, на носу стояли два человека с шестью, отталкивали карбас от берега. Ивановский прииск всю войну работал. Каждый месяц прилетал самолёт и увозил примерно шестнадцать килограммов добытого золота.

Летом 1943 года травмировался Валентин, младший сын Анастасии Алексеевны Брагиной, из-за чего у него случились травматическая эпилепсия и контузия. В январе 1944 года мать увезла его на лечение в Кузнецк и осталась там до лета. Витя один остался на доме и хозяйстве, учился он тогда в седьмом классе. А перед этим, два года назад, они с матерью купили телку, чтобы вырастить из неё корову. Поэтому каждое лето косили и запасали за рекой для неё сено. Так же запасали и дрова в поленницах на зиму. Все жители прииска делали так, чтобы зимой по льду подвозить и сено, и дрова к дому.

Зима 1944 года была для Вити самой трудной. Вставал он в 6 часов утра, привозил дрова на нартах на два дня, а потом бежал в школу. На следующее утро так же, на нартах, он привозил сено телке на два дня и бежал в школу. Так продолжалось всю зиму. Весной телка отелилась, надо было доить теперь уже корову и вместе с ней кормить и телёнка.

В июне по первой воде приехала мать. Оставили в тайге всё, кроме коровы, и на карбасе уплыли в Кузнецк. На берегу Томи в Старокузнецке их встретила родная сестра погибшего на фронте Евгения Игнатьевича — Александр Игнатьевна. На следующий день, в семь часов утра тётка с племянником повели корову из Кузнецка через Калачёво, Маганак, Ясную Поляну — в Усыты. Было это в начале июля, стояла жара. Прибыли на место к 10 часам вечера.

В сентябре 1944 года Виктор Брагин пошёл в восьмой класс школы №4 в городе Прокопьевске. До школы более пяти километров. Никакого транспорта тогда не было. С Пимушкиного Мыс-

Виктор Евгеньевич БРАГИН.

ка, где они с матерью и больным братом поселились в маленькой избушке деда Игнатия, он один ходил в ту школу. Зимой приходилось брести до дома по пояс в снегу. Электричества не было, учил уроки при коптилке (в блюде мазут и фитиль из пакли), утром вставал с полным носом сажи.

В конце мая 1945 года его, шестнадцатилетнего подростка, призвали в военный лагерь. Началась война с Японией, и пацанов — школьников решили готовить к участию в ней. Лагерь располагался под Калтаном. Жили в палатках по отделениям, спали на соломе. Форму выдали маломальски постиранную с погибших солдат - в пятнах от крови. Такими же были ботинки и обмотки. Кормили скудно: суп из сушёной картошки, которой в тарелке плавало по четыре-пять кусочков, подсоленная вода и хлеб наполовину из картошки. В столовую гоняли километра за три от лагеря. Недобрыми были старшины, они просто издевались над подростками. Утром после зарядки построит для перехода в столовую, команда: «С места - «Запевай!» Запевала затянет какую-нибудь строевую, а подтянуть ни у кого нет сил.

- ...Раз, два, три! — командует старшина, а песни нет. - Стой! Налево! Первая шеренга — два шага вперёд! Вторая — шаг вперёд, шагом марш! Ложись! Попластунски — вперёд!.. — следует команда.

Плывут мальчишки по росе, потом - в строй, и снова всё повторяется.

А песни всё нет. Да и кто же запоёт, когда через живот позвоночник прощупывается...

Тогда следует команда: «Бегом марш!..» - и до самой столовой.

Офицеры мальчишек жалели. Когда те приходили на полигон для занятий, давали им возможность с часок полежать на траве.

Война с Японией закончилась быстро, после чего ребят выпустили по домам.

В девятый класс Виктор пошёл в школу №9, которая находилась от Усят дальше, в посёлке Берёзовая роща — в десяти километрах от дома.

После девятого класса хотел пойти учиться в горный техникум, но мать не пустила. Время шло к осени, а в школу идти учиться было не в чем. Пошёл работать на хлебозавод жестянщиком, делал формы для выпечки хлеба. Потом перешёл в гараж слесарем, затем — стажёром шофёра. Без отрыва... окончил курсы шоферов и до сентября 1947 года на полторке «ГАЗ-АА» возил провиант на подсобное хозяйство хлебозавода.

Перед началом следующего учебного года к Анастасии Алексеевне пришёл директор школы №9 — Моисей Борисович и уговорил её отпустить Виктора учиться в 10 класс. «Из вашего парня будет толк, ему надо учиться в институте», — сказал он.

В 1948 году Виктор Евгеньевич Брагин окончил десять классов. Мать хотела, чтобы он пошёл учиться в медицинский институт: «Может, Вальку вылечишь», — говорила она, и Виктор не был против. Но на горном факультете Томского политехнического института стипендия была на сто рублей больше, а это весомый аргумент в пользу горняцкой профессии.

Учёба в институте Виктору давалась легко. С первого курса он повёл общественную работу по спортивной линии. Имел высокие спортивные разряды по классической борьбе, стрельбе, лыжам и лёгкой атлетике. С третьего курса активно работал в научно-техническом обществе института. По завершению каждого курса учёбы устраивался в шахту на производственную практику.

Первый раз спустился в угольную шахту «3-3 БИС» («Центральная» в г. Прокопьевске) в 1949 году на ознакомительную практику.

Во время производственных практик работал проходчиком, горным мастером, зарабатывал неплохие деньги. Таким образом, обеспечивал себе безбедную студенческую жизнь и материально помогал матери.

На 4-м курсе института Виктор Евгеньевич женился на студентке Нине Александровне Смирновой: зарегистрировали брак, сыграли студенческую свадьбу.

60 лет в угольной промышленности

Вся жизнь и судьба Виктора Евгеньевича Брагина связана с промышленным Кузбассом. Здесь он прошёл большой путь как шахтёр, высококвалифицированный горный инженер, организатор и руководитель производства. Он начал трудовую деятельность после окончания института помощником начальника участка на шахте «Тайбинская» в городе Ки-

селёвске. В его послужном списке должности: начальник участка шахты, горно-технический инспектор Киселёвской РГТИ, начальник Беловской РГТИ, начальник шахт «Чертинская» и «Чертинская-1» в городе Белово, главный инженер треста «Облкемеровоуголь», технический директор объединения «Облкемеровоуголь», главный инженер ГТУ «Главкузбассуголь», генеральный директор ассоциации «Кузбассуглетехнология» и другие.

Производственную деятельность В.Е. Брагин всегда успешно сочетал с наукой. В 1970 году он был включён в группу соискателей учёной степени кандидата наук на кафедре подземной разработки месторождений полезных ископаемых в Кузбасском государственном политехническом институте и защитил кандидатскую диссертацию. Уже более 10 лет он — доктор технических наук, профессор, академик АГН. Виктор Евгеньевич Брагин воспитывает новое поколение горных инженеров Кузбасса, читая им лекции в Кузбасском государственном техническом университете.

За достижения в труде, особый вклад в развитие угольной промышленности Кузбасса, за большую работу в свете развития горной науки В.Е. Брагин награждён многими государственными, ведомственными и областными наградами. Он — кавалер Ордена Трудового Красного Знамени, полный кавалер знака «Шахтёрская слава», заслуженный шахтёр Российской Федерации.

В счастливом браке супруги Брагины Виктор Евгеньевич и Нина Александровна дожили до свадьбы золотой, воспитали замечательных дочерей Татьяну Викторовну и Елену Викторовну, вырастили внуков. Всё это время с ними была и их прабабушка — Анастасия Алексеевна Брагина. Успехам правнучек Виктор Евгеньевич радуется со своими детьми.

Шахтёры, шахтёры, шахтёры...

Род Брагиных продолжается. Четвёртый сын Игнатия Павловича и Капитолины Григорьевны — Алексей Игнатьевич (1908 — 1980) был большим, коренастым, смуглым, с румянцем на щеках и чёрными вьющимися волосами. В жёны он взял невысокую тоненькую и красивую Веру Петровну из многолетней бедной семьи, где были одни девочки. Он любил свою маленькую Веру, как игрушкой забавлялся ею, прощал все её слабо-

Патриот земли Кузнецкой, Созидатель

Обложка книги о Викторе БРАГИНЕ.

сти. С молодых лет работал в шахте, получал хорошие деньги, обеспечивал безбедную жизнь семье, в которой до войны родилась дочь Галина и сыновья Рудольф и Валерий. В конце тридцатых годов Алексея Игнатьевича призвали в армию, он участвовал в финской войне, а потом на северном — Карельском фронте. С первых дней Великой Отечественной войны воевал на Мурманском направлении командиром миномётного расчёта в Сибирской дивизии. Получил ранения в голову, спину, подорвал здоровье в северных болотах, после войны мучился болезнью ног. Награждён орденами и медалями, одна из них — «За отвагу». Вернулся с фронта в 1945 году и снова пошёл работать в шахту. Окончил курсы горных мастеров и до пенсии трудился начальником ОТК на шахте № 7 в городе Киселёвске.

Продолжателем профессии отца и рода Брагиных по ветви Алексея Игнатьевича стал их с Верой Петровной младший сын — Александр Алексеевич, родившийся в послевоенные годы. Он тоже всю жизнь проработал в шахте. А теперь имя деда несёт, продолжая его профессию и род — внук Алексей Александрович Брагин.

Алексей Игнатьевич БРАГИН.

Второй сын Алексея Игнатьевича — Валерий Александрович окончил Ачинское военное авиационное училище, отслужил 25 лет в армии, вышел в отставку в звании подполковника и теперь проживает в станице Денской Краснодарского края. Его сын — Игорь Валерьевич Брагин окончил Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта, живёт и работает в Новосибирске. А внук Валерия Алексеевича — Никита Игоревич Брагин в настоящее время является студентом того же учебного заведения, которое окончил его отец, только у ВУЗа теперь другое название.

Младший сын Игнатия Павловича — Макар Игнатьевич Брагин (1914-1980) был неординарным, очень своеобразным и интересным человеком с артистичной душой. С младенчества у него прорезался громкий голос. Закреплению громкости способствовали и братья. Когда зимой они ездили в лес по дрова или за сеном, Макарку привязывали к последней повозке, чтобы не свалился с саней. Он орёт — лошадь идёт.

Голова Макара с детства соображала нормально, и руки с молодых лет тяну-

лись к работе по механической части. Совсем юнцом при начинающейся коллективизации он осваивал иностранную технику в колхозе — трактора «Катер-

Макар Игнатьевич БРАГИН.

пиллер» и «Фордзон».

Женился Макар рано. В 19 лет он был уже отцом старшей дочери Валентины. Супруга его — Зоя Вячеславовна, урождённая Старчёнкова, росла в сиротстве. У неё были прекрасные и печальные голубые глаза. Они по наследству достались её внучкам. Она была молчаливая, терпеливая и беззащитная. Бог наградила её прекрасным голосом. Она хорошо пела протяжные русские песни.

Макар Игнатьевич перед началом войны из МТС перешёл работать на шахту имени Молотова в Прокопьевске подземным электрослесарем. Окончив школу горных мастеров, он много лет трудился механиком подземного водоотлива на шахте «Маганак», откуда вышел на пенсию в 1962 году.

С Зоей Вячеславовной Макар Игнатьевич вырастил хороших детей. Трое из них — Валентина Макаровна, Валерий Макарович и Татьяна Макаровна живут в станице Тамань Краснодарского края, на берегу Чёрного моря. Почти вся многочисленная родня, потомки Игнатия Павловича и Капитолины Григорьевны, перебивали у них в гостях. И пусть всегда в благополучии и достатке пребывает гостеприимный дом Валентины Макаровны и Виктора Даниловича Куртуковых, дай Бог им здоровья и счастливого долголетия!

Из троих детей Макара Игнатьевича и Зои Вячеславовны, оставшихся в Прокопьевске (Александр Макарович, Галина Макаровна и Вячеслав Макарович), род Брагиных продолжают внуки Александра Макаровича от его сына Сергея: Александр Сергеевич и Максим Сергеевич Брагины.

У младшего сына — Вячеслава Макаровича, который как и отец всю жизнь проработал в шахте, род продолжает сын Андрей Вячеславович Брагин.

Названы все потомки Игнатия Павловича и Капитолины Григорьевны Брагиных по мужской линии. Но есть ещё одна ветвь Брагиных по женской линии.

Их старшая дочь — Татьяна Игнатьевна, овдовев в первом браке, второй раз вышла замуж за однофамильца или дальнего родственника — Ивана Ксенофонтовича Брагина. У них родились два сына — Михаил Иванович и Василий Иванович.

Михаил Иванович Брагин после службы в армии в 1954 году сразу пришёл на шахту «Тайбинская», работал лесодоставщиком, проходчиком, монтажником шитов, забойщиком под шитами. С приобретением опыта он был назначен старшим смены. В это время шло упорное соревнование между бригадами шитовиков прокопьевской шахты «Зиминка» и киселёвской «Тайбинская» за наивысшую производительность шитового забоя. Михаил Иванович трудился в составе бригады Е.Р.Митяшина, которая добыла в 1964 году более 55000 тонн угля за 31 рабочий день, рекордный показатель того времени. Вскоре М.И. Брагина назначили бригадиром на участок № 6. Здесь с наибольшей силой проявился его талант организатора коллектива.

В 1967 году коллектив бригады под руководством М.И. Брагина установил новый рекорд добычи — 65120 тонн угля.

Трижды бригада Михаила Ивановича Брагина перекрывала собственные рекорды и своих соперников с шахты «Зиминка». В 1971 году Михаил Иванович Брагин награждается орденом Ленина.

В 1973 году, на участке № 10, бригадой М.И. Брагина был установлен новый рекорд — добыто 81210 тонн угля.

Достигнутыми успехами бригады был восхищён создатель шитов академик А.А. Чинокал, который приезжал в Киселёвск на шахту «Тайбинская» поздравить победителей. С тех пор установилась личная дружба между известным учёным — академиком и шахтёром — бригадиром,

которая продолжалась до последних дней жизни учёного.

В 1973 году Родина высоко оценила заслуги Михаила Ивановича Брагина — ему было присвоено звание Героя социалистического труда, с вручением Золотой Звезды Героя и второго ордена Ленина.

Михаил Иванович Брагин неоднократно избирался членом ЦК профсоюза рабочих угольной промышленности страны, президентом клуба «Стахановец» объединения «Киселёвскуголь». В его честь учреждался приз имени М.И. Брагина, который вручался очистным бригадам, достигавшим наивысших показателей в труде объединения «Киселёвскуголь».

Слава Героя не вскружила голову Михаилу Ивановичу, не возгордился он своей известностью, всегда оставался таким же простым и скромным, каким был и раньше.

28 сентября 1990 года, на 61 году жизни, Михаил Иванович Брагин преждевременно скончался. Почти до конца своих дней он работал на шахте «Тайбинская», являлся наставником бригадиров бригад очистных забоев.

Затем бригаду Михаила Ивановича возглавил его сын — Александр Михайлович Брагин. На шахте «Тайбинская» проработал он вплоть до её закрытия, затем перешёл на шахту «Киселёвская», потом — на шахту «Соколовская», где трудился до пенсии.

У Василия Ивановича Брагина два сына — Владимир Васильевич и Виктор Васильевич, у каждого из них тоже по сыну.

Итак, после Игнатия Павловича и Капитолины Григорьевны в детородный возраст вступило пятое поколение. На конец первого десятилетия двадцать первого века в их потомстве насчитывалось 196 человек: 8 детей, 25 внуков, 51 правнук, 69 праправнуков, 43 прапраправнука. Многие живущие сегодня их потомки постоянно общаются, поддерживают друг друга.

г. Белово.

Михаил Иванович БРАГИН.

Владимир СТЯПИН

МАТЬ

Нас окружает нежность, ласка.
Мы видим солнца яркий свет.
А кто смотрел нам первый в глазки?
Кто первый нам сказал: «Привет»?

На боль кто нашу отзовется,
И в колыбель уложит спать?
Та ласка - женщиной зовется,
А имя женщины той — МАТЬ!

Простит обиды неизбежно,
И защитит своим крылом.
И вселит искорку надежды,
И снимет с сердца тяжкий ком.

Она ведь мать, а это много,
И даже больше — наша жизнь.
Укажет нужную дорогу,
Её совета лишь держись.

Пока есть жизнь, жива и мама,
И хочет дать всё счастье нам.
А это вовсе и немало —
Поклон великий матерям!

ЗИМА — ВЕСНА

Пришла весна. А снег идёт,
На землю падает и тает.
Чего природа ещё ждёт,
Морозы вспять вернуть мечтает?

Но одолеть весну зима
Не сможет, как бы ни пыталась.
Ведь от нее сейчас сама
Душа природы отказалась.

И солнца луч растопит лёд,
Утихнут вьюги и бураны.
Не отменить весны приход,
Ручьи сольются в океаны.

Набухнут почки на ветвях,
Пройдёт холодный март капризный.
И вступит вновь в свои права
Весна — начало новой жизни!

ВЧЕРА Я СЛЫШАЛ...

Вчера я слышал звон капли,
Ещё журчанье ручейка.
И соловья цветные трели,
И голос Майского цветка!

Вчера я слышал шум прибоя,
Морской вечерний голосок!
И лёгкий бриз над головою
Обдул мой каждый волосок!

Вчера я слышал шелест листьев
И шёпот белых облаков,
И песню птиц, парящих в выси,
И отзвук таящих снегов!..

Вчера я слышал свист кометы.
Она, пронзая небеса,
Летела вдаль, к другим планетам,
И вился шлейф, как волоса!

Вчера я слышал, как дельфины
Пленили голосом своим
Русалок дивных —
звёзд глубинных,
И танец свой дарили им!

Вчера я слышал звуки Мира,
Что мне подарены судьбой.
Как песню вечного кумира
Я пронесу это с собой!

ПРИШЛА ВЕСНА

Пришла весна, и снег водою
Желает с крыши убежать.
Устал, наверно, он зимою
Без дела в небо созерцать!

А тут и солнышко, как в сказке,
Его поможет растопить.
Своим теплом подарит ласки,
Чтоб смог он землю напоить!

Земля ведь тоже отдыхала
Под белой толщей зимой.
И ветер снежным опахалом
Всё наносил за слоем слой!

Но вот пора и просыпаться,
Встречать пришедшую весну.
В водичке талой искупаться
И показать свою красу:

Травинку, вылезшую где-то,
В набухших почках тополя.
Подснежник — верную приметку
Весны, что дарит нам Земля!!!

ПАРАД ПЛАНЕТ

Вновь день прошёл. И вечер тает.
Лишь разухабилась весна.
И звёзды ласково мерцают,
И улыбается луна!

Планеты яркой вереницей
На небе выстроились в ряд.
И как далёкие зарницы
На землю вспышками глядят!

Потом вдруг медленно поплыли
Морские будто бы валы.
Движенья плавными их были
И выше всякой похвалы!

Они друг друга обгоняли,
Места меняя всякий раз.
То вдруг на месте застывали,
Танцую словно Венский вальс!

И арфы струнами играли,
Луна им ритм считала свой.
А звёзды сладко подпевали,
Не нарушая дивный строй!..

Какой же всё-таки чудесный
И восхитительный сюжет:
Я видел танец тел небесных —
Парад танцующих планет!!!

ТУМАНЫ

Уже туманы на рассвете,
А ведь июнь ещё идёт.
Каким же дальше будет лето,
И что оно нам принесёт?

Да, будет всё. Я в это верю:
Нальётся ягода в лесу.
Трилистник свой
с цветочком клевер
Уронит в свежую росу!

Река прозрачною водою
В своё нас лоно позовёт.
На берег пенною волною
Песочек влажный нанесёт!

Цветы луга украсят цветом,
Какой на свете только есть.
Ведь лето всё-таки есть лето,
И дней загадочных не счесть!!!

СВЕЖЕЕ ДЫХАНИЕ

Я лето люблю лишь за то,
что есть дождь —
Живая легенда природы.
И капля на солнце блестит,
словно брошь,
Слетая с небесного свода!

А дождик умоет деревья в лесу,

Траве луговой даст напитокся.
Подарит свою дождевую росу
И людям, и зверям, и птицам!

И детство по лужам помчит босиком,
Взорвутся веснушками брызги.
И радостный смех будет слышен кругом:
Такой он далёкий и близкий!

Мне нравится дождь после жаркого дня,
С собою несёт он прохладу.
Как нежные капли ласкают меня,
И дарят свой блеск мне в награду!

А после дождя расцветают кругом
Цветы, что обильно политы.
Приветствуют влажным своим лепестком
Прозрачные капли-софиты!

Раскинется радуга, словно венец
Своим разноцветным сиянием.
И двери откроет в тот дивный дворец,
Где свежее жизни дыхание!

Я ВИДЕЛ...

Я жизнь прожил. И не напрасно!
Я видел утра красоту!
Как день рождается прекрасный.
Как лепесточек пьёт росу!

Как пташка ранняя всё ищет,
Чем своих деток накормить.
Как след остывшего кострища
Хотел теплом нас одарить!

Я видел, как туман клубится,
Преобразуясь в облака.
И как волна на пляж ложится,
Смывая замки из песка!

Я видел, как дождя слезинки,
Танцую, в радугу сошлись.
И наверху цветной тропинки
Их ожидала неба высь!

Я видел алые закаты
И во всех красках горизонт,
И грома шумные раскаты,
И дождь, что падал мне на зонт!

Пусть не дано мне той свободы,
Что поднимает в облака.
Но я увидел жизнь природы,
Её и утро, и закат!!!

НЕПОГОДА

Туманы, тучи дождевые
Уже который день подряд.
Деревья гнутся, как живые,
От ветра спрятаться хотят!

И непогода среди лета
Не позволяет загорать.
Несёт унылые рассветы
И тёмно-пепельный закат!

И солнца луч в плену ненастья-
Не повелитель он чудес.
Его сковали своей властью
Все злые демоны небес!

Луч плачет, мечется и слёзы
Свои дождём на землю льёт,
Где только будничная проза,
Природа стонет, не поёт!

Но не бывает так на свете,
Нет в мире злобы без добра.
И своим тёплым солнцем лето
Нас будет радовать с утра!

КАК НАМ НАЙТИ...

Как нам судьбой повелевать,
Направить в нужное лишь русло?

Как боль утраты избежать
И обойти тот мир, где пусто?

Войти в открытую лишь дверь,
А не стучаться, где не слышат.
Уйти от горестных потерь
И от беды, что в спину дышат!

Как мир найти, где лишь рассвет,
А не безмолвная пустыня...
Где незнакомо слово
«НЕТ»,
А «ДА» -
великая святыня!

Какой дорогой нам пойти,
Не повстречаться чтоб с ненастьем.
НЕ потерять, а лишь найти...
И как увидеть птицу счастья?!

Как нам найти великий путь
Любви, доверия, согласия.
И тот единственный маршрут,
Где будет нам судьба подвластна?..

Душа жизни

Моя душа, как непоседа:
Всё ищет что-то на земле.
То заведёт с Лунной беседу,
То с бликом Солнца на стекле!

А в чистом поле с ветром спорит,
Потом летает в облаках.
И с синим морем вдруг повздорит,
Качаясь пеной на волнах!

Немой вопрос задаст вулкану,
На звёзды глядя, помолчит.
И полетит встречать туманы,
Рассвету что-то прокричит.

Моя душа другую ищет
Себе напарницу, под стать —
Венец природы, Душу жизни,
Чтоб ей о многом рассказать...

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Что значим мы для всей Вселенной -
Букашки просто на Земле?
Но ведь над каждым неизменно
Летает Ангел во крыле!

Он защищает от обиды,
Уберегает от невзгод!
Его не можем мы увидеть,
Но вместе с нами он живёт!

И если в чём-то он не властен,
Его не вправе мы винить.
Спасёт от большего ненастья,
Поможет ВЕРУ возродить!

НАДЕЖДОЙ

будем жить чудесной,
Что нам поможет на Земле
Соратник Божий, Друг Небесный,
Хранитель-Ангел во крыле!!!

г. Осинники.

Сергей АЖИГАНИЧ

Сергей АЖИГАНИЧ родился 22 сентября 1959 года в городе Нижний Тагил Свердловской области. Вот как он рассказывает о своей судьбе:

- Первое стихотворение написал когда мне было всего четыре года. Оно было опубликовано в журнале «Веселые картинки».

Затем учеба в школе, институте, работа, поэтому в творчестве был перерыв на долгие годы.

После смерти мамы, я вновь взялся за перо. Как правило, писал после каких-то событий в своей жизни как положительных, так и отрицательных.

Очень люблю читать, имею обширную библиотеку.

Из поэтов-классиков предпоситаю читать Осипа Мендельштама, Анны Ахматовой, Омара Хайяма.

Есть у меня хобби не связанное с литературой - это вечная стройка на даче.

Отражается в Неве луна,
Берега в гранит одеты,
На Дворцовой — Монферранова игла,
Черно-белым негативом парапеты.
Дни, недели, месяцы, года...
Жизнь идет, а мы не замечаем
И не верим, что не будет завтра никогда.
Что имели, потеряв лишь понимаем.
Мы не слышим окликов друзей
И родных, всех кто остался в прошлом.
С каждым днем становимся мы злей,
С каждым шагом на сердце тревожно.
Отражается в Неве луна,
Будущее с прошлым повстречались.
Непривычная на Невском тишина.
В настоящем мы с тобой обнялись.

Я не хочу смотреть назад,
Хотя быть может стоит обернуться
И вспомнить тот дурацкий маскарад.
Но упаси господь в него
еще раз окунуться.
Я нагледелся на господ
Которые, чтоб получить
чины повыше
Заводят слухов хоровод,
С людьми играя,
словно кошка с мышью.
Я помню - как глаза в глаза
На сердце боль, разлука
в ожидание истомилась.
И обжигающие души нам слова
«Любовь с любовью разлучилась».
В свиданье первое весны,
Апрель разъединил с тобою
Оставив только ночи, полные тоски
И сны, где я бреду дорогою пустою.
Но верю, я что дни придут
Когда воздастся по заслугам.
И подлецов метлой поганой выметут,
А все любимые найдут друг друга.

Не кичись своим богатством,
Не гони кликушу со двора.
Над чужой бедой нельзя смеяться.
Не кошунствуй в церкви никогда.

Не показывай ты вид, что тебе больно
И под маской шутовской попробуй жить.
Не хвались перед рабом своею волей
И предательство сумей простить.

Нищему подай ты корку хлеба
И к больному позови врача.
Руку помощи ты протяни соседу,
Поклонись сиянию креста.

Не рассказывай о солнце ты слепому,
Не зови безногого с собой.
В жизни не всегда найдешь дорогу,
Что окажется короткой и прямой.

Я слышу голос твой в ночной тиши
Под сводами метро,
среди пустынных улиц.
Озябшие дома, погасшие огни,
Последний поцелуй,
прошай - кто скажет первый?

Прошедших дней полёт
неспешен и красив,
Напоминая сердце о былом и прошлом.
Так мальчуган насвистывает
простенький мотив
Перед подружками стараясь
показаться взрослым.

На перекрестке встал и все смотрю назад
Я вижу там тебя и там мне всё знакомо.
Но в голос мудрецы не зря ведь говорят,
Хотя звонарь глухой, но без него нет звона.

Еще одна зима стучится мне в окно.
Я разожгу огонь, возьму мольберт и краски
И напишу картину, где мы с тобой давно
Искали вместе счастье
как в старой доброй сказке.

Я голос слышу твой в ночной тиши.
Не говори прости,
остановись на перекрестке.
Не забывай меня, прошай не говори.
Озябшие дома, холодного забора доски.

В каждом жесте, в каждом движении
Скрыта ярость телодвижения
Пожирающая как огонь
Разжигающая ревности боль
Прикоснуться к бутонам алым
И сгореть в желанье пожаром
Не томи ты меня, не томи.
В вихре страсти ты закружи.
Тело знойное, радость - беда
Страсть кипит как в котле вода
Расплескать я боюсь ее
О холодное бытие
Сказка это, а может быть быть
Загребая дорожную пыль
Я вселенной простой пилигрим
По дороге бреду один.

Прозрачною и чистою росинкой,
Что по утрам на зелени травы,
Бывает часто мамина слезинка.
И виноваты в этом только мы.
Бывает так, что мы не замечаем
Как раним сердце матери своей.
И слишком поздно в жизни понимаем
Что нету в мире никого родней.
Мы говорим спасибо нашим мамам
За всё, что совершили Вы для нас.
Все беды пусть рассеются туманом.
Мы помним, любим и заботимся о Вас.

Я сказку напишу тебе
Где облака белее мела
Орел, парящий в вышине
И паж, коленапреклоненный
Где весело бегут ручьи
И солнце золотит верхушки сосен
Где зажигая погребальные костры
У замка тихо бродит осень
Где мчится принц на золотом коне
На битву с огнедышащим драконом
Где замок спит в туманном молоке
Взметнувши башни прямо к небосводу
Где менестрели песни под окном
Поют всю ночь своим любимым
Где всё решается сейчас, а не потом
Чтоб не было потом нам всем обидно
Добро всегда здесь побеждает зло
И разговаривают звери и цветы
Здесь гномы пьют волшебное вино
Гуляя с феями до утренней зари
Я сказку напишу лишь для тебя
Пусть вкус слезы не будет словно соль
Ты чуда ожиданием полна
Как юная, прелестная Ассоль.

Письмо

Здравствуй,
милая,
здравствуй!
Здесь опять зарядили дожди,
За окном разгулялось ненастье.
Плачет дождик, смывая следы.
Как там дома, у нас в Сибири?
Снег сошел или все лежит?
Меня помнят или забыли?
Когда выпьют, кто что говорит?
Как погода, как город, родная?
Ты пиши мне, про всё мне пиши.
Тебе трудно, я понимаю.
Не скучай,
верь в меня
и жди!

Между нами сотни городов,
Между нами тысячи километров.
Когда желаешь ты мне добрых снов,
Я тебе - не горестных рассветов.

У меня здесь глубокая ночь,
У тебя уже раннее утро.
Я тоску прогоняю прочь,
Ты гони от себя скуку.

Без тебя длится день, словно год.
Одиночества ноша так тяжела.
Из Удмуртии мой привет принесет
В Сибирь снежную — облака.

А когда растают снега
И распустятся в тайге кондыки,
В птичьих трелях услышишь меня
В них услышишь мои ты стихи.

Снежный дождь

Дождь на лету зимой замерзает.
Дождик зимой - это нонсенс природы.
В толпе многоликой не замечают
Люди друг друга. Ушедшие годы...
Мимо друг друга люди проходят.
Дождик дырявит, дырявит сугробы.
Кто-то теряет, кто-то находит
Как Эсмеральда и Квазимодо.
В пятнашки играет дождик со снегом,
Бежит по аллеям, по улицам стылым.
А судьбы людские —
конструктор от «Лего»
Купив - поиграли, собрали — забыли
Слезую прозрачною стала дождинка
Была лишь недавно холодной снежинкой
Свинцовое небо и мостовая
Что было — забуду, что будет — не знаю.

О любви

Любовь не средство от одиночества
И не лекарство от тоски
Жизнь подтверждает слова пророчества —
«Что нет прекрасней в мире любви!»
Ждем мы,
когда же пророчество сбудется,
Вглядываясь в проходящих людей.
Идем под венец —
«Поживётся, мол, слюбится!»
От жизни стараясь взять пополней.
А счастье приходит к нам незаметно.
Мы вдруг замечаем, что мир стал другой.
Судьба — романист набросала сюжеты.
Кому медный грош, а кому золотой.

Как птице — небо,
как зверю — воля,
Как влюбленным трель соловья.
Так и ты для меня родная
Мать, подруга, сестра и жена.
Сколько раз ты мне помогала,
Своей верой спасала меня.
И беда сколько раз отступала
От зажженного тобой очага.
С днем рождения тебя поздравляю,
Пусть исполнятся все мечты,
Пусть глаза твои слёз не знают.
В мире лучшая — это ты.

Когда же перестану удивляться
Я всем сюрпризам,
что судьба мне дарит?
Держать удар и грустно улыбаться
Когда исподтишка
вновь жизнь ударит?
Быть может, время всё-таки научит
Как жить, чтоб не было мучительно
так больно.
А может быть всё бросить?
Пусть получит
Каждый своё и все будут довольны...

Ночные гости

Сегодня ночью гости были,
Бессонница пришла с Тоской.
Вино разлуки до утра мы пили,
Ведя неспешную беседу меж собой.
Тоска про дом рассказывала мне,
Сибирь всё вспоминала и ревела.
Бессонница искала истину в вине
И на меня сочувственно смотрела.
А я качал уныло головой,
Гостям вино в бокалы подливая
И размышлял над собственной судьбой
Мгновенья прошлого
с грустинкой вспоминая.

Путнику

Осенний лист и мокрый снег.
Идёт замерзший человек.
Идёт куда глаза глядят
Где о любви не говорят.
Туда, где отцвели цветы
И песни не поют ручьи
Где не услышать соловья
Там ночь всегда длиннее дня
Идёт озябший человек
Кружит над ним осенний снег
Холодной коркой в сердце лёд
Где нынче он ночлег найдёт?
Идёт откуда и куда?
Не видно путь.
Всё скрыла мгла!

Нелётная погода

Вторые сутки как закрыт аэропорт,
Зал ожидания бурлит от пассажиров.
Добро диспетчер не даёт на взлет.
Аэропорт, отрезанный от мира.
На взлётной полосе —
сплошной сугроб.
Метёт метель,
швыряя снегом в самолеты
Дуря от свалившихся забот.
Хрипит дежурный,
что отменены полёты.
Дым сигаретный
в воздухе висит.
Звонки мобильных телефонов
как оркестры
И матерясь,
сдаёт билет мужик.
Когда погода будет —
неизвестно.

Страшней врага завистливый дурак,
Все для него не эдак и не так.
Когда же сам возьмется он за дело,
То вместо дела лишь одни проблемы.
Вот и задумаешься иногда,
Что лучше в окружении иметь
Врага или дурака?!

Поэт был прав, когда сказал —
«С любимыми не расставайтесь!»
И в отражениях зеркал
Увидев тени — не пугайтесь.
Разлуки тень — она грустна,
Жить в ожидании устала.
На сердце осень, не весна.
А письма — как же это мало.
Перо скользит по чистому листу,
Как лодка по реке в тумане.
На белом —
синими чернилами —

«Люблю!»

Читая, шепчешь стылými губами.
Тень от любви прозрачна и тиха
Нежна и угловата как подросток.
Не всем понятна проза белого стиха
И жизнь,
и смерть актёра на подмостках.
Игра теней вот хоровод страстей
Любовь, разлука,
ненависть и нежность.
Как коршун — молнией на голубей
Проверку в жизни
так проходит верность.

Мгновения

Прошедшие мгновенья не вернуть
Они наши следы из прошлого.
На повороте на каком нам повернуть,
Чтоб убедиться тот ли это путь.
И увидеть, кто пожелал всего хорошего.
Мгновение — миг,
который прожит нами
И к сожалению не исправить уж его.
Мы от бессилья скрежещца зубами
Грозим бездыханному лику кулаками,
Не успевая вновь
к мгновению начала своего.
Птенцами из гнезда летят мгновения
Крылом распарывая жизни небо.
Когда и кто развеет все сомнения,
Когда и кто поверит в объяснения,
И кто поможет отличить
от были небыль?

Здесь чайки вместо голубей
Кричат пронзительно и звонко.
Мне грустно без любви твоей
Моя далёкая девчонка.
Как не хватает мне тебя,
Жаль, только слишком поздно понял.
На переправе не сменить коня.
Не польхают ночью зори.
Я на крыльцо ночами выхожу,
Чтобы увидеть в небе звёзды.
Я без тебя с ума схожу.
Качают грустно головой берёзы.
Вновь вместо трелей соловья
Я слышу трели телефона.
Грустна поэзия моя,
Грустны стихи, грустно и слово.

Дождь в декабре

Дождь в декабре —
сумасшествие жизни,
В окна стучится и тонет в снегу. —
«Дождик и снег,
кто-то явно здесь лишний»,
Бормочет декабрь в полночном бреду.
К музыке тихих,
заснеженных улиц
Добавился шепот невнятный дождя.
С небес изливались прозрачные струи
И на снегу рисовали тебя.

Здравствуй, человек мой дорогой!
Грустно мне и на сердце тревожно.
Одному непросто жить с тоской,
Прошлое листая осторожно.
Ночью, бледный свет ловлю луны,
В бархате ночном мерцают звёзды.
Милая, родная, где же ты?!Горькими под утро стали слезы.
Сказку я пишу лишь для тебя,
В этой сказке вместе будет мы.
Просыпается над рощей заря,
Сумасшедшие в июле соловьи.
Здравствуй, мой хороший человек!
Пусть Господь тебя хранит всегда.
Выигранный вытаски билет,
Поезд счастья привезет ко мне тебя.
Я родную крепко обниму
И прижмусь к ее щеке щекой.
«Господи, как плохо одному!»
«Милый, а как плохо мне одной...»

Глазову

Разбежались улицы лучами,
Крики чаек в небе над Чепцой.
Доброго утра Вам, глазовчане,
С добрым утром город дорогой.
Младший брат большого Петербурга,
Северной Удмуртии краса.
Пережил ты всё,
хоть было трудно,
Непростые пережил года.
С каждым днём становишься ты краше
В сердце оставаюсь навсегда.
Детство, юность
и любовь ты наша,
Где бы не были - мы помним про тебя.

Я помню тех, кто сгнил под Магаданом.
Я помню тех,
кого сожгла морозом Колыма.
Я помню всех,
кто не дошел со мной этапом
Всех тех, кого оболгала Страна.
По чьей вине с родными разлучали?
По чьей вине гноили в лагерях?
И приговоры, трибуналы нам читали
И приходили палачи к нам в сапогах.
Все пережили, все мы испытали.
И в страхе замирал наш дом,
Когда стуча по лестнице кирзами,
Звонил под утро в двери управдом.
Вот политзаки, вот политзеки
Гнусавил обыватель из углов
И взгляды детские мгновенно блекли
Когда из просто «дети»
становились в миг «дети врагов».
Я помню всех, кто не дошел до Магадана
Я поминаю всех,
кого с собой забрала Колыма
Я помню всех, кто жертвой стал обмана
Всех тех, кого оболгала Страна.

Изрезав до крови запястья,
Слепой Арлекин подбирал
Осколки разбитого счастья...
Зал — красноречиво молчал.
И темной дорожкой в пыли
Оставили след капли крови
Рот искривленный от боли
И в воздухе — тихо — «Прости».

Звезды от боли мерцали,
Когда видели, как на земле
Пятиконечные звезды
Вырезали на русской спине.

Над квадратами площадей
Ночи белые, белые ночи.
И похожие на коней
Мосты вздыбились и хохочут.
О ступенях Петродворца,
О фортах боевых Кронштадта
Вспоминаю ночами я
Снятая статуи Летнего Сада.
К фонарям прижимаюсь щекой,
Белой ночью спят фонари.
На бульжниках мостовой
Не увидишь пожара зари.
Нет в Сибири белых ночей
Ночи там как сажа черны
Петербург — крик и боль ты души моей
Я тебе объясняюсь в любви.

Любовь — это эхо испуга
И душные ночи без сна.
Любовь — это жизнь друг без друга.
Натянутая тишина.
Души обнаженные нервы
И шель воспаленного рта
«Люблю!» — кто прошепчет первый?
Кто первый застынет у рта?
Любовь — это муки разлуки
И ожиданье весны
Толпы хищной жадные руки
И на снегу — цветы
Глаза как бездонный омут
И боль разрываемых жил
Я в перестуке вагонном
Мучался, верил, любил.

Пастушок

Наболело на душе, поделиться не с кем.
За деревней на лугу плачет чья-то песня.
Плачет по любви своей, развела разлука,
Без любимого не жизнь, а сплошная мука.
Где ж ты милый пастушок, где твоя тальянка,
Что сводила всех с ума
песней про смуглянку.
Наболело на душе, выплакала слёзы.
Выйду на берег к реке,

поклонюсь берёзам.

Солнцу, ветру поклонюсь,
прошепчу «любимый».
И с обрыва прямо вниз, в омут головою.
Пастушок мой дорогой,
пастушок мой милый.

Прочитать бы ненаписанную книгу.
Увидать невставшую зарю.
Позабить ненанесённую обиду.
Отодвинуть непришедшую беду.
Приласкать бы неродившегося сына.
Руки обогреть у негоревшего костра.
Окунуться в аромат увидевшего жасмина.
Посмотреть бы, где у дьявола душа.

Волкам...

Я устал быть волком одиночкой
Днем охотиться, ночью смотреть
Как по первой пороше цепочки
Флажки ставит охотников цепь.
Я устал уходить от облавы
И заливать раны свои.
Смертоносные чуют капканы
И волчицу искать до зари.
Положить бы лобастую морду
Ей на холку и замереть.
Кто поймет душу старого волка?
Сможет кто в глаза посмотреть?
Где же ты, волчица - подруга?
Догорает над лесом закат.
Воют волки в тоске друг без друга
И своих мохнолапых волчат.

«Не верь, не бойся, не проси»
Мне говорила в детстве мама
И никогда, мой сын, не лги
Не будет прока от обмана.
Не верил я своим врагам,
И не просил у них пощады
Не кланялся чужим богам
И от побед не ждал награды.
Я не боялся палачей
Когда стоял на эшафоте
Не верил в сладострастие речей
Что убеждали о заботе.
«Не верь, не бойся, не проси»
Вот мой девиз, что сохранил навечно
Как жаль, что быстро пробежали дни
Как жаль, что время скоротечно.

Мне стыдно, что я не кричу
Когда в грязи катают душу.
Глаза закрыв, чтобы не видеть, я молчу.
А раз молчу, так значит трушу.
Жить в страхе надоело, я устал!
Устал стоять глаза потупя.
И восхищаться тем, меня кто растоптал,
Кто лез наверх по лестнице из трупов.
Ну почему героем становлюсь
Швыряя господину в лицо правду.
Только во сне, и то когда упысь!..
Сказать бы правду, а я опять боюсь
Но говорить наверно уже надо.

И один бывает в поле воин,
Правда не всегда он побеждает.
К сожаленью мир наш так устроен,
Что не знаешь, где найдешь, где потеряешь.
Стать блудницей, сохранившей святость
И в миру быть почитаемой всеми...
Как не просто людям дарить радость
Понимая, что помочь всем не успеешь.
Тяжело быть равнодушным в храме
Беспристрастно слушать литургию.
Не погрязнуть в окружающем обмане.
Помнить то, что все давно забыли.
Любить тех, кого с тобой нет рядом
Не показывая вид как тебе больно.
Жить надеждою — одна награда
Не всегда свобода — это воля.
Серой массой в вокзале толпа.
У кирпичной стены крови лужица
И в открытых глазах небеса.

Сергей ЕРОФЕЕВ

Родился в 1984 году в южной столице Кузбасса. Потомственный преподаватель. Старший преподаватель кафедры экономики и управления производством Института экономики и менеджмента ГОУ ВПО «Сибирский государственный индустриальный университет». Образование высшее экономическое, специальность «Экономика и управление на предприятии (в металлургии)».

Из увлечений следует выделить особо изучение истории Кузнецкого края и посещение его труднодоступных и живописных уголков. Литературные предпочтения: «Мост короля Людовика Святого» Торнтон Уайлдера, «Красный буран» Клея Фишера (Г.-У. Аллен), «Татарская пустыня» Дино Бушати, «Голос Полнолуний» Ивана Ефремова, «Емшан» Мориса Симашко.

У Сергея Сергеевича вышли в свет три книги: повесть «Акт веры», авторский сборник стихов и прозы «Менгир», сборник пьес «Час Божий» (соавторство с Георгием Балахниным и Евгенией Костиной).

Сергей Ерофеев победитель литературного конкурса журнала «Огни Кузбасса», призер поэтического конкурса «Союзники-Кузбасс» (III место).

Песнь Шории

Венок сонетов

1.

Привычно дик, печален древний край...
Предвосхищая тяжкую годину,
Он скальной твердью давит мне грудь:
«Ты с кем, усталый путник? Выбери!...»

Тяжких духов смутные черты
Моей души готовят освоенье,
В кругу огня лишь есть успокоенье
Как отрицание вселенской черноты.

Один лишь шаг, и вот уже порог,
И что гадать — ты мог или не мог
Окончить срок предательским движеньем?

В рядах осин всевидящий старик,
Блуждает неизменный лунный лик,
Подернутый туманным серебреньем.

2.

Подернутый туманным серебреньем,
Увенчанный бесформенной короной,
Пусть усмирный писаной иконой,
Но ставший неотступным наважденьем,

О, Дивный мир, нескладный и нещадный,
Плетями вечной черни перевитый,
Рукою или временем побитый,
Еще безлюдный и еще отрадней...

Далекий шлейф клубящихся надежд
Покоится в сени Твоих одежд,
Сменяемых с завидным небреженьем...

Посулы ночи и стенанья дня
Ты умершвляешь, думы полоня
Извечным поступательным круженьем.

3.

Извечным поступательным круженьем
Листы Твои слетают. Не иначе —
Ты разгадал спирали Фибоначчи
В стремленьи овладеть воображеньем.

Суровый миф, железный крестный путь...
Влача грехи, мотыги

и лопаты,
Тебя прошли лихие азиаты,
Искатели, кто помышлял блеснуть

Умом и потом добытым богатством,
И бунтари с их удалью и братством, —
Земля чудес и каторжный сарай...

Бесстрастный к мерной смене поколений
В Тебе сокрыт и злой, и добрый гений,
Воссоздающий первобытный рай.

4.

Воссоздающий первобытный рай
Тысячерукий сумрачный подвижник,
Как изгнанный Святыми чернокнижник
Ты выпестовал здешний карагай.

Прописываясь в каменных громадах,
Влагая смысл в селения и своды,
Ты приютил колена и народы,
Произрастая в воинственных номадах.

Медвежьей крови дикий искупитель
И Черных гор неистовый строитель
Зря опасается дождя небесных стрел.

Живое воплощение проклятий —
Рост терриконов и спортсменов партий,
Величье звезд и приземленья тел.

5.

Величье звезд и приземленья тел
Осознавая ныне в полной мере,
Внушая одомашненной химере,
Что больше не вредит ей белый мел,

Я тшусь постичь безбрежное двуличье,
Где шепот сосен холоден и ясен,
Где снег берез сменяет бурый ясени, —
Восточное былое пограничье.

Урочища волнений и пожарищ
Помазаны следами прежних капищ,
Купавшихся в мистическом улове,

Но я войду в дремучее сознание,
Жестокое и жаркое стенанье
Предчувствуя в неслышном томном зове.

6.

Предчувствуя в неслышном томном зове
Живую гипнотическую радость, —
Подложную пленительную сладость
Самоотказа в разуме и крове,

Я покоряюсь двойственной природе
Любви Твоей всецело и отныне
Все ближе к упоительной равнине
Соскальзываю по сырой породе.

Но исполинов грозный хоровод,
Несущий смело купол горних вод,
Отнюдь не жаждет подношенья крови, —

В угоду глазам перелетных птиц
Я отделил Закон от небылиц, —
Я мысленно ловлю Тебя на слове.

7.

Я мысленно ловлю Тебя на слове,
Не пробуя взрастить необходимость
Отринуть чаш глухую нелюдимость...
Хотя и сознаю, что наготове

Слепого гнева ржавая острога, —
Под пологом брезентового ложа
Жизнь кажется милее и дороже,
Способней к подведению итога.

Предросный сон опять роит фантомов,
И стук нерукотворных метрономов
Обозначает суточный предел.

Отторгнутый от мраморов и пиний,
Я растворюсь в местах казачьих линий,
Страшась опять остаться не у дел.

8.

Страшась опять остаться не у дел,
К Тебе взывают толпы обреченных
Приверженцев теорий отвлеченных,
Грядущих в Беловодья нововдел.

Не проще ль ждать, в предчувствии венца
Отдав себя растительному яду,
Что вострубят четыре раза кряду
Пернатые посланники Творца?

Озвученный Манакскою шиверой,
Еще сочтется полдень древней верой,
Окрашивая пасмурный восход,

И привлечен сокрытым достояньем,
Изобличен всегдашним обстояньем,
Пленен Тобой, замыслю я исход.

9.

Пленен Тобой, замыслию я исход
Из череды неблагоприятных будней...
Пусть тлен сомнения не станет беспробудней,
Но не зависят час, число и год,

Когда бездумно о косу споткнется камень,
От горестных усилий гордеца
Отсрочить наступление конца,
Ввергая все тревоги в синий пламень.

И будет мой маршрут тосклив и складен,
Иль известковый мрак Патынских впадин
Отнимет силы двигаться вперед,

Ни Ты, ни я не в силах уловить,
Хотя б немного приостановить
Сподвигнутый Твореньем стрелок ход.

10.

Сподвигнутый Твореньем стрелок ход
Влечет познать глубокие потоки,
Покуда не растратились истоки,
Покуда смысл несет понятие «брод»...

Ревущий праг, не одолен мошами
Вчерашних дезертиров чьих-то дум,
Привносит звуки в изнуренный ум,
Выкусывая лишнее клещами.

Изломаны преуспеяньем драг,
Притягивают воссиявший зрак
Ручьи, отвергшие беспечное филярство,

Но механизмов полстолетних рык,
Что неприметно поредел и сник,
Откроет мне наивное коварство.

11.

Откроет мне наивное коварство
Бездумных планов генеральный вид:
Заветных долов плиточный гранит
И псевдоевропейское жеманство...

Взойдя на кромку торного оврага,
Я не узнаю заповедных мест, —
Поставленный на этом крае крест
Торчит из лба замерзшего Пустага.

Насвистывая пошлую мазурку,
Проказник ветер подскажет демиургу
Со всепрошенем лечь под образа.

Последний акт — прелюдия поминок, —
Растасканы останки битых кринок,
Прикрыты истомленные глаза.

12.

Прикрыты истомленные глаза,
Сухих теорий вырваны страницы...
Земная даль, прорвавшись сквозь ресницы,
Преобразит былинные леса.

Иссякнет видимость, уйдет былая цель,
И молоко, разлившись над простором
Забывших пасек, яростным напором
Польется вниз, презрев познания щель.

Определяя погребенья скифов,
Трехглавый ужас доарийских мифов
Примеривает поведенье пса.

Я забываю каверзы и беды,
А на щеке бедняжки Андромеды,
Лишь краткий миг, и проблеснет слеза.

13.

Лишь краткий миг, и проблеснет слеза —
Простой ответ засилью лицедейства,
Повсюду восхваляемого действия,
Которому мы дарим голоса,

Мешая разгильдяйство
с древним культом...
Внимательнее если присмотреться,
Окажется инфаркт «Стального сердца»
На деле — ишемическим инсультом...

Оскомину набившие попытки
Культур-неврологические пытки
Представить как высокое шаманство

Я позабуду. Лучше не спеша
Перечитать Софрона Тотыша,
Определив духовное лекарство.

14.

Определив духовное лекарство,
Сберечь его стараясь ежечасно,
Я понимаю — это все напрасно
В условиях привычного дикарства...

Но Ты - мой Друг
и вторишь мне пристрастьем...
От верб цветенья до хмельного злата,
От Огудуна и до Ерината —
Как Ты — в моей,
так я — в Твоей лишь власти.

Все изменяется, но все ли изменилось
И в худшей ипостаси возвратилось,
Переродившись в сизокрылый гай?..

Пещерный оникс столь же многослоен,
И кедр ветвист, и соболь ладно скроен, —
Привычно дик, печален древний край...

Магистрал

Привычно дик, печален древний край,
Подернутый туманным серебреньем,
Извечным поступательным круженьем
Воссоздающий первобытный рай.

Величье звезд и приземленье тел
Предчувствуя в неслышном томном зове,
Я мысленно ловлю Тебя на слове,
Страшась опять остаться не у дел.

Пленен Тобой, замыслию я исход.
Сподвигнутый Твореньем стрелок ход
Откроет мне наивное коварство.

Прикрыты истомленные глаза,
Лишь краткий миг, и проблеснет слеза,
Определив духовное лекарство.

Память

Дней ушедших назад не вернуть,
Даже многих из них не упомянуть...
Лишь в душе осаждается муть,
Лишь в душе осаждается копоть,

Лишь на память надвинулась мгла,
Иссечённая стрелами молний...
Может, помнить она и могла?
Может, лучше сейчас и не помнить?

Ну, зачем сохранять, что ушло,
Потеряв материальную форму,
То, что радость у нас отняло
Или беды сводило до нормы?

Ну, зачем возвращать времена
И корёжить забытые раны,
Биться насмерть и рвать стремена,
Покоряя далёкие страны?

Можно ль было не драться с врагом,
Постучавшись в стальное забрало,
Иль стремглав убежать от того,
Что секунды у нас отнимало,

Отнимало мгновения, что,
Собираясь, стекались в столетья,
Отженить, что тебя подвело
В самый тяжкий момент лихолетья?

Дней ушедших назад не вернуть...
И не стоит насиловать нервы,
Продолжая тернистый свой путь, —
Не один я такой и не первый...

Осень

Посвящается Вам,
несравненная Татьяна К.,
и осеннему вечеру,
когда преданный Ваш поклонник
впервые услышал голос Вашей гитары.

Песчинки тихой осени шуршат,
Опав с ветвей, в траве оцепенелой.
Крупинки льда природы омертвелой
Тоскливым шёпотом
пророчат ваш закат.

Вам грустно наблюдать, едва живым,
Как медленно, но верно уступает
Светило денное в борьбе и засыпает,
Чтобы весной очнуться молодым.

Многоголосие сменяется молчаньем,
Наряды лета — мглой и одичаньем,
Хлад оттесняет прежнее тепло,

Но лишь воскреснет
яркий светоч жизни,
Вернётся щебет птиц
и бодрость мыслей,
Вернётся всё,
что некогда ушло.

Пророк
(«Окованное сердце»)

В краю первозданном,
безлюдном и диком,
На вечно сухой,
неприятной равнине,
Сидел на песке без движения, тихо,
Безвестный старик —
повелитель пустыни.

Сидел без движения,
дыша еле слышно,
Дышал еле слышно
в молчаньи гнетущем.

Он думал,
он мыслил в тиши неподвижной,
Свой дух вознеся
над быльём вездесущим,

Свой страх заперши на стальные засовы,
Что так популярны в селениях белых...
В селениях белых чернеют остовы,
Но новые орды коварных и смелых .

Предательски скоро мечом иль обманом
Захватят все земли исконных народов,
Чугунною лентою от океана,
Протянется путь дровяных скороходов...

И схлопнется время... Во веки и ныне
Зажгутся огни казино и отелей,
Стрела автостреды пройдёт средь польни,
Связуя собою цепочку борделей,

В полночное небо взлетят самолёты,
Распустится кактус на чьём-то балконе...
И резвые кони повыйдут из моды —
К асфальту привычны железные кони...

Он все углядел,
через время учуял,
Услышал чечётку
на древних могилах
Прапращуров,
что приручали впустую
Природною волей природные силы.

Он встал,
уничтоженный страшным виденьем
И руки простёр к обречённому краю,
Старик, отправлявший
когда-то в сраженьях
Коварных и смелых
к их белому раю.

Пустыня молчала, беспомощно, словно
Осознавала конец свой отныне,
Родился пророк и, шатаясь, неровно,
Побрёл в темноту
по недвижной равнине.

Георгий БАЛАХНИН

Родился в 1936 году в поселке Муидыбаш Таштагольского района в семье рабочего.

В 1951 году закончил школу-семилетку и поступил в Кузнецкий металлургический техникум на отделение сталеплавильного производства, по окончании которого в 1955 году был призван в Советскую Армию, где и прослужил на флоте четыре года. Осенью 1959 года вернулся в Новокузнецк и устроился на КМК в мартеновский цех №1 подручным сталевара, где и проработал до весны 1987 года и вышел на пенсию, будучи старшим сменным мастером разлива стали. В 1995 году впервые переступил порог Православной Церкви. С 2002 года диакон Храма во имя св. прп. Сергия Радонежского при СибГИУ.

Игумен всея Руси

(из жития св. прп. Сергия Радонежского)

Сценарий к спектаклю

Рассказчик. Верстах в четырех от Ростова Великого, по древнему преданию, была некая весь, имя которой забылось в истории, но которая всегда была и будет имени-та и дорога сердцу православных русских людей, ибо она была благословенной Родиной великого печальника и заступника русской земли преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея Руси чудотворца.

Здесь было поместье его родителей, благородных и знатных бояр ростовских Кирилла и Марии. Тут был их дом, тут жили они, избегая суеты городской, среди сельской природы и уединения.

У них уже рос первенец Степан, и Господь даровал им другое чадо.

И вот однажды в воскресный день в храме на божественной литургии все молящиеся прихожане услышали радостный крик младенца, хотя среди присутствующих здесь людей такового не было. Крик повторился еще дважды, и все были удивлены (зело).

Все знали боярыню Марию, скромную и добрую женщину, к тому времени носящую чадо во чреве. И вот по окончании службы...

Под звон колоколов из храма выходят прихожане. Располагаются по сцене. Мария и группа женщин подходят к микрофонам. Окружают Марию.

Меланья. Мария... Дай взглянуть на чадо твое...

Устинья. Уж больно звонко он прокричал на сегодняшней службе. Аж три раза (кресты).

Пелагея. И время-то, какое избрал: перед Евангелием, на Херувимской и на Святой Святых (крестится при этом).

Меланья. Ну-ка, где он у тебя, Соколик? Покажи — покажи...

Мария. Да не родился он еще. Там он у меня. Оттуда и голос свой подал. Перепугал меня. Не время еще ему родиться.

Женщины. Да ну?! Не простое ты чадо носишь, Мария. Ох, не простое...

Рассуждая и разводя руками, взирая к небу и крестясь, уходят со сцены.

Маленькая музыкальная пауза о течении времени. На сцену выходит Мария с младенцем на руках. Навстречу ей Устинья.

Устинья. Спаси тебя Господи, Мария! Добрый день тебе.

Мария. Да хранит тебя Господь, Устинья. День добрый.

Устинья. Разрешилась, слава Богу. Сын?

Мария. Варфоломеешка. Степанушка

братик будет: одному-то ему скушно расти.

Устинья. И то правда. Здоровенький растет? Не хворает?

Мария. Веселенький. Все чегой-то гукает да улыбается. Одна беда — по средам и пятницам молоко мое не принимает. Грудью в рот не берет, отворачивается. Так весь день и не ест.

Устинья. Ох, Мария... Не простое ты дитя выносила... Не простое.

Мария. На все Божия воля, Устинья. Так уж, видно, Ему угодно.

Устинья. Да, матушка моя. Наше дело смиряться да терпеть. Что Бог дал, то и в радость нам. Всего тебе доброго, Мария. Да хранит тя Господь и чадо твое.

Мария. Спасибо на добром слове, Устинья. Господь с тобою да будет.

Расходятся. Музыка времени.

На сцену выходит старец в монастырской одежде и молча молится. Появляется мальчик лет восьми-деяти. Ожидает, пока монах закончит молитву, затем подходит к старцу, кланяется ему в пояс.

Мальчик. Батюшка, благослови.

Старец. Бог благословит, отрочате. Что ты здесь делаешь?

Мальчик. Тятя послал коней искать.

Старец. Ты послушный сын. А не боишься? Такой маленький, один в поле.

Мальчик. Я не один: со мной Бог-Троица и Ангел мой хранитель, да еще Святой Варфоломей. Уж они-то меня в обиду не дадут.

Старец. И то верно. Вера твоя спасет тя. Грамоте учишься. (Мальчик кивает головой). Ну и как?

Мальчик. Плохо, батюшка. Не дается мне учение. Вот если бы ты помолился за меня Господу, чтобы я мог научиться грамоте... Мне так хочется.

Старец. Ну что ж. Давай помолимся (встают на колени и молча молятся.). (Заканчивая молитву). Даруй, Господи,

сему отроку Варфоломею разумение в постижении слова Твоего и прочих учений, ему подаваемых. Твое бо есть еже миловать и спасати ны, Боже наш, и Тебе славу возсылаем Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь. (Дает отроку просфору).

Сие дается тебе, в знамение благодати Божией и разумения Святого Писания. Если веруешь, больше сил узришь.

О грамоте не скорби, ибо от сего дни даст тебе Господь разум грамоты больше братий и сверстников твоих.

Старец уходит. Мальчик медленно идет за ним. Останавливается. Поднимает руки в изумлении.

Мальчик. (К зрителю) Растаял в возду-

хе... Отче Святыи!... (Бежит за ним).

Музыка времени. Появляются братья: Степан и Петр (младший)

Петр (Петруша). Степанушка, а братка-то наш Варфоломей в грамоте нас обходит. Как-то теперь ему все хорошо и легко дается. А ведь не мог учиться. Все смеялись над ним, и отец дьякон ругал. А теперь-то...

Степан. Да, неспроста это, Петруша. Вон он как усердно молится; вот и дает ему Господь разума. Нам с тобою теперь по нему равняться надо.

Петр. А он мне сказывал, что мечтает в монашестве жизнь прожить. Постится каждый день, а в среду и в пятницу совсем не вкушает пищи. Двенадцати лет, а живет, как старец.

Степан. Он с рождения такой постник.

Петр. Как с рождения?

Степан. А вот так. Маменька ему бывало в среду или в пятницу молочка пососать, а он отвернется и глазки закроет и ни за что... А теперь уже и вовсе.

Петр. Вот здорово! Нам бы так! А?!

Степан. Да куда уж нам за ним: он Богом избран за нас грешных молиться. (Задумывается).

Пойдем, однако, домой.

Уходят. Музыка времени.

Рассказчик. Прошло время. Повзрослев и возмужав, отдав последние почести преставшимся родителям, постригся Варфоломей в монашеский сан с именем Сергий и с благословения отца духовного решил отойти в глухие леса с целью прожить свою жизнь в уединении и молитве к Богу за себя и за весь мир человеческий. И старший брат Степан пошел с ним.

Выходят Степан и Сергий. Экипировка - топоры, лопаты, котомка.

Сергий. Вот они, леса Радонежские, Степан. Здесь и будет место для нашей пустыни.

Степан. Да, глухомань лесная. Кто сюда доберется без помощи Божией. Ни дорог, ни близости жилья.

Сергий. Ничего, с Божией помощью да с молитвой все устроим. В первую очередь келью и церквушку. А дальше, как Бог даст. Вот там и начнем строить.

Идут за кулисы. Музыка времени. Появляются снова.

Степан. Ну вот, Слава Богу! И келью, и церковь сладили. Освятить пора.

Сергий. Слушай, брат. Поелику ты мне старший по плоти, а по духу вместо отца, то хочу у тебя совета испросить: «Во имя какого святого следует освятить нашу церковь, и какой будет ее праздник?»

Степан. Зачем испытываешь меня, брат,

о том, что лучше меня знаешь? Или забыл, вещали тебе наши родители, Царство им Небесное: «Блюди себя, чадо, ибо ты уже не наше, но Божие.»

Господь избрал тебя и назнаменовал еще во чреве матери, когда трижды возгласил ты в нем во время литургии. Сей знак был от Господа, что ты будешь учеником Святой Троицы и многих научишь вслед за собою веровать в нее. На то есть Божие изволение освятить сию обитель нашу в честь Святой Троицы.

Сергий. (Глубоко вздохнув) Ты высказал то, что давно помыслил я в душе моей и чего хотел, но не смел выразить. Любо мне слово твое. Да совершится церковь сия во имя Святой Троицы.

Ради послушания вопрошал я тебя и вот Господь Бог не лишил меня желания моего сердца.

Степан. Тогда пойдем, брат, к митрополиту Феогносту за его благословением освятить нашу церковь во имя Святой Троицы.

Сергий. Пойдем, брат Степан, не будем мешкать.

Степан. Однако, прости меня, брат, Христа ради. Должно мне сказать тебе честию: жить с тобой в этой глуши я не смогу — нет у меня сил для такого подвига, а посему, я оставлю тебя, как только освятим твою обитель.

Сергий. Ну что же, брат Степан, спасибо за откровение твое. На все Божия воля. Поступай, как знаешь — у каждого свой путь. Я остаюсь здесь. Идем — идем к владыке Феогносту.

Музыка времени. Песнопение.

Рассказчик. Много времени прошло с тех пор. Маленькая обитель подвижника Сергия наполнилась иноческой братией, расширилась и обустроилась.

Все претерпевали насельники ея: и голод, и печали, и скорби, и радости. Своим личным примером подвижник Сергий вдохновлял братию к терпению, смирению, трудолюбию, послушанию, к любви и молитве. И братия пожелали видеть в нем своего настоятеля вопреки желанию самого старца. И просили Святейшего Афанасия уговорить преподобного на игуменство. Но и перед Святейшим инок Сергий упорно отказывался, ибо не желал он выделяться среди братии своей и не хотел никаких чинов.

Тогда Святейший Афанасий сказал ему: «Возлюбленный, ты все стязал, а послушания не имеешь, » - и словом этим обезоружил преподобного. Со словами: «Как Богу будет угодно», - инок Сергий согласился на игуменство и был рукоположен.

Преподобный Сергий Радонежский — великий игумен Троицкой обители, и не только ея, но и всея Руси. Своим духовным словом он мирил враждующих князей, объединял разрозненные княжества вокруг Москвы и тем способствовал объединению Руси в могучее государство.

Кто к нему только не шел за советом и помощью! И всем он был слугой: и братии, и прихожанам, и князьям, и простым селянам, и никто не уходил от него неутешенным. Слава о нем шла по всей Руси.

Выход двух иноков с дровами. Навстречу им поселянин.

Поселянин. Бог вам в помощь, братие.

Инок. Спаси тебя Господи, возлюбленный. (Уходят с дровами, возвращаются без них.)

Поселянин. Простите меня, Христа ради, что отвлекаю вас от трудов ваших, но только пришел я в вашу обитель издали по великой моей надобности. (Инок останавливается) Поведайте, где у вас можно увидеть игумена вашего, старца Сергия. Дело важное мне надобно исправить; хочу благословения у него испросить.

Первый инок. Там он, в огороде ходит. Там ты его узришь, добрый человек.

Поселянин подходит к кулисам, всматривается, всплеснув руками, подходит к микрофону.

Поселянин. Никакого игумена там нет. Старикашка какой-то в ветхой одежке в земле ковыряется. (Тут появляются иноки с дровами, и он — к ним).

Нету там вашего игумена, братие, разыгрываете вы меня, а мне не до шуток. Я изда-лека пришел посмотреть на пророка, а вы мне показываете какого-то нищего!... На-прасно же я трудился — шел сюда; я думал получить пользу душе моей в вашей чест-ной обители, а вместо того встречаю только насмешки. Но я еще не дошел до такого без-зачия, чтобы почесть этого убогого старич-ка за того знаменитого Сергия, о котором так много слышал я славных вещей.

Второй инок. Успокойся, возлюбленный. Узришь, узришь нашего Сергия, будет он скоро.

Первый инок. Ого! Кто к нам пожаловал! Сам Великий князь Московский Димитрий Иоаннович.

Входит князь Димитрий Иоаннович и с ним четыре князя. Все падают ему в ноги.

Князь Димитрий. Где отче преподобный? Зело скоро зреть его желаю по важному делу.

Первый инок. В сей же миг, княже, позо-ву его. (Убегает в огород и возвращается с преподобным Сергием)

Князь Димитрий. (Падая на колени перед старцем) Не отврати лица твоего от мене, отче, выслушай меня и благослови.

Сергий. Встань, княже любезный, не дол-жно тебе кланяться в ноги недостойному рабу. Встань. Я готов тебя слушать. (Подни-мает князя).

Князь Димитрий. Ты знаешь, отче, какое великое горе сокрушает меня, да и не меня одного, а всех православных: ордынский князь Мамай двинул свою орду безбожных татар, и вот они идут на мою отчизну, на рус-скую землю, разоряя святые церкви и губить христианский народ... Помолись же, отче, чтобы Бог избавил нас от этой беды.

Сергий. Пойдем в храм, помолимся, кня-же. Потом в трапезной поговорим и все об-судим. Пойдемте — пойдемте. (Уводит всех. Остаются поселянин и иноки.)

Поселянин. Это и есть преподобный Сер-гий, игумен ваш?

Первый инок. Да, это он, наш любимый отец и учитель. Наш игумен.

Поселянин. Та... Так... Такой вот просто-людный... И так скудно одет! Как же это? А я-то думал... Увижу его на престоле в доро-гих одеждах со стражниками при нем. А он... В огороде с заступом. А Великий князь ему в ноги. А я?! Господи, помилуй мя грешна-го... (Падает на колени)

Второй инок. Успокойся, возлюбленный. Батюшка наш Сергий по Бозе живет: если хочешь быть первым, будь рабом для всех. И мы у него научаемся: не пещься о себе, но о всех по Христу Иисусу.

Выходит преподобный Сергий, с ним кня-зья.

Сергий. Ну вот, княже любезный, помо-лились мы усердно, как могли, Троице Свя-той нашей. Собирай воинство русское и встречай басурманов в чистом поле. И что-бы ты, господине, пошел без сомнения. А поможет тебе Святая Троица и мать Пре-святая Богородица. Хоть и малым числом, а ты победишь Мамай.

Сим будет положено начало освобожде-ния Руси от татар.

Князь Димитрий. Отче! Даруй мне что-нибудь в благословение моему воинству в залог милости Божией.

Сергий. (Подзывает первого инока) Позо-ви сюда Александра Пересвета и Андрея Ослябу. (Инок уходит).

(К Димитрию.) Много падет русских во-инов. Немногие вернутся, и ты вместе с ними живым придешь с победой. (Входят инок и с ним Пересвет и Осляба) Вот тебе, возлюбленный княже, мои оруженосцы и послушники, а твои избранные.

(Подает им схимы с изображением Кре-ста Христова) Вот вам, дети мои, оружие негнелное. Да будет вам оно вместо шлемов и щитов бранных. (Благословляет иноков кре-

стом и окропляет святой водой.) Сим побеж-дайте врага.

(К Димитрию) Господь Бог да будет твой помощник и заступник: Он победит и низ-ложит супостатов твоих и прославит тебя.

Князь Димитрий. Если Господь и Пресвя-тая мать Его пошлет мне помощь противу врага, то я построю монастырь во имя Пре-святой Богородицы.

Сергий. Ступай, княже, смело на рато-борство с Мамаем и да хранит тебя Господь. (Благословляет всех крестом. Князь уходит. Поселянин падает в ноги Сергию).

Поселянин. Святой отче, прости мне мое невежество и скудоумие: я так плохо о тебе подумал и говорил, я не признал тебя, я не поверил...

Сергий. Не скорби, чадо; один ты спра-ведливо и рассудил обо мне, ведь они все ошибаются. Пойдем в мою келлию, я выс-лушаю тебя (уводит поселянина).

Первый инок. А ведь у меня было наме-рение выпроводить этого мужика со двора нашего за его крамольные глаголы о нашем батюшке.

Второй инок. Что ты! Что ты, брате! Вспомни, как однажды игумен наш ездил в орду и падал в ноги татарскому хану и даже мать его исцелил от слепоты. Язычнику кланялся ради спасения нас, русичей и веры нашей Православной от уничтожения. А ты брата нашего, христианина — выпроводить. Да наш игумен вслед за ним побежал и про-сил бы у него прощения за нас.

Первый инок. И то, верно, брате. Как же это?

Входят преподобный Сергий и поселянин.

Сергий. Иди с Богом, брате любезный, все у тебя устроится и ладно будет. Верь Богу и полагайся на Его милость. Иди. Да хранит тебя Пресвятая Троица.

Поселянин. (Низко кланяется Сергию и всем остальным, выходит на авансцену к микрофону с шапкой в руке и размышляет вслух) Все оставлю сыну своему старшему Федору в распоряжение и вернусь в эту оби-тель. Здесь мое земное пристанище. Здесь должно начинать свой путь ко Господу. Про-стите меня, люди добрые. (Уходит.)

Музыка битвы. На фоне её Сергий и иноки молятся.

Рассказчик. И была битва великая и же-стокая на поле Куликовом... И был момент, когда чуть было не дрогнуло воинство рус-ское под натиском безчисленной рати басурман и ликовал уже хан Мамай.

Да вот, по неустанным молитвам препо-добного Сергия вдруг дрогнули татары и по-бежали. Что их заставило это сделать — од-ному Богу ведомо. Но только князь Димит-рий Иоаннович вернулся с победой.

Колокольный звон. Входят князь Димит-рий с князьями, падают перед преподобным.

Князь Димитрий. Отче святой! Победа. Господь помог нам. Мы победили.

Сергий. Встаньте, князие. Я все видел: и как инок мой Пересвет сразился с татар-ским богатырем Челубеем, и оба они пали, смертно поразив друг друга, и как Андрей Осляба сразил несметно врагов, окружав-ших его, невзирая на раны свои, истекая кровию пал героем, и каждый воин, не жа-лея себя, бил врагов до последнего своего дыхания, и даже двенадцатилетний Андрию-ша Рублев усердно служил у тебя на посыл-ках. Все видел, княже. И с моей братией молился за каждого из вас. Господь услы-шал наши молитвы и даровал нам победу на супостаты. (Выходит на авансцену).

Вера наша спасла нас. Господь сказал: «Просите и дастся вам. Ищите и обряще-те. И там, где трое или более объединяют-ся во имя мое, там и Азъ с ними!» Храни-те, чада мои, слово Божие. Внимайте ему и живите по слову Его. И Господь сохра-нит вас во веки, и будете непобедимы от врагов ваших.

И стоять Святой Руси во веки, пока бу-дет в ней жить вера Православная.

Аминь.

Общий поклон.

Лариса Хаустова

Живёт и работает в посёлке Богучаны Красноярского края. Является членом поселкового литературного объединения «Белая лошадь». Свои стихотворения публиковала в газетах «Импульс» и «Ангарская правда». Пишет музыку для песен, написанных как на слова собственных стихотворений, так и других авторов.

Любимые поэты: Сергей Есенин, Эдуард Асадов, Евгений Евтушенко; из красноярских: Николай Ерёмин, Николай Гайдук.

Звёздные бусы

Дождь прошёл. Затихла пляска
Струн весёлых перезвон,
На плодах черёмух сказкой
Капли белые. Как сон!
Так и тянет снять подвеску
Голубых прозрачных бус
И на шее с мокрой ветки,
Ощутить прохладный груз.
Верю! Сердцу б стало легче
От лазурной чистоты
Звёздных бус, обнявших плечи
Из нахлынувшей мечты.

Рассвет

Люблю в окно глядеть на свет,
Когда рождается рассвет,
Когда лиловыми губами
Солнце коснётся всех окраин...
И заиграет расплываясь
Рассвет — на облаках качаясь,
Купаясь в синеве волны,
К дну речки погружая сны.
Промчится над тайгой, блистая,
Верхушки с солнышком сплетая
И разбудив в лесу зверьё,
Влюблённо поспешит в село.
Рассеет свет по всей округе.
Сноп искр рассыплет мне на руки.
К щекам прильнёт как тёплый кот
И поцелует обожжёт.

Как я жила без Вас?

Как я жила без Вас?
Без вашего тепла?
Во мне, наверно, жизнь
На время замерла.
Как много дней прошло.
Промчалось столько лет.
И ваш влюблённый взгляд —
Подаренный букет...
Быть может это сон
Иль Божья благодать:
В свои полсотни пять...
Я влюблена опять!..

Любовь! Любовь! Откуда ты явилась?

Любовь!
Любовь!
Откуда ты явилась?
Где свет заимствуешь, тепло?
Всем миром правишь,
проявляешь милость
И души радуешь
и убиваешь зло.
Моя богиня!
Ангел нежный,
робкий.
Как хорошо,
что ты на свете есть!
А без тебя
не слышался б смех звонкий,
День не рождался,
и не пелась песнь.

К вам счастье плыло белыми стихами,
Кружилось васильковыми глазами,
Пытаясь, ваше сердце покорить,
Чтобы оно сумело полюбить...

Не встрепенулось сердце, не заглошь —
Зачем себя тревожить? — вот вопрос.
Уж лучше по теченью тихо плыть —
Чем запроблемить быт свой, обновить...

Всего боясь и отстраняясь от встреч,
Так и живёте, как настенный меч.
Который радуется лишь тем, что он блестит,
Но не снимаемый, в бою не засвистит!

Твой ли взгляд?
Губы в крике трясутся,
Подбородок скривился —
Брань, мат!
И слова, словно пули несутся,
Будто строчит в меня автомат.
Я от едких запалов речи —
Стою серая, словно тень.
Мне б в постель, да зажечь рядом свечи,
Чтоб очистить начавшийся день...

О, не плачь, о не плачь моя мама

О, не плачь,
о не плачь моя мама,
Что лишь в снах я к тебе прихожу.
Твои слёзы — сквозной в сердце раной,
В твоих письмах - поддержки ишу.

Не печалься родная — всё знаю,
Без детей, без любви — в сердце дрожь.
Я сама в своей жизни метаюсь
И не знаю: где правда, где ложь...

И в моей душе бродит ненастье —
Муж, а муж ли? — умчался к княжне.
В жизни мама не к каждому счастье
Прилетает на белом коне.

Не печалься родная, не надо.
И себя хоть чуть-чуть пожалей.
Твои письма — земная награда,
Как отдушина сумрачных дней.

Как бы не было мне, тебе трудно,
Выход есть и его мы найдём.
Весной ранней, гурьбой нашей дружной —
Пароходом в наш край приплывём.

У крылечка,
где стройный наш тополь
Распушится, — тебе я спою.
Звон гитары и внуков всех топот,
Звонкий смех — всё тебе подарю.

Отогрею тебя, зацелую!
В твои сны тёплым солнцем вольюсь,
Чтобы в зимние ночи хмельные,
Снов твоих не тревожила грусть.

Анатолий ГУЛЯЕВ

По моему субъективному мнению, начало образовательным учреждениям Прокопьевка положили две церковно-приходские школы (ЦПШ) - прокопьевская и усытская. Первая действовала с 1893 года при Прокопьевском храме, построенном в 1763 году в селе Прокопьевском (Монастырском). Вторая - при церкви Пророка Божия Илии, построенной в 1861 году в селе Усытском.

Несколько слов о прокопьевской школе

**Воспоминания и размышления о школе, зарисовки на педагогическую тему
(глава из книги)**

Кроме названных, действовали ещё церковно-приходские школы от усытской Пророко-Ильинской церкви в деревне Черкасовой и две церковные школы грамоты в деревнях Зенковой и Лучшевой от Прокопьевского храма.

В каком году начала действовать усытская церковно-приходская школа, на данный момент информации нет. Со слов уроженцев села Усыты первых трёх десятилетий прошлого столетия размещалась она, в так называемом - «доме сапожника», который находился напротив церкви (чуть западнее) и был задействован под школу вплоть до 1950-х годов.

Во время же моего детства, моих лет учёбы в усытской школе в этом доме жила семья Кречетовых. И размещался он тогда на общей, огороженной территории

своей № 43 города Прокопьевска Кемеровской области.

В конце 1960-х - начале 1970-х годов, немного перестроившись и расширившись, усытская Начальная школа № 43

Усытский клуб. Бывшая церковь.

стала восьмилеткой.

Но, как оказалось, замаячившая перспектива вновь оказалась недолговечной из-за нерентабельности и демографической ямы в 1978 году усытская школа была окончательно закрыта.

Здание бывшей школы передали или продали общепитовской организации, которая вновь перестроив здание школы под производственные: кондитерские и колбасные цеха, какое-то время работало в новой своей ипостаси - выпускало «Усытские пряники» и колбасу. Но к концу второго тысячелетия и это предприятие закрылось. Здание бывшей школы безнадежно зияет теперь дырами выбитых окон и дверей.

Таков краткий и печальный экскурс в историю усытской школы.

В начале 1920-х годов, после перехода власти в руки Советов, в государственной политике приоритетной была обозначена программа массовой ликвидации безграмотности по всей стране. Поэтому повсюду началось лавинообразное увеличение учащихся различных возрастов. Не стало исключением и село Усытское (так оно именуется в архивных документах), здание бывшей ЦПШ не стало вмещать в своих стенах всех обучаемых. К тому же, новая власть имела твёрдые намерения полностью отмежеваться от церкви (и не только в системе образования). По-

этому под расширившуюся школу были отданы ещё два освободившихся (экспропрированных) больших дома: поповский и, стоящий от него через дом, дом Студенихиной.

Работать в расширившейся новой усытской школе, в основном, стали те же учителя, которые работали и в ЦПШ. Информации об учителях ЦПШ и первой советской усытской школы к сожалению, не сохранилась, за исключением того, что известно о Сеникиной Неонилле Ильиничне (Тихоновой - по мужу).

Приехала Неонилла Ильинична в Кузнецкий уезд в 1910 году, из Вятской губернии Свечинского уезда деревни Сандаки (где она родилась и окончила три класса начальной школы). После окончания начальной школы, как очень способная ученица, была направлена на учёбу в частную женскую прогимназию в город Котельнич, где училась четыре года. После окончания прогимназии окончила учительские курсы и, проработавшись, получив соответствующие документы, работала школьным учителем.

В Сибирь Неонилла Ильинична приехала вместе со всей семьёй своего отца, которая поселилось в селении Киселёва. Жить вместе с родительской семьёй ей не представилось возможным, поскольку какой-либо школы в Киселёвке в то время не было. Поэтому на протяжении пяти лет работать ей пришлось в школе селения Верх-Чумыш. После переезда ближе к своим родичам, в село Усыты. Где и начала учительствовать с 1915 года, в усытской ЦПШ; позднее в ФЗС № 6 (в здании дома Студенихиной), до 1922 года (выхода замуж за Тихонова Александра Ивановича и рождения первой дочери Агнии Александровны).

В семейном архиве Тихоновых чудом сохранилась не очень подробная, собственноручно написанная незадолго до смерти Неониллой Ильиничной автобиография (умерла она ранней весной 1972 года).

Вот её содержание:

«Мой год рождения 1886 г.

Отдали учиться в начальную земскую

школу в 1897 году. В 1900 году поступила учиться в Котельническую женскую прогимназию, Кировской области, тогда Вятской губ.

В 1904 году окончила прогимназию в июне месяце. Сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь была на практике в начальной школе в г. Котельнич. В 1905 году с января послали учительствовать в дер. Полканы, где проработала два года. Потом перевели в село Ново-Николаевское (Чугуны). Здесь проработала три года. Всё время работала в земской школе.

В Полканах я занималась с первым отделением, а со 2 и 3 - другая учит. - Ал. Зин. Шенникова.

В Чугунах я проработала три года, нас уже было три учительницы: Александра Васильевна Локтина, Елена Антоновна Полякова и я.

Я взяла первое отделение 1 - 2 г. с ними занималась и готовила их к экзамену, на зем. ч., но в конце декабря 1909 попросилась с моими милыми детками, сколько было слёз.

1910-й г. мы встретили в вагоне, уже ехали в Сибирь.

Осенью 1910 г. послали учит. В Верх-Чумышскую школу, 5 л. учит.

Осенью 15 г. перевели в с. Усыты, где проработала 7 лет».

В эти годы, в Усытах, одним из учеников Неониллы Ильиничны был мой отец Гуляев Николай Романович.

Воспоминания о школьных годах Нины Александровны АТУЧИНОЙ (ТИХОНОВОЙ)

Родилась Нина Александровна 10 ноября 1923 года в селе Усыты (умерла 27 августа 2011 года в своём родительском доме), образование - высшее, в 1952 году окончила «НИВИТ» (Новосибирский институт военных инженеров транспорта, ныне «НИИЖТ») - Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта).

«В школу в то время детей принимали с восьми лет, мне восемь лет исполнилось в 1931 году, но в ноябре месяце. Поэтому сначала в приёмке мне отказывали; потом, поскольку моя мама работала раньше в этой же школе учительницей, взяли. К тому же, я к этому времени уже свободно читала и писала.

Школа наша тогда называлась Фабрично-заводской семилеткой № 6. Директором школы был Журавлёв Константин Васильевич, учитель истории.

В первом классе училась в поповском доме, первой учительницей была Юлия Александровна (фамилию забыла).

Фото из архива Людмилы ТЮРИНОЙ - МОУЛВИНОЙ.

Фото Анатолия ГУЛЯЕВА.

Бывший поповский дом.

усытской начальной школы № 43, которая в своём первоначальном виде была введена в строй в 1935 году (со слов и по похвальной грамоте Тихоновой Нины Александровны, Атучиной - по мужу). С 60-х годов и до закрытия школы № 43 в этом доме были школьные мастерские

Первая советская усытская школа называлась Фабрично-заводской семилеткой № 6 (на печати, сокращённо - ФЗС № 6), позднее переименована в Неполную среднюю школу № 5 села Усыты Прокопьевского района Новосибирской области.

Ещё позднее, предположительно в 1943 году (когда Кемеровская область выделена из состава Новосибирской области, а Усыты - частично, были введены в состав города Прокопьевска) в Неполную среднюю школу № 25, города Прокопьевска Кемеровской области.

В 1950 году школа-семилетка была преобразована в начальную школу и при-

Во втором, третьем и четвертом классе училась уже в следующем здании, значительно большем поповского (доме Студенихиной — А.Г.). Учили нас тогда уже несколько учителей: Никитина Августа

Нина Александровна АТУЧИНА (ТИХОНОВА).

Трофимовна (классная руководительница), Скиба Семён Никитович (муж Августы Трофимовны).

В пятый класс пошла в 1935 году, в новую школу, которая в этом же году и открылась и получила новое наименование Неполная средняя школа № 5, села Усыты Прокопьевского района Новосибирской области.

Учителями в этой школе были: Вяткина (Усова) Клавдия Дмитриевна, учительница по математике (алгебре, геометрии); Журавлёва Тамара Викторовна (учитель русского языка и литературы, жена директора школы); Шангин Евгений Ильич (учитель географии); Попов Дмитрий Михайлович (учитель физики); Кацинский Генрих Вильгельмович (учитель немецкого языка, который в начале войны был арестован и умер насильственной смертью).

Вместе со мной учились: Черепанова Нина, Шабалина Мария (позднее стала учительницей), Старчёнкова Мария, Миронов Илья, Тихонов Иван Васильевич, Шатохин Иван (позднее уехал в Казахстан), Широких Борис, Коротких Николай, Долгих и Красиков (со Школьного), Скуратова Зина, Мусаханова Зина, Журавлёва Лена и Ваня Атучин, с которыми мы вместе учились в первом классе и пять лет сидели за одной партой, который, несколькими годами позднее - после войны, стал моим мужем.

Семилетку окончила в 1938 году, в восьмой класс пошла в Среднюю общеобразовательную школу № 4. Ту, которая и поныне находится на взгорке за железнодорожным вокзалом города Прокопьевска.

В четвёртой школе училась в восьмом, девятом и десятом классах. Школу окончила в 1941 году, перед самым началом Великой Отечественной войны, на которой погибли очень многие из ребят, бывших моих одноклассников.

Моими учителями в четвёртой школе были: Курская Нина Евгеньевна (учитель истории и классный руководитель); Ольга Ивановна (фамилию забыла, учитель химии); Ангелина Ильинична (фамилию забыла, учитель математики); Виктор Александрович (фамилию забыла, учитель физики, погиб в войну); Мария Кузьминична (фамилию забыла, учитель русского языка и литературы).

Директором четвёртой школы во время моей учёбы там был Радюк (имя, отчество — забыла, муж Курской Нины Евгеньевны).

Воспоминание о школьных годах Любови Николаевны ГУЛЯЕВОЙ

Родилась Любовь Николаевна в селе Усыты в 1937 году, образование — высшее, в 1959 году окончила Томский политехнический институт.

«В 1944 году, когда мне исполнилось семь лет, я пошла учиться в первый класс. Время было суровое, ещё продолжалась Великая Отечественная война.

Наша школа №25 была в то время семилетней, находилась в селе Усыты. Расположена она была в нескольких деревянных домах, в разных местах. Так, в первом классе я училась в бывшем «Поповском» доме, экспропрированном в 30-х годах у священнослужителя.

В этом доме имелась всего одна учебная комната, в которой в две смены обучались ученики 1-го класса «А» и 1-го класса «Б». Нашими учителями были Надежда Петровна (фамилию не помню) и Полина Никитична Тихонова.

В третьем классе нас объединили в один класс, нашим учителем стала Ольга Павловна Ермакова (позднее Тюрина, по

мужу — А.Г.), которая пришла к нам молодой девушкой после окончания педучилища в городе Сталинске (Новокузнецке). Обучались мы в 3-ем и 4-ом классах в другом деревянном доме, где раньше располагалась сапожная мастерская.

Ученики были родом из села Усыты, их частные домики располагались вдоль реки Аба. Добирались ученики до школы пешком (это от 1 до 5 километров), раньше транспорта никакого не было.

Помню некоторых одноклассников: Тарасова Клава, Тарасов Вася, Говорина Нина, Шабардина Галя, Старчёнков Толя, Винников Толя, Усов Юра, Некрасов Толя, Усова Ида, Атучина Тома, Кырманова Галя, Киселёва Клава, Гурьянова Дуся, Левченко Боря, Провоторова Тома, Сидорова Зина.

В пятом классе мы обучались в другом одноэтажном деревянном здании. Здесь было: 4 классных комнаты, раздевалка, буфет и зал в рекреации (помещение для отдыха учащихся, попросту фойе - А.Г.) где проводились занятия по физвоспитанию, культурно-массовые мероприятия, а на переменках девочки водили хороводы с песнями.

С пятого класса по седьмой нас обучали по разным предметам такие учителя: Павел Васильевич Караваев (история), он же был моим классным руководителем, участник Великой Отечественной войны; Евгения Михайловна Кондратьева (математика) и другие, фамилии остальных не помню.

В 1950 году нашу школу № 25 перевели на Красную горку, где был построен посёлок из кирпичных (2 — 4-х этажных) домов, в связи со строительством шахты

«Красногорская».

Новая наша школа, с тем же названием № 25, располагалась в кирпичном двухэтажном здании, где было много классных комнат, учительская, спортзал и другие необходимые помещения. Некоторые наши учителя также перешли в эту школу, а усыятская стала начальной (до 4-х классов) № 43.

В новую школу пришли и некоторые новые учителя: Михаил Дмитриевич Попов (история), он же был и директором школы; Раиса Семёновна (фамилию не помню, география); Анна Никифоровна Котлярова (русский язык и литература); Владимир Петрович (фамилию не помню, немецкий язык) и другие. Эти учителя имели высшее образование после окончания институтов и университетов.

Школа пополнилась учениками из посёлка «Красная горка» и близлежащих домов.

Девятый и десятый класс я заканчивала уже в новом здании школы № 25 (в теперешнем здании). Это здание было четырёхэтажным, построено по специальному проекту со всеми необходимыми кабинетами, службами, отдельным спортзалом, библиотекой, умывальными комнатами, оградой с большим земельным пришкольным участком, где проводились занятия по физвоспитанию, позднее были построены теплицы.

Новое здание школы № 25 было построено в 1953 году, в этом же году был первый выпуск десятиклассников, наш выпуск был в 1954 году (второй по счёту). В новую школу № 25 пришли как учителя из прежней школы, так и новые и из других школ, в том числе и из эвакуированных во время войны, например: Михаил Исаакович Найдич и его жена. Михаил Исаакович был учителем истории и нашим классным руководителем в девятом и десятом классе. Также нас обучали учителя: Надежда Давыдовна Асмакова (математика), Пасковья Фёдоровна Булатова (русский язык и литература), Мария Терентьевна Васильева (химия) и другие.

Директором школы был тогда Максименко Г.Н.

Десятый класс «А» вместе со мной заканчивали: Кандауров Борис, Желонкин Александр, Великородная Вера, Лесниченко Валентина, Шабардина Галя, Усова Ида, Выглендалова Томара, Нюлякова Людмила, Вылегжанина Раиса, Воронцова Вера, Некрасов Анатолий, Илюхин Александр, Кобзарева Галя, Пинчуков Николай, Шевелёва Зоя, Сметанин Владимир, Ищенко Владимир, Брызгалов Пётр, Чубыкинна Александра, Кошкина Анна, остальных не помню.

В 1954 году выпустили из школы три десятых класса: «А», «Б», «В».

С золотыми медалями школу окончили: Зиль Лилия, Карманова Нелли, Караулова Римма; с серебрянными медалями школу окончили: Евдокимова Рита и я — Гуляева Люба.

Мои воспоминания и размышления

В моей жизни так случилось, что своё среднее образование получал я в четырёх школах: в усыятской Начальной школе № 43, далее - в красногорских школах №: 25, 68 и в Средней общеобразовательной школе рабочей молодёжи № 8.

Первой моей учительницей, проучившей меня на протяжении четырёх лет в начальной школе была Тюрина (Ермакова в девичестве) Ольга Павловна, которая когда-то учила и одну из старших моих сестёр Любу.

Ольга Павловна для меня, как и для всех остальных её учеников, стала не только человеком, научившим нас читать и писать, но кем-то большим, каким-то продолжением или дополнением настоящей мамы.

О своём обучении в 43-й и 25-й шко-

лах рассказывать не буду, поскольку об этом идёт речь в моём рассказе «Да разве ж сердце позабудет...», к тому же об этих школах рассказали: Нина Александровна Атучина (Тихонова) и моя сестра Любовь Николаевна.

Назову лишь учителей, которые работали в усыятской школе во время моей учёбы там, вместе с названной моей учительницей. Помню не всех: директором школы работал, упоминавшийся Славников Степан Кондратьевич, который ушёл на пенсию в последний или предпоследний год моего обучения в усыятской школе, учителем параллельного класса была Сизинцева Нина Сергеевна. Из остальных учителей, помню, по всей видимости, только тех, которые работали в одну смену с моим классом: Морозова Прас-

Ольга Павловна ТЮРИНА-ЕРМАКОВА.

ковья Васильевна, Пахахина Анна Яковлевна, Тузовская Клавдия Дмитриевна (в то время самая молодая из учителей школы, позднее работавшая директором школы), Татьяна Ефимовна (фамилию забыл).

Далее продолжу свой рассказ о своём обучении в самой новой красногорской школе № 68:

Прокопьевскую - красногорскую трёхэтажную Среднюю-общеобразовательную школу № 68 открыли в 1963 году, к началу нового учебного года (в то время - на пустыре северо-западной окраины посёлка Красная горка). Наполнение (укомплектование) вновь открытой школы учениками и учителями, по укоренившейся уже к этому времени традиции, в основном, происходило за счёт школы № 25.

В частности, мой (бывший 5-й «е») класс был переведён в новую школу почти в полном составе в 6-й класс («В» или «Г»).

В свой первый учебный год новая школа пошла заполненной (первым набором) лишь включительно по восьмым классам. Учащиеся тех первых восьмых классов по завершению трёх последующих лет учёбы стали первыми выпускниками школы № 68. Первый выпуск был произведён в 1966 году. Мои одноклассники окончили школу в 1968 году и вошли в историю школы как третий школьный выпуск.

Со мной же судьба обошлась не очень учтиво и не представила возможности быть в числе её выпускников. Но об этом немного ниже, пока же, как мы учились в 68-й школе.

Первым директором школы, вместе с нами, пришёл Пономарёв Пётр Иванович, высокий, худощавый мужчина приблизительно сорокалетнего возраста, который проработал (с нами) в школе, в этой должности всего-навсего около одного года или немногим более того. Но, какого года!..

Пётр Иванович по специализации был учителем химии, мы — усыятские, все яв-

лялись его учениками.

Методы преподавания своего предмета у директора были необычными и, думается, запомнились всем без исключения его ученикам: из четырёхбалльной оценочной шкалы он пользовался только крайними. Знание каждого своего ученика оценивал исключительно только пятёрками и двойками. Двойку он мог поставить любому, невзирая на авторитеты (имею в виду — отличников, которым, как правило, двоек не ставили). При первой же ошибке или запинке, Пётр Иванович произносил свою неизменную и, думается, любимую фразу: «Садись - два!»

В нашем классе Арыковых училось аж три человека: Люда, Слава и Женя. Люда со Славой были двойняшками, а Женя был их старше на один год. Но в одном из предыдущих своих учебных годов обучения он оставался на «второй год» обучения (что часто практиковалось в те годы), поэтому в какой-то год младшие догнали старшего и дальше учились уже вместе. Но, за одной партией — друг с другом никто из них и никогда не сидел.

Слава Арыков (Крысы, как звали его все, в том числе и брат с сестрой), имел какие-то незначительные дефекты речи: не мог произнести правильно букву «Ц». Возможно, что фальшивил он и при произношении всех шипящих букв, но запомнилась именно - «Ц».

Так вот, когда на уроках Петра Ивановича мы начали изучать таблицу элементов Менделеева, то он муштровал нас по ней именно так, как было сказано выше. С началом каждого урока он прогонял по таблице если не весь класс, то половину класса — точно. Когда очередь выхода к таблице доходила до Славы Арыкова и он несся по горизонталям таблицы, как и полагалось, на первой космической скорости (удельный вес элемента, валентность и прочее, должны были, что называется, отскакивать от зубов), доходил до кремния и произвольно называл этот элемент не силициумом, а сисылиумом; учитель, он же директор, чуть ли не падал со своего стула.

- Арыков, садись — два!.. — прерывая ответ своего бестолкового ученика, чуть ли не в истерике кричал учитель. И так повторялось из раза в раз.

Двойки от Петра Ивановича летели по

Но однажды, в идущем годом старше нас усытском же классе произошёл случай, который заставил нас усомниться в непоколебимости нашего директора.

Дело было так: Пётр Иванович вызвал к доске, по какому-то конкретному вопросу, одну не безызвестную нашу усытскую ученицу, которая была не из робкого десятка. Так вот, когда её вызвали к доске, заблаговременно зная, что правильного ответа на заданный вопрос она не знает. Тем не менее, она чуть ли не строевым шагом подошла к учителю и, громко заявив, что ответа на заданный вопрос не знает, тут же подала ему дневник (чего обычно ученики не делали; начинали безбожно врать, что дневник где-нибудь позабыли), чтобы учитель «закатал» туда её двоечку.

- Три, за смелость! — чуть ли не выкрикнул на весь класс Пётр Иванович, возвращая дневник хозяйке и потрясая им в воздухе, как знаменем, как бы говоря: «Вот надо как поступать, а вы... потерял, забыл, мелочь пузатая».

Но этот случай был единственным, за всё время нашей учёбы у Петра Ивановича.

Очень недоброжелательно, я бы сказал, даже, пренебрежительно относился Пётр Иванович ко всякого рода трусости перед возникавшими трудностями. К примеру, зимой, когда кто-либо из учеников не приходил в школу, когда температура наружного воздуха опускалась

ниже минус тридцати градусов или дорожку переметало метелью; а идти из Усыт до школы было километра четыре — пять: минут сорок спешащей походкой.

Я, в школу, при любых условиях вплоть до того, что на четвереньках — да приползу, — всегда, с раздражением говорил он очередным вынужденным прогульщикам

В своё время своё среднее (школьное) образование Пётр Иванович получал в каком-то военном суворовском училище. Свою суворовскую школу, по всей видимости, считал эталоном среднего школь-

ного образования. Суворовские начала он внедрял и в нашу школьную жизнь. Еженедельно — по субботам в школе проводились культурно-развлекательные мероприятия: «голубые огоньки» (очень популярные в то время во всей стране) или «вечера отдыха и танцев».

Ходили на эти вечера лишь старшеклассники, в число которых (как ни странно) входили и мы — шестиклассники. Не знаю как у кого, а у меня именно те вечера и запали в душу на всю последующую жизнь как что-то очень хорошее и самое запомнившееся. Наверное, потому, что именно в это время в нас начало зарождаться нежное чувство первой влюблённости, возможно, у кого-то и настоя-

ский 6-й класс («Г» или «Д»), несмотря на то, что старше нас были седьмые и восьмые классы, которые и выглядели в то время уже значительно крупнее нас. И удерживали мы своё лидирующее положение до тех пор, пока учились в школе. При этом следует честно признаться, что мужская составляющая нашей классной команды (Пётр Коробков, Лёха Усов и я) лучшими лыжниками и бегунами школы не являлись (были, наверное, в десятке лучших, но не более), а вот девочки наши: Люда Арыкова (с которой я учился вместе с первого класса), Надя Барсукова и пришедшая в наш класс Аргильянова Люба — точно были лучшими бегуньями школы. Особенно выделялась из всех Люда Арыкова, рос-

лая, худощавая девочка, которая обгоняла всех своих соперниц если не на половину дистанции, то на одну треть — точно. Отчего от нас, остальных членов её команды, требовалось одно — не растратить преимуществ, которые она нам передавала, как правило, с первых этапов.

Кроме спортсменов, лыжников и бегунов, вырос в нашем классе и подающий надежды гимнаст Юра Аргюхов, который занимался этим

видом спорта в спортивной секции городского дворца спорта и в дальнейшей своей жизни так и пошёл по этой стезе; и Володя Усов (Кыма — как звали его мы), который был главным нашим классным хоккеистом и заводилой.

Новым директором в 68-ю школу был назначен Микичян Пётр Афанасьевич, полная противоположность Пономарёву и не только по внешнему виду, методам и принципам обучения учащихся; но и, как мне теперь думается — по своему внутреннему содержанию.

Все демократические начала в школе, вводимые прежним директором были отменены. В среде учащихся прошёл слух, что новый директор прежде работал то ли в какой-то детской колонии, то ли спецшколе, поэтому он искоренит всё пономарёвское.

Я с пятилетнего возраста рос без отца и домашней мужской строгости, поэтому позволял себе некоторые вольности в отношении со взрослыми, в том числе и со своими учителями, что (естественно) не могло быть терпимым.

Поэтому, не «дотянув» до окончания первого полугодия девятого класса, был исключён из школы и за плохую дисциплину, и за плохую успеваемость.

Исключение морально на меня очень сильно подействовало, в сознании произошёл какой-то слом. О чём, от второго лица, поведаю вам в рассказе «Изгой», который написал много лет спустя, после того, как теперь видится — не самого сложного отрезка своего жизненного пути.

При этом, справедливости ради, надо сказать, что паиньками, мы — изгоняемые, конечно же, не были; недопустимые проступки за нами воились. Даже, наверное, бывали и дерзкие. Но это ведь было детство: безоблачное, бессознательное и бесшабашное...

Хочется ещё немного сказать об учителях и учащихся и шестьдесят восьмой школы, которые и учились в то время вместе со мной, и работали с нами.

Прежде всего, учителя. Педагогический коллектив в школе почему-то постоянно менялся, поэтому многие из учителей в памяти содержатся, но имена их и

Здание на втором плане — бывшая усытская школа.

Здание на втором плане — бывшая усытская школа.

классу, как шрапнель по Бородинскому полю во время сражения русских с французами.

Большинство из нас (учеников), в основном пацанов, с таким положением дел на уроках химии свыклись и особо не реагировали на случившиеся прострелы; а кто-то реагировал, и очень болезненно, особенно девочки-отличницы, у которых после слов учителя: «Садись — два!», нередко появлялись в глазах слёзы, бывало, начиналась и истерика. Поэтому девочки почти все боялись Петра Ивановича.

шей большой первой любви.

Во мне, во всяком случае, это чувство появилось именно тогда. Правда, возлюбленная моя, по всей видимости, не выделяла меня среди прочих и не отвечала взаимностью. Видимо, были какие-то причины на то, чтобы первая моя любовь стала, как ей и положено быть — не особенно удачной.

«Зачем ходить, бродить по кабакам, Зачем её искать в дыму табачном?»

На то она и первая любовь, Чтоб быть ей не особенно удачной. Та девушка давно уже с другим, Но ты её забыть сумел едва ли? На то она и первая любовь, Чтоб мы её с тобой не забывали.

Позднее переписывали мы друг у друга из записных книжек, в курсантские годы, якобы, как одно из стихотворений Сергея Есенина.

При Петре Ивановиче Пономарёве началось и первое облагораживание школьной территории, которая сплошьяком была завалена обломками кирпичей и прочего строительного мусора, являвшегося в те времена визитной карточкой всех новостроек.

Поэтому кроме танцев нам пришлось убирать этот строительный мусор, копать ямы для посадки саженцев будущих деревьев: карагача, клёнов, берёзок...

При Пономарёве же зародились в 68-й школе и ежегодные зимние — внутришкольные олимпийские игры. На которых, из нас — совсем ещё маленьких мальчишек и девочек, начали выкристаллизовываться и спортивные дарования, о чём хочется рассказать несколько подробнее.

Именно на тех первых наших «олимпийских играх» выделился в школьные лидеры по лыжным гонкам и другим видам спорта, связанным с бегом, наш усыт-

отчества, тем более фамилии — забылись. Помнятся только лишь те, которые учили нас сравнительно продолжительный срок: Это, прежде всего, учитель математики — Киселёва Мария Ивановна; учитель географии Горбачёва Анна Михайловна (которая какой-то непродолжительный срок являлась в нашем классе и классным руководителем); учитель биологии (позднее и химии) Глушкова Кима Матвеевна (которая учила нас ещё в 25-й школе и была классным руководителем усытского класса, идущего годом старше моего); учитель английского языка Лида Яковлевна (которая не продолжительное время была в нашем классе и классным руководителем, фамилию которой, к сожалению, я позабыл); учителем физкультуры длительное время был у нас Василий Степанович Смольников (действующий боксёр, нередко появлявшийся на уроках с нами, с солидными синяками под глазами, фамилию его я, возможно, путаю). Учителем физики одно время был у нас в классе мужчина, имя которого было Георгий (отчество и фамилию не помню, запомнилось лишь то, что несколько раз вечерами он проводил с нами занятия по астрономии — в маленький школьный телескоп мы рассматривали и изучали ночное небо), после него учила нас основам физики — Мокина Галина Ивановна (которая, немногим позднее меня, пришла работать в вечернюю школу, но учителем в моём — уже том классе, не являлась).

Завучами в 68-й школе работали: Багрянцева (имя и отчества которой не помню, поскольку наш класс она не учила) и Голубин Лев Александрович (у которого, учителем же, работала в школе и жена, но наш класс они не учили).

Что запомнилось из жизни и учёбы учащихся первого нашего набора 68-й школы?: Самым ярким учеником в школе, на мой взгляд, был Саша Сидоров. Учился он на год или два старше меня. Кроме того, что учился он лучше всех, был он ещё и очень хорош собой. Возможно потому, что к этому времени был уже высококлассным гимнастом: запросто делал всевозможные сальто, на перекладине крутил «солнце», на кольцах держал «крест». Ещё кто-то, такой же яркий, как Сидоров, в том числе и из девочек старшеклассниц, почему-то никто не запомнил, видимо, равных ему никого не было.

Бессменным и главным физоргом школы был Вадим Мисютин, который быстрее всех из нас и бегал, как зимой на лыжах, так и летом.

Главным хулиганом запомнился Саша Абибулаев (все звали его Шуня), который и ныне живёт на Красной горке, изредка встречаю его. Судя по внешнему облику, в жизни он стал нормальным человеком, отработал всю свою трудовую жизнь вероятно шахтёром, ныне, как и все мы — пенсионер.

Со своего курса (выражаясь академическим языком) запомнился Юра Бабаев и Люба Багрянцева, как лучшие ученики параллельных классов. Отличницами в моём классе были Надя Сизинцева (с которой я учился вместе с первого класса) и Лена Федякина. Не многим отставали от отличниц Галя Анистратова, Галя Бахтина, Люда Чинякова, Люба Рулёва, Галя Кудашкина, Надя Барсукова, Вера Семенных, Наташа Атучина (которая, позднее стала моей женой и прошла вместе со мной через всю мою, не лёгкую офицерскую гарнизонно-чемоданную жизнь).

Среди нас, пацанов нашего класса, отличников не было. Более-менее хорошо учились: Витя Старченко (который после окончания школы в тот же год поступил учиться на металлургический факультет СМИ, окончил его и всю свою

трудовую жизнь отработал инженером-металлургом на ЗСМК (ЗапСиб), в городе Новокузнецке, где живёт и поныне); и Володя Усов (мой дружок Кыма), который, после окончания школы отслужил срочную службу в армии — на флоте (матросом на корабле). Затем: долгое время топтал вечную мерзлоту на северах, работал в шахте — в забое, в конце-концов — женился на хохлашке и, перед самым развалом СССР, она увезла его и двух их дочек в Украину, где живут они и поныне, где-то под Киевом. В Украину же, в район Днепропетровска, уехал и ещё один мой одноклассник, Серёга Иванченко, который до шестидесяти лет проработал на одной из шахт в Донбассе и поныне работает.

Хорошо помнится бывшая одноклассница Людмила Кобаченко, которая являлась бессменным комсомольским вожаком и общественницей не только в нашем классе, но и во всей школе. По стопам Людмилы Кобаченко пошла ещё одна не менее видная наша усытская девочка Наташа Шабалина. Которая, хотя и училась на год позже нас, но была у всех на виду, как отличница и комсомольский активист, и вожак.

Людмила Кобаченко, окончив Прокопьевский горный техникум, вышла замуж и уехала на восток (в Хабаровск, Благовещенск или Комсомольск на Амуре), где и живёт в настоящее время. Наташа Шабалина, как и положено отличнице — окончила институт, занималась бизнесом, живёт в Новосибирске.

Запомнился усытский класс, идущий годом раньше нашего, классным руководителем которого (как я уже говорил) долгое время была Кима Матвеевна Глушкова. Запомнился не только потому, что в этом классе учился мой сосед и дружок Гена Тузовский, а потому, что именно в этом классе учились три Володи — три лучших музыканта школы: Володя Козлов, Володя Зенкович и Володя Игошин. Да и девочки этого класса: Таня Морозова, Людмила Яковлева, Галя Стародубец, Галя Игнатова — были хорошо знакомы нам всем и заметно выделялись в школе.

Виктора Шивко (погибшего в Афганистане) я знал хорошо, учился он в одном из параллельных, моему, классов. Был он такой же как и большинство из нас, пацанов.

Колю Осипова, учась в школе, почти не знал. Учился Коля в вышеупомянутом мной усытском классе идущим на один год раньше моего, пришёл он в 68-ю школу в 1965 году, в девятый класс, после окончания школы № 59 — восьмилетки. Из всей нашей школьной ученической массы особо ничем не выделялся. Возможно потому, что чувствовал себя в школе новичком и чурался всех нас. Но когда он стал курсантом Армавирского военного лётного училища, и однажды зимой 1968/1969 года (когда он приезжал в Прокопьевск во время зимних каникул, вероятно — своего первого зимнего курсантского отпуска), и я встретил его в курсантской форме в ДК шахты «Красногорская», то узнал. Тем более, что в это время сам уже готовился к поступлению в военное авиационное училище...

Один из бывших моих сослуживцев, один из бывших моих командиров полка — полковник Сёмкин Юрий Александрович, как оказалось, будучи курсантом Армавирского лётного училища «ПВО», учился вместе с Колей Осиповым в одной учебной группе. Юрий Александрович рассказывал мне о своём однокласснике следующее: «В Армавирском лётном училище, во время их учёбы, было три учебных лётных полка. Один из них дислоцировался в городе Майкоп. В этом полку курсанты-лётчики проходили начальную лётную подготовку на учебно-тренировочных самолётах «МИГ-15

УТИ» (на таком же самолёте погиб когда-то и Ю.А. Гагарин).

Коля Осипов одним из первых в их учебной группе вылетел самостоятельно (без инструктора во второй кабине). Летал уверенно. В последнем его полёте на самолёте отказал двигатель (двигатель остановился, «заглох»). На самолётах, как и на автомобилях, иногда такое случается. Коля сделал несколько попыток запуска двигателя в полёте, но двигатель не запустился.

С земли ему подали команду — катапультироваться. Но под самолётом в это время находился населённый пункт (станция). Коля начал отворачивать от неё свой самолёт, но запаса высоты ему не хватило. Самолёт, едва перелетев школу, врезался в землю...

Погиб Коля Осипов 28 марта 1972 года, как настоящий сокол, герой.

Посмертно, за его героический подвиг, он был награждён орденом Красной Звезды, — сообщил мне бывший мой командир полка.

Позднее, в 1998 году, когда я работал редактором газеты «Народовластие», то публиковал о курсанте Николае Осипове небольшую статью «Предан забвению», которая заканчивалась таким моим стихотворением:

Длительный полёт

Мотор в полёте — жизнь и сила,
Не надо это объяснять
Всем тем, кто хоть однажды
Когда-то сам мог улетать.

Так всё случилось, что сначала —
Турбина пела, как струна,
Но вдруг затихла, замолчала,
И наступила тишина.

Хоть, в общем, всё, как и обычно:
Кабина, небо и штурвал.
Но — тишина так непривычна!
Мотор, как факел, затухал...

Пилот — курсант, совсем мальчишка,
Сибирский скромный паренёк.
Так, по привычке, оглянулся,
В глазах сверкнул лишь огонёк.

В «ЗэШа» — трещало и шумело.
— Брось самолёт! — кричал эфир.
— Я отверну, — сказал он смело.
— Здесь, подо мной — деревня, мир...

И отвернул он за деревню,
Упал на поле самолёт.
А мальчик Коля, сын шахтёрский,
Ушёл в свой длительный полёт!

И именем его назвали
Тот дом и улицу, где рос.
И ту зелёную аллею,
Где Коля слушал шум берёз.

Он не погиб, он жив и ныне,
И где-то видит свои сны:
Всегда, всегда не умирали
В России лучшие сыны!..

Начав разговор о Николае Осипове не хотелось развенчивать ореол, созданный в Прокопьевске вокруг его имени и памяти, но...надо. Поскольку твёрдо убеждён, что пусть лучше уж будет горькая правда, чем сладкая ложь...

Дело вот в чём: как-то, работая с материалами касающимися ранней истории города Прокопьевска, случайно встретил информацию о том что «исходным материалом» при написании популярной песни «Огромное небо» (исполненной Эдитой Пьеха), для автора слов, стал подвиг прокопчанина Николая Осипова. Сейчас же, готовя к выходу данный номер «Усытской россыпи», просматривая произведе-

дения Виктора Шабалина (сына известного историка и краеведа, сельского учителя и директора школы — Владимира Михайловича Шабалина, ныне покойного), вновь встретил названную информацию в публикации: «Вопросы и ответы Викторины: «Знаете ли вы свой город и его знаменитых людей?» (автор Шабалин В.М.), газета «Шахтёрский край» за 9 — 15 октября 2003 года. В которой — под номером шесть, имеется вот такой вопрос:

«Много лет назад популярная певица Эдита Пьеха часто исполняла песню «Огромное небо». Что вы знаете о лётчике — герое, о котором пела Эдита? Он родом из Прокопьевска».

И его же ответ на заданный вопрос: «Это Николай Осипов, родившийся и выросший в Прокопьевске, среднее образование получил в школе № 68. Поступил в Армавирское высшее военное училище. Как поётся в песне, «однажды в полёте мотор отказал». Это было 28 марта 1972 года. Николай мог катапультироваться. Тогда бы он остался жив, а самолёт рухнул бы на огромную кубанскую станцию. Спасая жизнь людей, Николай Осипов повернул самолёт в сторону и

Обелиск в честь погибших выпускников школы №68 Николая ОСИПОВА и Виктора ШИВКО.

погиб. В честь его улица Вольная была переименована в улицу имени Николая Осипова».

Всё правильно в данной публикации, за исключением одного — сказанных слов о персонаже, взятом в основу сюжета песни «Огромное небо».

Я ничего не имею против Коли Осипова и был бы несказанно рад, если бы это было именно так. Но — увы:

Как я уже говорил выше, Коля Осипов окончил школу № 68 в 1967 году (второй выпуск школы). Моя, так же обозначенная выше, встреча с ним в Д.К. шахты «Красногорская» состоялась зимой 1968/1969 года. Учился Коля тогда на первом курсе лётного училища и в Прокопьевск приехал по случаю окончания первой полугодовой сессии. Срок обучения в высших военных лётных училищах, тогда, составлял четыре года. Получается, что на момент гибели он был уже курсантом выпускного — четвёртого курса. Процесс обучения в военных лётных училищах, в то время, планировался так: зимний период года курсанты-лётчики проходили теоретический материал, а с наступлением летнего периода у них начиналась лётная практика.

В Армавире, то есть — в Краснодарском крае, в марте весна в полном разгаре.

У Николая Осипова, в марте 1972 года, началась последняя училищная, предвыпускная, лётная практика. На которой курсанты закрепляют свои лётные навыки полученные на предыдущих курсах, отрабатывают различные упражнения, в том числе и элементы высшего пилотажа (виражи, бочки, мёртвые петли и так далее).

Прорабатывают они и нештатные ситуации, в которых - действия лётчика в случае отказа двигателя в полёте, является одной из главных, поскольку такое в лётной практике случается в каждой лётной части, без исключения. Не часто, но случаются.

У Коли в последнем его полёте произошёл реальный отказ двигателя. Был ли он обучен и готов к этому, не в этом суть. Нештатная ситуация в полёте, а тем более - отказ двигателя, даже у опытных лётчиков вызывает, мягко говоря - неприятные ощущения...

Коля Осипов - погуб, погуб - как герой, бесспорно...

Тем не менее, песня «Огромное небо» всё же не о нём. В песне есть два выражения опровергающих прокопьевскую версию: Во-первых - «...огромное небо, одно - на двоих...»; во-вторых - «...дотянем до леса - решили друзья...»

В том, широко известном в ВВС случае, на самолёте погибли два человека - лётчик и штурман. И произошёл этот случай в группе советских войск в Германии, в полёте на двухмоторном военном реактивном самолёте-истребителе «ЯК-28»: отказали оба двигателя, возник пожар... Внизу...густонаселённый немецкий город.

В итоге - лётчик, направил свой самолёт в оказавшееся под ним небольшое озеро...

Обычно, в известных подобных случаях, в кабине самолёта оставался один пилот - командир экипажа, остальные члены экипажа покидали самолёт по его команде. Здесь же - у экипажа, состоящего из двух человек, по всей видимости, на это времени не было...

Коля Осипов поступил в военное училище в 1968 году (хотя школу окончил, как было сказано выше - в 1967-м); я поступил в военное училище в 1969 году. В то время когда мы с ним учились, каждый своей будущей профессии, песня «Огромное небо» уже звучала с экранов телевизоров, как набат. Мы пели её, будучи курсантами. Отчего имеются мнения, что слова песни «Огромное небо» сыграли для Коли Осипова роковую роль: ему хотелось быть таким же героем как лётчики из песни, он им стал!

Тем не менее, слова этой песни, всё же - не о нём; а - о таких же, как он!..

Далее, продолжаю повествование о своей школе и своих школьных годах: После моего исключения из 68-й школы продолжил я своё дальнейшее образование в Школе рабочей молодёжи №8, которая в то время располагалась недалеко от АБК шахты «Красногорская».

Поначалу учиться в ШРМ мне было стыдно, поскольку среди моих сверстников считалось, что ШРМ - это что-то второсортное... Поэтому, думалось, что с момента перехода туда, я тоже стал человеком «второго сорта», что сильно задевало самолюбие. Возможно, именно поэтому и взялся я тогда серьёзно за свою учёбу.

К своему удивлению с первого же дня обучения в вечерней школе понял, что прежние мои представления о ней были совершенно не правильные.

Во-первых, учились в этой школе не какие-то замшелые старички, как мне до этого думалось (хотя были и такие, но в абсолютном меньшинстве), большинство же учеников класса были ровесники. В классе, в который меня определили, во-

обще учились четверо бывших моих одноклассников: Слава Арыков, Саша Лебедев, Толя Миронов и Володя Шадрин. Учились в моём новом классе и другие мои ровесники, которых я знал раньше: Эрн Беккер, Люда Яковлева (вторая) и другие, из выпускников 50-й и 59-й неполных средних школ (школ восьмилеток).

В скором же времени понял, что и учителя вечерней школы сделаны совершенно

из другого теста, чем многие из прежних моих учителей.

Там нормой было, когда между учителем и учениками существовали какие-то антагонистические отношения. Многие из учителей в отношении со своими учениками (возможно, нерадивыми учениками) вели себя словно какие-то надзиратели за постоянно бурлящей критической ученической массой.

Тут же такой критической массы не существовало, поэтому и отношения между педагогами и учащимися строились совершенно на других, более шадящих друг-друга условиях и паритетах. Учителя не висели над учащимися (хотя многие из нас в прошлом были трудными учениками), а являлись старшими товарищами. Отчего в бывших хулиганах прежний их гонор улетучивался неизвестно куда.

Классным руководителем в моём новом классе была Клавдия Ефимовна Ефименко (географ), которая стала для меня (как и для остальных учеников этого моего класса) не скажу, что второй мамой, а то, что второй Ольгой Павловной (первой учительницей), это точно.

А каким великим педагогом был учитель по математике Николай Бакеевич Смолин, участник и инвалид Великой Отечественной войны. Который научил-таки нас общаться со своим предметом на «ты». Слово события недельной давности помню, как Николай Бакеевич объяснял нам сложные новые темы по математике. Пояснил один раз и спрашивает у класса: «Поняли?»

- Нет, - отвечали ему большинство из присутствующих, после чего он по-новому начинал все свои пояснения.

- Теперь, поняли? - спрашивал он снова, после повтора.

- Нет, - несколько стыдливо вновь отвечали ему из класса.

- Ну, тогда поясню на булках, - говорил Николай Бакеевич и, вновь начинал своё дело, но, уже с введением в оборот своих пояснений всем понятных булок хлеба.

- Теперь, поняли? - опять спрашивал он у класса по завершению своей новой и необычной лекции.

- Теперь, поняли, - весело и хором отвечали ему с мест.

А каким замечательным человеком оказался директор ШРМ №8 - Анатолий Андреевич Петровский (позднее Заслуженный учитель России), и не только потому, что у него запросто мог попросить закурить любой из учащихся школы или даже зайти покурить в его рабочем кабинете, за каким-то разговором.

Анатолий Андреевич был ещё и хорошим учителем химии. Правда, учил он нас своему предмету не так, как когда-то Пётр Иванович Пономарёв в 68-й школе. Хотя и методы Петра Ивановича с годами оказались хорошим зерном, заложенным им в нас, его учеников. Да и уроки его не забываются с годами, вспоминаются исключительно с улыбкой и без каких-либо на то обид.

Хорошими преподавателями были в вечерней школе и учитель физики Светлана Павловна Сизова, и учитель русского языка и литературы Валентина Николаевна (фамилия которой, к сожалению, за сорок с небольшим лет, прожитых после окончания школы, забылась).

Очень хорошими педагогами в вечерней школе были и многие другие учителя предметники, которые учили другие классы.

В результате, многие выпускники «Вечерней школы-рабочей молодёжи №8», 1969 года выпуска, не ограничившись образованием, полученным в ШРМ, пошли учиться дальше в ВУЗы и техникумы. В том числе и я в тот же год поступил учиться в военное авиационное училище и в установленный срок (без проблем) окончил его; десятью годами позднее окончил и Киевское высшее военное авиационное инженерное училище (по своему статусу приравнивавшееся к военной академии).

Подводя черту под сказанным хочется признаться, что часто думаю о том, как сложилась бы судьба, не случись всё так, как случилось? И прихожу к выводу - не зря, наверное, говорится в русской пословице: «Всё, что в жизни делается - всё к лучшему».

Тем не менее, сложись бы всё так, что вдруг моё слово стало бы решающим в вопросе кого из учителей школы моей жизни назвать самым великим и самым заслуженным учителем? То, наверное, назвать таковым того, который изгонял, пусть даже хулиганов и пусть даже из самых благих намерений; наверное не смог бы. Поскольку считаю, что великим и заслуженным учителем может называться только тот учитель, который мог из изгоев слепить достойных людей и не просто достойных, а нужных для общества и - государства, в конечном счёте. Хотя, из опыта полученного из всей своей жизни, стал сторонником жёстких методов общения с подчинёнными и обучаемыми, как говорится - без сюсюканья.

ИЗГОЙ

Зарисовка первая

Майор, после окончания военной академии, ехал на свою малую родину в отпуск. Он почти каждый год ездил сюда и, несмотря на это, часа за три...четыре до подхода поезда к перрону своего родного города, сердце его начинало учащённо биться, как птица в клетке...

- Прошло уже около полутора десятков лет после того дня, когда я уехал отсюда в военное училище, и езжу-то, в общем, часто. Авсёодно и то же: какой-то трепет при встрече с родными краями. А тут ещё этот учитель растравил душу, - думал майор.

С учителем ехали они в одном вагоне почти двое суток, тот подсел где-то до Уральского хребта.

Когда майор увидел его в первый раз - одиноко стоящего в проходе вагона и меланхолично наблюдавшего за всем, что пролетало за окном поезда - то что-то знакомое показалось ему в этом ожиревшем и обрюзгшем до неузнаваемости человеку. Но что именно, понять никак не мог и всё думал и вспоминал, где же встречался он с этим человеком?

- Глаза, глаза знакомые, - наконец-то просквозила в голове майора мысль, как маленький ключик к разгадке. - Но где я их видел? Волянистые с голубишной. Кажется, это учитель из моей школы. Да, действительно, наверное, это он. Но как изменился, хотя он и тогда был полноват. Организм, видимо, склонен к полноте, возможно, болел чем-то, - думал майор.

На следующий день, когда учитель вновь вышел из своего купе и всё так же стоял в проходе вагона, майор подошёл к нему:

- Здравствуйте! Извините за беспокойство, но со вчерашнего дня, когда я Вас увидел здесь впервые, постоянно думаю о том, где я с Вами встречался и, кажется, вспомнил. Вы, случаем, не работали в... школе?

- Ну как же не работать, работал, - ответил мужчина, - заучем там был.

- Да, да, - как бы более для себя, подтверждая и прежние свои предположения и соглашаясь с ответом собеседника, промямлил майор.

- Но сейчас я там уже не работаю, давно ушёл в другую школу и теперь директорствую тут, - сообщил попутчик. - А вас я что-то не помню, молодой человек! Вы что, учились там?

Майор согласно кивнул головой.

- И давно в школе не были? - теперь уже начал задавать вопросы попутчик.

- Давно, с самого её окончания, - с явной иронией в голосе ответил майор.

- О, зря, зря... Там, знаете ли, очень хорошо стало. Всё в зелени, чистота и порядок. Директором там работает всё тот же - Черногрудов, а он, хоть и строг, но очень деятелен, - продолжал восторженно попутчик.

- Да, да, очень строг! Уж кто, а я-то об этом хорошо знаю, на своей шкуре прочувствовал его строгость, - подумал про себя майор и молча кивнул головой, как бы соглашаясь со словами своего собеседника. После чего в его мыслях сами по себе поплыли воспоминания о тех давних и никак не забываемых днях его жизни.

...Класс, в котором он когда-то учился, в основном, был набран из мальчишек и девчонок их района, как учились вместе с первого класса начальной школы, так и дальше продолжали учиться. Всякое бывало в жизни класса - и дрались между собой, и баловались на уроках. Вспомнился случай, когда один из папанов, будучи наказанным и стоявший за свою провинность в переднем углу класса, в процессе урока незаметно для учителя поднялся на подоконник и вылез через раскрытое окно на наружную его сторону. После чего спрыгнул на землю вниз, со второго или даже с третьего этажа, по водосточной трубе, которая проходила ря-

Класс 11 «В», школы рабочей молодёжи города Прокопьевск. Выпуск 1969 год.

дом с классным окном. Учительница, проводившая урок, опасной выходки нерадивого ученика до конца урока так и не заметила, а внимательно следившие за всем происходящим учащиеся класса, все без исключения, своего товарища не выдали.

В другой раз, другой классный разгильдяй, чуть не подражая с учителем по труду прямо в процессе урока. В конце концов, разгневанный учитель начал силой вышвыривать из класса хулигана, но тот уходить не пожелал. В итоге, сначала завязалось нечто вроде драки между учителем и учеником, а затем гонка по классу одного за другим. При этом, остальные ученики смеялись и влодоши хлопали, как на каком-то цирковом представлении, болели, естественно, за своего товарища: убежит или не убежит.

И ничего!

Меня выгнали, как неисправимого хулигана, перед завершением первого полугодия в девятом классе. Помнится, в тот год, наш класс снова отличился сразу же, после начала нового учебного года.

В те годы, как правило, с середины сентября старшеклассники всех школ города привлекались для уборки созревшего урожая на обширных загородных колхозных полях. Убирали всё выросшее: картофель, свеклу, капусту, морковь.

Тогда наш класс, наряду с другими учениками школы, завезли в какую-то тмугаракань, один из самых дальних колхозов или совхозов района. Лишь только мы добрались до места, как небо затянуло тучами, начался мелкий осенний дождь, который шёл на протяжении всего рабочего дня. И хотя работали мы все кое-как, но промокли изрядно. Ко всему прочему, в конце рабочей смены выяснилось, что из-за раскисшей дороги транспорт за нами не придёт. Поступила команда: какое-то расстояние, до твёрдого грунта, куда якобы должны подойти автобусы, идти пешком по раскисшей дороге. Послушные, все пошли.

Мы же, примерно, человек шесть пацанов и столько же девочек из нашего класса, и несколько человек, примкнувших к нам из других классов, солидарных с нами, исполнять поступившее распоряжение отказались. И не то чтобы в открытую - наотрез; а втихаря — как мелкие заговорщики: все ушли, а мы остались. Надвигающуюся дождливую ночь решили скоротать во вновь строящемся коровнике: девочки в одном отделении, мальчики в другом. Натаскали в свои «спальни» свежей соломы, попадали на неё вповалку и с замиранием сердец слушали всевозможные истории, которые наперебой рассказывали друг другу то на нашей половине самопроизвольно организовавшегося общезижития, то через стенку — на девчачьей. С замиранием же сердец ожидали и неизвестности, надвигающейся «романтической» ночи... Ясно понимая и то, что эта наша выходка незамеченной не останется - будет после неё приличный резонанс.

Поэтому, с содроганием ожидали и надвигающуюся ночь, и расплату за свой проступок. Исподволь, с некоторым запозданием, в каждого из нас начало проникать чувство осознания своей вины и какого-то раскаяния, но какого-либо намёка на то никто из нас не показывал. Мы громко рассказывали друг другу, что приходило на ум, словно старались отогнать от себя мысли о грядущем...

Как и предполагали, романтической нашей ночи не суждено было наступить. Кто-то из родителей, не обнаружив дома вернувшегося из колхоза своё неразумное чадо, поднял тревогу. В итоге, как на парах, примчался за нами грузовой МАЗ. В кузов, которого, мы набросали всё той же свежей соломы, и с весёлыми песнями, и ветерком лихо были доставлены до самой школы.

Очень ругала тогда всех нас приехавшая за нами одна из наших учительниц. Фашистами называла поголовно всех; пузырьком с ядом - одного из пацанов;

Гитлером - одну из девочек, осмелившуюся возражать учительнице и начавшей оправдывать наш общий проступок.

Девочки-отличницы класса (среди которых была и тогдашняя возлюбленная майора) забастовали первыми, они же выдвинули идею остаться с ночёвкой на картофельном поле... Но разве ж об этом можно было сказать тогда нашим судьям. В итоге, организатором и зачинщиком вопиющего чрезвычайного происшествия, камнем ударившим по авторитету школы, взявшей курс на звание лучшей и не только в городе, объявили будущего майора. Что, вероятнее всего, явилось и главной причиной его исключения из школы.

Конечно, справедливости ради, трудным учеником он, действительно, был, дерзил учителям. Однажды классной руководительнице, решившей заставить его помыть в классе пол после уроков, ответил, что на него где сядешь - там и слезешь, после чего удалился из класса. Дерзко, но не настолько, чтобы за это из школы выгонять, - думал про себя майор. — Школу, конечно, он окончил, но другую. После школы поступил в военное училище, о чём мечтал с детства, успешно окончил его, теперь вот и академию.

В своей армейской жизни не мало повидал нарушителей воинской дисциплины, хулиганства армейского. На их фоне свои проступки, совершенные в детстве, казались теперь ему крошечными, незначительными и сущим пустяком.

И несмотря на то, что вся его последующая жизнь, в том числе и служба в армии, шли хорошо, что называется «был на виду, пользовался в коллективе уважением, быстро продвигался по службе». И всё же, то его изгнание оставило в душе глубокую зарубку, которая постоянно кровоточила, болела и, не давая покоя, всё никак не заживала.

- А выгнали-то как? — продолжал вспоминать майор. - На классном собрании - не разбирали, на педсовет - не вызывали.

На родительском собрании зачитали приказ по школе, объявили, что исключён из школы и бывай таков. Какая к чёрту тут педагогика, которой учат в институтах и академиях? Никакой!.. Безграничное самоуправство, драконовщина, - зло думал всё о том же майор.

Приехав в свой родительский дом, он некоторое время отдыхал, в полном смысле этого слова. Отходил от экзаменов, зачётов и всей академической суеты, помогал по хозяйству матери, гостевал у родни, как принято у русских, с застольями, разговорами и воспоминаниями былого.

Так - день за днём, незаметно пролетал отпуск, подходило время отъезда. И когда до отъезда оставался всего лишь один день, ему вспомнилась случайная встреча в поезде с учителем из своего детства, вспомнил его слова: «Сходи в школу, сходи обязательно; обойди вокруг неё, посмотри на неё и всё то, что там стало; своё вспомнишь - радостнее жить станет, смысл появится». Вспомнив сказанное, задумался и, глубоко вздохнув, решил:

- Надо сходить, хватит сердиться и обиду в себе носить. Что было, то было, и былём поросло.

По-солдатски быстро собрался и пошёл к выходу.

- Ты куда это, сынок? — спросила его, выглянув из кухни, мать.

- Да, прогуляюсь немного перед отъездом, по родным местам, - уклончиво ответил он.

- Прогуляйся, прогуляйся, - ласково проговорила мать, - да только не задерживайся, я блины сейчас печь начинаю, смотри, чтоб они не остыли. Ты ведь горячие любишь.

- Хорошо, хорошо, мама, я быстро, - ответил майор и быстро вышел из дома.

Родной город, в котором довелось родиться ему, был грязный, изрытый и ка-

кой-то... В общем, не вызывающий положительных эмоций в сознании любого разумного существа. Конечно, людям прожившим в нём долгое время, а тем более - всю жизнь, кажется, вроде бы и ничего: примелькалось, присмотрелось; кажется, всё так и надо - всё так, как и должно быть.

Но майору так уже не думалось, он поматался по белому свету, много видел городов и посёлков. Но таких, каким был его родной, встречалось ему немного.

- Ещё хуже стало, - гневно думал он про себя, - даже по сравнению с прошлым моим приездом. А уж с тем годом, когда я уехал отсюда учиться в военное училище, и сравнивать нечего. Всё разрушили, всё разрыли, раскопали; везде грязь. Природа наша миллионы лет существовала и была хороша, а тут всё разрушили. Словно какие-то марсиане у нас тут орудуют, и на всё им наплевать, и ничего им не нужно кроме одного, кроме недр. Из которых нужно всё вычерпать, а дальше хоть трава не расти. Вандализм какой-то, - шагая в заданном направлении, думал про себя майор, бегло рассматривая всё попадавшееся ему на глаза.

День стоял пасмурный, проезжавшие по дороге машины поднимали огромные клубы пыли, отчего лицо майора морщилось и принимало зловещий вид.

- Надо на другую улицу перейти, иначе тут задохнешься, - зло подумал он и свернул в первый же попавшийся проулок.

Когда пылящие машины перестали сновать перед его глазами, он как-то незаметно для самого себя перешёл на более медленный шаг. Настроение, как казалось, окончательно испорченное, начало улучшаться. Вспомнил, куда и зачем он идёт, мысли сами собой перешли на более лояльный лад.

- А доведись мне сейчас с Черногрудовым встретиться, какой бы была встреча?

— почему-то вдруг подумалось майору. — Конечно, он бы меня не узнал. Да и как ему меня узнать-то, когда он меня и тогда-то не знал. Один раз только и видел в очию, когда я у него документы забирал. А так я для него был ученик, как и все. Обычно кто помнится? Или очень хорошие, активисты, или очень плохие — будущие бандюганы да сорви головы. А я ни тем, ни другим не был — обычный средний ученик, каких через его руки прошло очень много и разве же всех запомнишь? Нет, он меня не помнит.

Ну, а случись по какому-то чуду, вспомнил бы; скажем, я бы ему всё сам рассказал, и он вспомнил бы, - своими думами не давал себе покоя майор, — то, наверное, сказал бы мне, что моя история является ошибкой в его педагогической практике. А, может быть, и не сказал бы он так, а просто пожал бы плечами, да и всё. Или сказал бы, что мой «случай» является «исключением» из всех его «исключений». Поскольку из всех изгнанных им из школы, может и такая «статистика» ведётся, «толку» не из кого не стало. Вы — единственный «экземпляр», сказал бы он и невинно улыбнулся...

Размышляя так и поглядывая по сторонам, майор, незаметно для себя, подошёл к бывшей своей школе. У ворот ограды остановился, прочитал вывеску о запрете посещения территории школы посторонними лицами.

- Не знаю, я посторонний или нет? — мельком подумал он, и тут же пересёк линию ворот.

Хмурившееся небо оставалось в своём угрожающем состоянии больше не могло, из него начали срываться на землю отдельные капли, следом за которыми всё увеличиваясь и увеличиваясь, в своей численности, редкие капли начали восприниматься уже как первое предвестие приличного летнего дождя.

Намериваясь где-нибудь укрыться, майор быстрым шагом проследовал прямо, под разлапистые ветви огромных карагачей.

- Большие стали, - подумал он и погладил

дерево по его бугристой и шершавому стволу. — Мы их когда-то малюсенькими веточками сажали, а они теперь вон в какие богатыри вымахали.

Поглаживая ствол дерева, под которым укрывался, майор перевёл свой взгляд на следующее, затем на следующее. И только потом увидел, метрах в двадцати от себя и поодаль от деревьев, сидящих на корточках нескольких ребятишек.

- Что они там делают, под дождём? Ах, да... травку шиплют, не обращая внимания на изменившуюся погоду. Режим!? Не школа, а какая-то маленькая колония для трудно воспитуемых, - подумал майор, и жар негодования молнией вновь опалил его душу.

Возле детей стояла худенькая учительница.

- Ножки у неё как былинки. Нет, в таком случае говорят «как спички», - произнёс он про себя и, поймав себя на этой мысли, нахмурился ещё сильнее. — Пошлите изволите-с или дерзите, как в детстве? А учительница-то тоже под дождём мокнет, вместе со всеми, а она, может быть, больная.

Да, режим! — чуть ли не вслух повторил он свою прежнюю мысль.

Между тем дождь усиливался, а когда он и под деревом начал доставать майора, и за шиворот ему побежали холодные капли, на парадное крыльцо школы вышла пожилая женщина в грязном халате и громко прокричала.

- Эй вы... там, кончай работу, спрячьтесь куда-нибудь от дождя или в школу бегите, - крикнув, женщина снова юркнула в школу, как собака в конуру при непогоде.

- Уборщица, наверное, - подумал майор, - исполнила приказание.

Дети по команде, побросав работу, побежали в разные стороны. Некоторые из них со смехом и гиканьем пробежав мимо майора, заскочили в школу. Следом за ними просеменила туда же и их учительница.

- Ну, а мне что делать, куда бежать? — спросил сам себя майор и, высунувшись из-под дерева, со знанием дела посмотрел в небо. — Проясняется, скоро пройдёт, здесь переждут.

И, действительно, дождь неожиданно прекратился. Сквозь поредевшие облака начали пробиваться солнечные лучики, через небо перебрисалась радуга. Ребятишки шумно начали вылезать из своих укрытий и без команды вновь приступили к работе.

Вышел из своего укрытия и майор. Ласково светило солнце, омытые дождём аккуратные пешеходные дорожки и деревья блестя своей новизной.

- Учитель, ехавший вместе со мной в поезде, прав - здесь действительно хорошо: сказочный городок, качели, обелиск погибшим бывшим учениками школы, постамент мэтра педагогике, - думал майор, обходя вокруг школы.

Медленно дойдя до школьных ворот, остановился и некоторое время неподвижно стоял возле них, думая об увиденном. После чего резко оглянулся назад.

- Да, хорошо здесь! И особенно хорошо на фоне общего беспорядка и грязи. Хо-рошо! — по слогам, одним словом охарактеризовал он всё только что увиденное. — А, может быть, Черногрудов действительно прав во всех своих делах и действиях? — подумалось вдруг майору. — Он следит за всем и всеми, контролирует всё, всем руководит. О своём деле боится и делает его хорошо. Может быть, так и должно быть? А то ведь всё разваливается, катится куда-то, как в пропасть. А тут полный ажур!

А как же тогда относительно меня и всех остальных им изгнанных, изгоях?

- Не хочешь делать, по-моему, уходи и другим не мешай! — послышался майору чей-то до боли знакомый голос, но, повертев по сторонам головой, он никого не увидел. После чего, как-то непонятно для самого себя и неизвестно кому, он согласно мотнул головой и, перешагнув линию ворот, не оглядываясь, быстрым шагом пошёл в обратную сторону...

Людмила ТАНКОВА

Песнь соловья в пустыне каменной

Отрывки из повести

Весть о том, что вместо ушедшей на пенсию учительницы химии Розы Ильиничны уроки будет вести практикантка из города, молниеносно распространилась по поселку с сочным названием Коскино. К приходу рейсового автобуса, около магазина, собралась большая часть любопытствующих жителей.

- Знаем мы этих студенточек, - облокотясь о прилавок, говорил председатель сельсовета, - но ничего, я ее обломаю...

- Ты, Василий Петрович, сельсоветских обламывай, - протягивая председателю руку, проговорил вошедший в магазин директор школы Трнев. - Мне надо, чтобы она здесь осела, замуж вышла.

- Ишь ты, замуж вышла, - засуетилась местная сплетница Лапштайха. - У нас что своих невест мало, городских-то выписываете?

- Не мечись, как водомерка по болоту, - одернул ее председатель.

Стоящий у окна бригадир Гридин громко хмыкнул: «Твоих девок-то и за деньги никто не возьмет. Разве кто по недомыслию».

- Ох, и лодырищи они у тебя, - засмеялись женщины в очереди, - такие кобылы, а ни сшить, ни сварить. С голодухи мужиков переморят.

- Пряма вот, учителька ваша вся из себя работящая, - не сдавалась Лапштайха.

Может быть, очередь еще бы почесала языки, но подошел рейсовый автобус.

Практикантка оказалась совсем молодой девчонкой.

На ней было простенькое драповое пальтишко, вокруг воротника намотан длинный ярко-синий шарф. В тон ему модно заломленный берет. В руках портфель да небольшая сумка.

- Здравствуйте, - спортивным шагом подошел к ней Трнев, - рад, очень рад, что именно вас прислали. Нам молодые кадры ой как нужны. Меня зовут Федосий Алексеевич, я, собственно, директор вверенной мне школы.

- Девушка протянула директору руку, как-то крепко по-мужски пожала и представилась:

- Елизавета Львовна Иванова, студентка третьего курса пединститута.

В глазах смешливые искорки.

- Разрешите представиться, - подошел к ним председатель сельсовета, - Василий Петрович Луканин, здешний глава правительств. А вы знаете, в нашем Коскино живут сплошь ученики Федосия Алексеевича.

- Ну не все, - вставилась в разговор Лапштайха, поправляя на голове косо сидящий клетчатый платок, - бабка-то Нина Гордеева и дед Ундер старше его будут.

Федосий Алексеевич, не обращая внимания на разговоры, поднял сумку вновь прибывшей, передал председателю и поприветствовал:

- Завези в казенный дом, Василий Петрович, в третью квартиру, а я гостей школу покажу.

Толпа задеревенела от изумления. Из-за этой квартиры, приписанной к школе, переругались насмерть больше половины семей, а тут какую-то приезжую - и без очереди...

Поселок, расположенный на небольших взгорках, был хорошо виден с территории школы. Вдоль русла замерзшей

реки протянулись две длинные улицы: одна на правом берегу, другая - на левом. От них, словно ноги у сороконожки, отходили более короткие, кривые улочки. Придавленные снеговыми шапками крыши домов слегка курились от недавно протопленных печей. То там, то сям слышались веселые голоса детей, катающихся на санках по склонам взгорков.

Далеко за поселком вился лентой сосновый бор. Низкое январское солнце стояло почти над самыми макушками сосен и, казалось, катится по ним.

Длинными стежками ложились на снег голубые тени от домов, заборов, голых тополей, берез.

- Красота, - восхищенно произнесла практикантка, - такого у нас в городе и не увидишь. Снег так блестит, что из глаз слезы текут.

- В Коскино слезы у вас будут течь только от сияния снега и радости, - напыщенно произнес Трнев. - Народ у нас добрый, уважительный и крайне чуткий. Коскинцы всегда готовы понять и помочь в трудную минуту. Пройдемте в школу, хочу похвастаться, ведь мы в этом году завоевали первое место по району.

Одноэтажная деревянная школа встретила тишиной. Новогодние каникулы еще не закончились. Оставался целый день до начала занятий. Удивило только одно: на подоконниках и в классах совсем не видно комнатных растений. Было ощущение того, что школа раздета донага. У вошедших при выдохе клубился пар, как на улице.

Будущая учительница передернула плечами, почувствовав, что замерзла.

- Прохладно, - робко улыбнулась она.

- Да, это наша беда, - широко улыбнулся директор, - летом строители что-то намудрили, и к нам плохо поступает тепло. Но, вы знаете, я ребят заставляю ходить без пальто, пусть закаливаются. Сам подаю пример, хожу только в костюме. Все каникулы переделывали трубы. Так что тепло будет. А вот и ваш кабинет.

Федосий Алексеевич распахнул дверь кабинета с надписью «Химия». Три ряда парт, учительский стол, большие окна. В противоположной стене дверь в небольшую лаборантскую комнату, заставленную шкафами с реактивами. В глаза бросилось название на одной из жестяных банок - «Натрий». На полке выше стеклянная бутылка, на ней наклейка «Серная кислота».

- Федосий Алексеевич, а где в кабинете сейф для хранения особо опасных реактивов?

- Зачем? У нас и так никто ничего не трогает.

- Кабинет и лаборантская не закрываются на ключ?..

- Разумеется, нет, - с гордостью сказал Трнев, - мы же здесь все свои. Что и от кого закрывать?

- А если кто из ребят по незнанию перевернет здесь опасный реактив или...

- Ну, всякое бывало... Хулиганили мальчишки, опыты ставили на улице, но как-то все обходилось. Роза Ильинична в основном их учила задачки решать, так что в эту комнату почти никто и не ходил, да и вы не ходите.

- А как же уроки вести? Это же химия!

- И что, что химия...

- Химия - это очень серьезно. На ней основан целый ряд отраслей промышленности, - словно читала лекцию вновь при-

бывшая, а потом выпалила, - поэтому сделайте на лаборантскую замок.

- Ладно уж, - довольно заулыбался директор, - пришлю я вам завтра Петра Старикова, золотой парень, все умеет. Счастливая будет та девушка, которая за него замуж выйдет. Присмотритесь к нему, может, это ваша судьба.

- У меня дома парень есть, - пряча глаза, пробормотала Елизавета.

- Вот и ладно, что парень есть, - потечески согласился Федосий Алексеевич. - Только наши, коскинские, лучше.

Первый день третьей четверти начался как нельзя лучше: в школу дали тепло, и классы, прогретые за ночь, гостеприимно распахнули двери.

В учительской познакомились с новой коллегой. Представление старожил шло постепенно по мере прибытия их на рабочее место. Роль председательствующей взяла на себя обаятельная учительница математики Валентина Александровна Дорбунова.

- Знакомьтесь, знакомьтесь - это Николай Иванович, - легко прикоснувшись к руке вошедшего, бархатно говорила Дорбунова, - и берегитесь, он такой ловелас. Все женщины от него без ума.

Невысокий лысоватый мужчина согласно кивнул головой, шелкнул каблучками, как заправский военный, и чмокнул руку Елизаветы. На кисти осталось мокрота, захотелось немедленно вытереть руку. Еле сдержалась.

- Какой кавалер, - восторженно шептала ей на ухо черноволосяя, полная женщина, - но смотри, у Николая Ивановича страшно ревнивая жена. Легка на помине...

В учительскую, резко хлопнув дверью, внеслась худощавая дама. Подозрительно оглядев собравшихся, села за свой стол и начала яростно передвигать стопки тетрадей.

- Катерина Леонидовна, у нас новый сотрудник, познакомьтесь, пожалуйста, - тоненько заговорила Валентина Александровна, поправляя завитые в мелкие колечки волосы.

- Начнет работать, тогда и познакомлюсь. А вы все уже изучили новую книгу генерального секретаря партии? Рекомендую сделать это немедленно, потому что первый педсовет будет посвящен обсуждению именно этой книги, - нелюбезно ответила Екатерина Леонидовна и набросилась на мужа. - А ты чего усы развесил, новую юбку увидел?

В это время в учительскую влетела невысокая девушка с азиатскими чертами лица. Она с ходу обняла Елизавету, чмокнула в щеку: «Меня Розой зовут, будем подругами». Быстро сбросила с себя пальто и пуховый платок, встряхнула головой, чтобы взбодрить длинные локоны.

- Хороша подруга, - громкозвучно заявила Екатерина Леонидовна, - быстро научит, как за парнями бегать.

К счастью, прозвенел звонок, и учителя поспешили к своим классам, чтобы построить их на торжественную линейку.

Широкий школьный коридор играл роль актового зала. Он вместил в себя учащихся всех классов от первого до десятого. На оставшемся свободном месте вполне можно было сплясать краковяк.

Ребята, привыкшие к долгим и пус-

тым речам директора, изобилующим призывами «учиться на «хорошо» и «отлично», «вести себя достойно, как настоящие советские школьники», переминались с ноги на ногу. Старшеклассники перебрасывались записками, перешептывались, откровенно обсуждая новенькую учительницу. Наконец Федосий Алексеевич поздравил всех с началом третьей учебной четверти.

- Позвольте вам представить новую учительницу химии, - произнес он, обращаясь к практикантке, - Елизавета Львовна Иванова. Пока она еще студентка третьего курса педагогического института, но уже очень много и много знает. Нам ее рекомендовали в районе как отличницу и очень ответственного человека. Прошу любить и жаловать. Ну, а десятому классу повезло больше всех, потому что Елизавета Львовна теперь их классный руководитель.

Десятый класс недовольно загудел. «Почему у нас... Где Владимир Петрович...»

Реплики заглушил голос директора: «Владимира Петровича мы перевели на класс Розы Ильиничны. А теперь все по своим кабинетам на классный час. Десятый - в химию!»

Коридор быстро опустел, учителя поспешили вслед за учениками. Растерявшись от такого приема, Елизавета робко топталась около двери, не решаясь взяться за ручку. «Смелее», - подбодрил ее Трнев. Так что деваться было некуда, и девушка, сдвинув брови, рванула дверь на себя... Вошла, встала около учительского стола, растеряв все слова, которые хотела только что сказать своим первым ученикам.

- Мы Владимира Петровича любим, - раздался голос из глубины класса. - Химию можете вести, а вот в классные не набивайтесь.

Растерянность неожиданно прошла. Усмехнулась.

- Здравствуйте, ребята. Садитесь. Кто же вам мешает любить Владимира Петровича. Он, видимо, очень хороший человек. Только не нам с вами решать подобные вопросы.

Подошла к первой парте.

- Я, как и вы, в десятом классе считала, что могу решить все. Оказалось, не все! Вам осталось учиться в школе пять месяцев, а мне - полтора года в институте, так что мы с вами учащиеся. Я вам помогу успешно сдать экзамены по химии, если кому-то необходимо, подготовлю к вступительным в вуз.

- А вы химию-то знаете? - спросил патлатый обитатель последней парты.

- Любин, помолчал бы ты, - зашумели на недовольного девчонки, - уж кто не знает химии, так это ты.

- А у нас в Коскино есть соловьиная гора, - неожиданно для всех произнес рослый десятиклассник со второй парты.

Парень резко отличался от своих сверстников: он был одет не в школьную обязательную форму, а во взрослый мужской костюм. Необыкновенной белизны рубашка казалась еще ослепительнее под темно-синим галстуком. Волосы, тщательно зачесанные на правую сторону, прикрывали косой челкой высокий лоб.

Елизавету смутил пристальный взгляд больших, синих и глубоких, словно омут, глаз. Чтобы скрыть замешательство, она мгновенно построжала и спросила уче-

ника:

- Как твоя фамилия, любитель соловьев, а не химии?

- Перевестов. Что же вы так официально?

- Давайте-ка мы официально познакомимся, - произнесла учительница и тут же поняла, что совершила глупость.

Надо было свести все к шутке, а она взяла журнал и принялась называть учащихся по фамилии, ребята обиженно вставали и молча садились.

От первого дня работы Елизавета осталась крайне недовольной. Точил советливый червячок. Укорял за то, что повела себя по-барски. «Ничего не по-барски, просто я учитель, а не практикантка. Поведение должно быть соответственным», - оправдывалась она перед собой. «Поведение должно быть человеческим, могла бы выслушать про соловьиную гору», - ворчал червячок. «В Сибири соловьи не водятся». «Это у тебя не водятся, потому что всю жизнь прожила в каменной пустыне города. Там снег черный, а здесь - белый, ослепительный, значит весной сюда прилетают соловьи. Эх, ты!..»

«Эх, я!..» - расстраивалась студентка третьего курса, переставляя склянки с реактивами в лаборантской.

- Помочь? - раздался голос за спиной. Вздрогнула, оглянулась. Небрежно прислонившись к косяку, у входа стоял Перевестов.

- Спасибо, не надо.

- Мы часто помогали Розе Ильиничне. Даже готовили реактивы к урокам.

- Перевестов, иди домой. Сюда детям входить нельзя.

- Я же помочь хотел... А вы... Эх, вы... Десятиклассник с укоризной глянул на классную руководительницу.

- Между прочим, меня Иваном зовут, и я уже не ребенок.

Стало снова стыдно. Хотела что-нибудь сказать в свое оправдание, но парень быстро вышел из класса. «Как-то все неудачно для первого дня, - с горечью подумала учительница, - надо будет посоветоваться с директором».

Склянки наконец-то выстроились должным образом. Опасные вещества убраны подальше в шкаф. Настроение слегка стабилизировалось. Можно было илти домой, устраивать свой временный быт в однокомнатной казенке, как назвал ее Федосий Алексеевич.

Квартирка, конечно, не ахти какая, но удобства в наличии. Серые обои придавали жилищу вид каземата, в котором поставили некоторую мебель, телевизор, правда, черно-белый. «Пользуйтесь, - торжественно провозгласил директор. - Мне выделили цветной, а этот привез сюда. Так что на первое время у вас есть все. Обживетесь, приобретете остальное. Мы поможем».

..Стук в дверь оборвал воспоминания о временном жилище.

На пороге стоял невысокий молодой человек, в модной кожанке с большим отложным воротником и белой песцовой шапке.

- Здравствуйте. Меня Федосий Алексеевич прислал, чтобы замок на дверь поставить.

По-хозяйски скинул с себя куртку, аккуратно положил на парту пушистую шапку, удовлетворенно дунул на нее, полюбавшись на волну, пробежавшую по меху. Рукой пригладил прямые черные волосы, стриженные под «Битлзов», и отрекомендовался: «Петр Стариков, заведующий механическими мастерскими, не женат».

- Что же вы сами-то пришли? Можно было прислать кого-то из слесарей.

- Федосий Алексеевич попросил сделать лично. Так что показывайте, куда замок ставить.

Удивительно, но вся процедура заняла

очень мало времени, Елизавета не успела написать план урока для восьмого класса, как ключ лег ей на стол.

- Готово, - улыбнулся Петр и сел за первую парту, - хотите проверить?

- Зачем, вы же специалист.

- Однозначно. Причем, заметьте, лучший в Коскино. В прошлом году закончил транспортный техникум, обратите внимание, без отрыва от производства.

- Давно здесь живете?

- Всю жизнь. Пока с родителями, но как только женюсь, совхоз даст квартиру. Можно было получить сразу после техникума, только одному скучно. Кстати, сегодня в клубе кино показывают, можно сходить.

Елизавета слегка задумалась, может, действительно развезься... глянула на тетрадь для планов. Четыре урока - четыре плана, и все это впервые самостоятельно. Да и прибрать в квартире надо, вещи разложить. Вздохнула и отрицательно покачала головой:

- Спасибо за заботу, но сегодня не могу, работы много.

- Ладно, - легко согласился Петр, - тогда я вас провожу до дома.

Стала неприятна назойливость заведующего механическими мастерскими, его распорядительный тон настораживал, а попасть под чье-то влияние девушке не хотелось, тем более что легкой истомой волновал начавшийся роман с однокурсником Валерой.

- Вы идите, а мне еще много планов писать. Извините.

Уткнувшись в учебник, Елизавета краем глаза видела, как Петр быстро накиннул на себя куртку, долго разглаживал мех на шапке, перед тем как надеть ее.

- До свидания, - слегка поклонился он, - если что - зовите. Всегда рад помочь. Я к вам в гости завтра приду.

Ответить девушке не успела, потому что Петр уже прикрывал двери.

«Вот это помощник», - ошарашенно думала она, потому что в гости никого бы не хотела приглашать, тем более таких нахальных.

Первый урок следующего дня был в десятом классе, и практикантка перед звонком все пыталась придумать, как ей извиниться, не уронив учительского достоинства.

Ничего не придумала, а потому сразу с порога выпалила:

- Ребята, как-то все у меня вчера не так получилось. Хочу пригласить вас к себе в гости на чай. Правда, есть только сахар и печенье. Думаю, что это не так важно, как доброе отношение между нами. Как думаете?

Ученики молчали. Ни слова в ответ. С последней парты подал голос Любин:

- Странно как-то. На вечер вы уже в гости пригласили Старикова Петьку, а нам прийти до него или после?

- Кто вам такое сказал? - поперхнулась словами Елизавета.

- Вчера в клубе сам Петька хвастался.

- Его я точно не приглашала, - пришла в себя от удивления учительница, - а вот вы приходите, я вам про институт расскажу, только чур, вначале уроки сделайте. Принимаете предложение?

- Принимаем... - затараторили девочки, и класс повеселел.

Елизавета почувствовала, как тает вчерашняя отчужденность, как светлеют лица у ребят. На душе стало легко и весело.

После уроков она поспешила в магазин, чтобы купить конфет, печенья, все-таки целый класс в гостях, это не две

подружки. На прилавке стояла пара валеенок, тоскливо прислонившихся друг к другу. Полки поселкового магазина забиты всякой всячиной. Справа промышленные товары, слева - продовольственные. Из продовольственных товаров - консервы типа «Килька в томатном соусе», конфеты «Молочные подушечки», печенье, кофе «Золотой ярлык» ну и тому подобное.

Вдоль стен беседовали о деревенских новостях несколько женщин. Вошедшую учительницу встретили, как старую знакомую:

- Здравствуйте, Елизавета Львовна, как ночевали на новом месте...

- Спасибо, хорошо.

- Наши-то оболтусы не сильно шумят на уроках? Если чё, говорите, мы с них стружку-то сьем.

- Что вы, ребята хорошие...

- Вот и ладно. За хлебом вы раненько пришли, еще не привозили.

Чернявая женщина в синем рабочем ватнике подошла к учительнице поближе.

- Не беспокойтесь, я возьму на вас булочку и с дочкой пришло.

- Хотелось бы купить чего-нибудь сладкого к чаю. У меня сегодня гости будут.

Женщины понимающе закивали головами, заулыбались так, будто знали тайну тайн.

- Филипповна поди разуважитесь. Есть у нее записка на всякий случай...

- Нина, - окликнула высокая седоватая женщина, - Нина, выйди к народу.

Из подсобки появилась продавец Нина Филипповна, в руках - бумаги.

- Чего шумите? Мне срочно надо отчет сделать, машина скоро придет.

- Новой учительнице химии хороших конфет и печенья найди.

- Где же я вам возьму?

Седоватая селянка подошла поближе:

- А ты из запаса Тренева взвесь, я тебе разрешаю.

- Только вы, Вера Алексеевна, ему сами про это скажите, а то обижаться будет.

- Взвешивай, взвешивай, с братом я поговорю. Думаю, он не против.

Продавец ушла в подсобку, а женщины, обступив Елизавету, принялись расспрашивать о родителях, о семье.

- Оно, конечно, когда человек из рабочей семьи, то крепше на ногах стоит, - изрекла крепкая старушка в старом потертом пальто, услышав, что отец Елизаветы трудится на большом заводе.

- Видно хороший он человек у тебя, - улыбалась студентке Вера Алексеевна, - раз дочь в учителя отправил.

- А мой Петро разве плохой, - вставилась женщина в крикливом оранжевом пальто и синей вязаной шапке.

- Сейчас речь идет не о твоём сыне. Ты, Нюра, хоть иногда людей слушай. Всем парень твой хорош.

- Конечно, хорош. Мастер на все руки. Что хошь сделает, любую технику починит.

- Кто же спорит с тобой?

- Вот и я говорю, что Петро - лучший жених.

Успокоила всех Нина Филипповна. Она отдала учительнице большой кулек, взяла деньги и возвестила, что машина в дороге сломалась, и хлеба сегодня не будет.

Женщины, забыв о Петре, лучшим женихе Коскино, принялись обсуждать проблему старенькой хлебовозки.

Ребята ввалились всем классом. Вместе с ними в комнату ворвался морозный свежий дух чистой деревни. Для

пальто и курток вешалки не хватило, а потому одежду свалили на старую тумбочку. Увидев сколько пришло гостей, учительница расстроилась, тому, что не предусмотрела количество чашек и стаканов, и уж, конечно, два стула, было крайне мало для такой оравы. Решилось все само собой, на полу расстелили простую клеёнку, на нее поставили сладости. Девочки быстро по соседям набрали стаканов и чашек. Всех удивили Иван Перевестов, который выставил на стол банку с земляничным вареньем и Олег Розин, принесший туюсок меда. «Это в подарок», - пояснили они.

Коскинская молодежь рассказывала вновь прибывшей учительнице, про обычаи поселка, людей, о жизни школы. Елизавета - о своих однокурсниках, лекциях, практике. Получилось очень весело.

Стук в дверь был несколько неожиданным. Аленка Лапштаева побежала открывать, так как сидела ближе всех к входу. На пороге появился недовольный Петр Стариков, у него в руках поблескивала бутылка водки.

- Вообще-то я вчера предупредил, что приду, - ворчливо проговорил он, по-хозяйски проходя в комнату. Поставил бутылку на пустующий стол, укоризненно посмотрел на Елизавету.

- С пола встань, - сказал он совсем по-свойски, - простудишься. А вы, дети, давайте по домам уроки учить.

- Вам никто не дал право, распоряжаться в моем доме, - рассерженно поднялась Елизавета.

- Предположим - это не твой дом, - сиюкожно осадил ее Петр, - Будет нашим, когда мы поженимся.

В комнате повисла тишина, но висела она на той самой веревочке, которая жаждала оборваться.

- Петька, ты сильно-то не рыпайся, - насмешливо проговорил Розин, - мы Елизавету Львовну в обиду не дадим. В мехмастерских распоряжайся, а здесь - квартира школьная.

- Мне с вами сопляками разговаривать не имеет смысла, так что идите по домам. Нам надо поговорить по-взрослому.

От импровизированного стола поднялся Перевестов. С высоты своего роста глянул на Старикова, демонстративно сунув руки в карманы. Рядом встали Розин, Любаев. Живая стенка быстро увеличивалась, начали подниматься и девочки. Противостояние стало опасным.

- Все сядьте, - строго сказала Елизавета, - а вы, Петр, будьте любезны, заберите водку и уходите. Я вас не приглашала.

- Как это не приглашала? Я же вчера ясно сказал, что приду.

- Извините, у нас нет времени на подобные разговоры.

Говорила четко и жестко, чтобы раз и навсегда отбить ухаживания непрошеного кавалера. Сунула ему в руку бутылку и стала теснить к выходу. Облегченно вздохнула, захлопнув дверь.

Вечер был испорчен. Вернулась к ребятам. Те, немного посидев, стали собираться. Девочки помогали мыть и разносить по соседям посуду, ребята поставили нехитрую мебель по местам.

Уже на выходе всключенный Любаев повернулся к учительнице и тихо сказал:

- Правильно вы его выставили. Придурковатый он и его мамаша, мнят из себя черте что. Подумаешь, техникум кончил, мы с Ванькой вообще в авиационный поступать будем.

Нахлобучил шапку и побежал догонять класс.

Берётся из жизненного опыта

О творчестве Владимира НЕУНЫВАХИНА

Читателям «ЛХГА «Усытская россыпь», имя Владимира Максимовича Неунывахи́на — новокузнецкого прозаика, известно, поскольку на страницах альманаха вы не единожды встречались с его небольшими прозаическими произведениями, в основном лёгкой завлекательной темы касавшейся охоты и рыбалки.

В прошедшем году вышла очередная — солидная, его книга под названием «Проклятье», представляющая собой сборник более чем пятидесяти прозаических рассказов и зарисовок. Которые, к тому же, разделены на пять разделов: избранное, эпизоды из жизни, окно в природу, байки у охотничьего костра и — из блокнота бывшего сотрудника «ИТУ» (исправительно — трудовых учреждений).

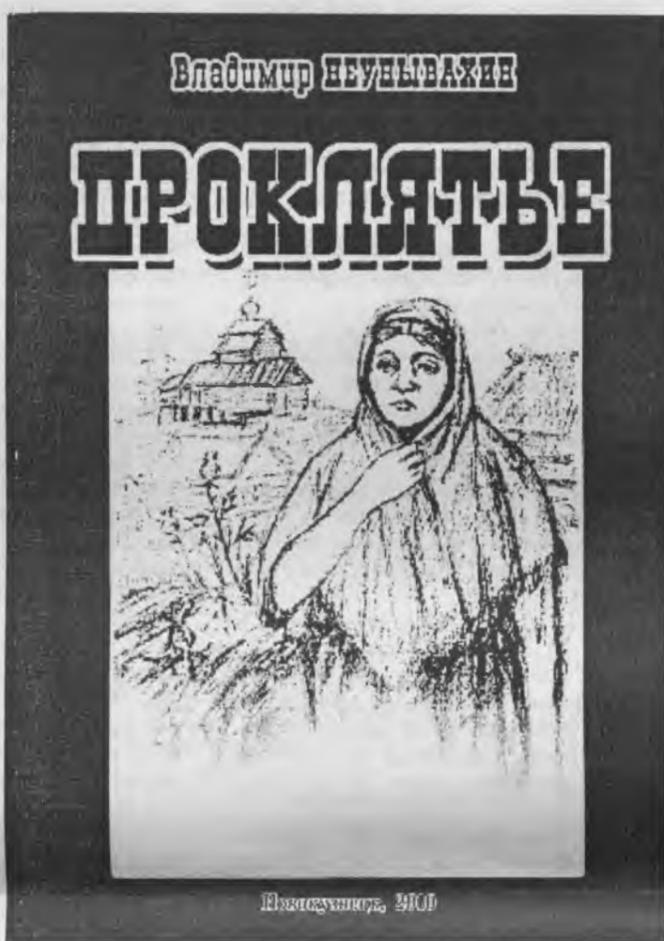
Можно сказать, что открывает книгу отзыв на неё члена Союза писателей России кемеровского литератора — Виктора Арнаутова, под названием — «И глаз у тебя наблюдательный...» в которой автор сообщает читателю:

«Не первый год знаком я с прозаиком из Новокузнецка Владимиром Максимовичем Неунывахиным, не в первый раз уже прилагаю своё скромное слово к его очередной книге, а всё никак не перестаю удивляться его творческой активности и потенциалу! За десять лет восьмая книга! И не какая-нибудь брошюрка в полсотни страничек, а полноценная по объёму и замечательная по содержанию книга! И ведь безо всякой лести и преувеличения — читаю каждую из них с неподдельным интересом и удовольствием... И снова не устаю удивляться: откуда что и берётся у этого автора?!

А берётся всё из жизненного опыта, ничего надуманного, ничего фальшивого, ничего искусственного. Опыт, удивительная наблюдательность и журналистская привычка — делать хотя бы кратенькие пометки о своих впечатлениях в многочисленных блокнотах, затёртых записных книжечках, дневниках. И лежат эти заготовки, и зарисовки до поры до времени, казалось бы, не востребованными...»

Я не могу сказать что всё вышедшее из под пера Владимира Неунывахи́на, я читал. Но всё, что попадало мне в руки — читал. И читал действительно с большим интересом. Особенно мне нравятся его многочисленные небольшие произведения на тему охоты, рыбалки и им подобные, хотя сам не являюсь ни рыбаком, ни охотником. И в названной книге автор не обошёл стороной, по всей видимости, своей излюбленной теме, в главах: «Окно в природу»; «Байки у охотничьего костра».

Есть в книге и новая тема (во всяком случае — для меня, как читателя), тема, или раздел, — «Из блокнота бывшего сотрудника ИТУ». В которой автор, как бывший сотрудник «ИТУ», без прикрас и подрисовок показывает жизнь, быт и внутреннее содержание отдельно взятых

людей. Которые в силу сложившихся их жизненных ситуаций стали представителями той части нашего — человеческого общества, которых можно без зазрения совести отнести в разряд отвергнутых обществом «изгоев». То есть тех людей, которые оказывались за «решёткой» или «колючей проволокой» изолированными от всех остальных, то есть — нас, обычных людей.

«Лагерной романтикой» которой сплошь пронизан сегодня наш кинематограф, в рассказах Владимира Неунывахи́на нет. Как нет и того, что все кто находится от нас по ту сторону колючки — отщепенцы, неисправимые бандюганы и потерянные для общества люди, хотя и такие персонажи в рассказах имеются.

«Провалы памяти» — первый рассказ, которым открывается данная глава: Степан Вилкин, один из главных персонажей рассказа, в прошлом мелкий ворышка и картёжник (за что и угодил в «зону»), бывших своих пристрастий не оставил и там — поигрывал в картишки. Проиграл своим «компаньёнам» крупную сумму денег и третий месяц не мог рассчитаться с обыгравшим его. «Степан понимал, что дни его сочтены...» И вот, однажды, когда «дружки» решили Степана проучить и погнались за ним, он бросился от них наутёк с криком: «Спасите! За мной гонятся убийцы!..»

На защиту убежавшего встал случайно оказавшийся поблизости начальник отряда капитан Виктор Попов, который перерегородил собой путь озверевшим преследователям Степана. Преследователи не в силах умерить свой гнев, не страшась последствий — убили вставшего на их пути капитана... По началу спасённый ценой чужой жизни Вилкин, клялся, что с этого дня он переосмыслил свою жизнь — встал на праведный путь и по гроб своей жизни будет помнить своего спасителя и материально помогать осиротевшей

семье капитана. Но не продолжившее своё обещание и своего спасителя — освободившись из заключения продолжал свой прежний образ жизни. В итоге — получил новый срок...

«Господи, как несправедлива судьба! Погиб прекрасной души человек. Осиротели дети... За что? Подонком он и остался подонком...» — такими словами заканчивает свой рассказ автор.

Приблизительно подобный же сюжет, если не сказать — «круче», в рассказе «Столкновение тепловозов», где из-за низкой человеческой похоти гибнут ни в чём не повинные люди. А в рассказе «Интуиция» и вообще — показаны звери в человеческом облике, закоснелые уголовники, для которых человека убить всё равно, что курицу...

Но и среди этих убийц, и как казалось бы — потерянных для общества людей, находятся такие которые действительно и серьёзно задумываются над образом своей жизни и решают изменить её в нормальную сторону после освобождения из заключения. Такое развитие сюжета показано в рассказе «Гость редакции». В котором, главный персонаж Владимир Бакуменко, в прошлом «вор в законе» (за плечами которого было «шесть ходок» в зону), не вдруг — стал нормальным человеком, работал в шахте (в городе Прокопьевске), имел нормальную семью... А в конце, когда случилась в его присутствии беда — авария в шахте, связанная со взрывом метана, первым бросился на спасение погибающих в забое своих товарищей. В итоге — погиб и сам...

Но, не смотря на всё то — положительное, о чём было сказано выше, на мой взгляд, есть в книге и серьёзные упущения. А именно — в главном произведении, рассказе, название которого легло и в название книги «Проклятье» — отрывке, или главы из будущего романа. За основу сюжета, которого, взяты реальные исторические события, происходившие в Кузбассе и на близлежащих к нему территориях в годы Гражданской войны, в 1919 году. Один из главных персонажей будущего романа историческая личность Рогов Григорий Фёдорович — командир самого большого в Западной Сибири партизанского отряда насчитывавшего в своём составе более десяти тысяч человек (общевойсковая армия, по численности). Деятельность Рогова, как и всего его отряда, показана исключительно лишь негативно, как пьяницы и бандита — махрового анархиста. Отряд, которого, при приходе в Кузнецк зверствуя и насилуя всех подряд, за четыре дня своего пребывания в городе уничтожил сотни человек: «...В отместку за то, что их попытались выдворить из собора роговцы зарубили диакона и всех церковных служек, а также несколько старух поднявших истерический крик при появлении в храме всадников. Здесь же под образами изнасиловали и зарубили матушку — жену настоятеля собора, закололи штыками сунувшихся на помощь бабам пятерых мужиков...»

В городке, насчитывающем более двух тысяч жителей, начались массовые грабежи...

Жертвами резни в городе стали почти пятьсот человек. Десятки женщин и девушек в дни пьяного разгула роговцев были изнасилованы и опозорены...»

Не могу сказать, что автор грубо искажает события давно минувших дней нашей истории, но то, что он слабо разобрался в них это точно. Поскольку имеются и иные свидетельства описываемых событий, совершенно противоположные. А именно: Подробная и исчерпывающая статья «Роговщина» по воспоминаниям партизан, авторами которой являются О.А.Белоусова и Г.Г.Вашенкова опубликованная в книге Кузнецкая старина выпуск №5, страницы 225 - 255. За основу своей статьи авторы взяли воспоминания А.А.Конова (бывшего партизана отряда Рогова Г.Ф.), который в свою очередь опирается на воспоминания и отзывы нескольких десятков своих бывших товарищей, партизан — роговцев.

Так вот, статья «Роговщина» по воспоминаниям партизан» подробно осветившая и личность самого Рогова Г.Ф. и события связанные с боевым походом третьей части его отряда на Кузнецк и далее: Кольчугино (ныне город Ленинск-Кузнецкий) и Шегловск (ныне город Кемерово), и расформирование отряда, и арест Рогова военным трибуналом, и последующее его освобождение с вердиктом «отсутствие состава преступления», по своему смысловому содержанию диаметрально противоположно тому, как описывает давно минувшие исторические события Неунывахин В.М. Из которых, у каждого несведущего читателя, как и у выше называвшегося автора вводной статьи книги Виктора Арнаутова, самопроизвольно появляется вывод: «...Более семидесяти лет советская литература едва ли не под копирку, за исключением редких случаев, рисовала Гражданскую войну лишь в чёрно-белых тонах. Красные — это идейные борцы, гуманисты и филантропы, белые — сборище отбросов, безжалостных грабителей, извергов и убийц. А вот в этом романе «геройство» отряда красного партизана Рогова обрисовано совсем иначе. И сам командир Рогов, и его бойцы в своей жестокости если и не превосходят, то уж ни в чём не уступают самым оголтелым колчаковским головорезам...»

Не хочу, чтобы читатели моего отзыва подумали, что я как бывший кадровый офицер Советской Армии, так сказать — наследник красных командиров, пытаюсь защитить честь мундира. Нет, я говорю одно: Владимир Максимович, берясь за такую громадную реальную историческую тему, изучи её досконально, что бы твои описания были достоверными, взвешенными, обоснованными, а не являлись какой-то пустышкой, если не сказать большего...

Завершая отзыв, как-то исподволь вспомнились слова Василия Фёдорова: «Я словам не каждым доверяю»

Я слова на прочность проверяю...» Поэтому своему земляку и собрату по перу Владимиру Максимовичу Неунывахи́ну хочется пожелать успехов в начале им великом деле, а его читателям — приятных впечатлений при чтении его произведений...

С уважением
Анатолий ГУЛЯЕВ.

Владимир НЕУНЫВАХИН

Работая литсотрудником многотиражной газеты для заключенных, мне приходилось часто мотаться по таежным лагпунктам, встречаться с людьми, преступившими закон и понесшими за это заслуженное возмездие, писать о них на страницах газеты и как бы рекламировать их жизненный путь и их дела. Нельзя сказать, что эти люди были приятны при общении. При одной только мысли, что перед тобой тот, кто принес горе, беду близким и окружающим, вольно или невольно возникало внутреннее неприятие этого человека, настороженность к нему. Я не помню, чтобы встречались среди них обаятельные собеседники, чем-то очаровавшие, запомнившиеся на долгие годы. И все-таки в моих журналистских блокнотах сохранилось немало записей и набросков, которые сегодня стали сюжетами рассказов о людях из мест не столь отдаленных.

ПРОВАЛЫ ПАМЯТИ

(Рассказ)

Степан Вилкин понимал, что дни его сочтены. Васька Кривой (библиотекарь колонии Кривов) слов на ветер не бросал. Разозлившись, что Степан третий месяц не может отдать картежный долг - более пятидесяти тысяч рублей, однажды при выходе из столовой бросил, как сплюнул, сквозь зубы:

- До пятнадцатого не отдашь, примеряй деревянный бушлат.

Засосало под ложечкой. Третья ходка, а в такой безвыходник он еще никогда не вмазывался. Было дело - влетал, но выкручивался. Или отыгрывался, или перехватывал через кентов. Правда, суммы были поменьше. А на этот раз все пошло наперекосяк, и вроде карта шла, но в последний момент фарт падал Кривому. Хотел отмазаться, сев с Фиксатым, и ему влетел. А Фиксатый, паскуда, свой выигрыш с наваром передал Кривому. Вот и насобирались такая кругленькая сумма. И Степан заметался, где найти деньги, хотя бы часть? Передал ксиву на волю брату с просьбой выручить, а того, оказывается, самого в ментовку замели. Пошел на поклон к Кривому, предложил сыграть еще, вдруг повезет. Но тот мало того что отказался, еще и пригрозил: не вернешь долг - получишь в бок заточку.

И вот - на пороге срок. Хоть в петлю, хоть в побег!

Степан работал на лесоперевалке. на сортировке и штабелевке выкатываемых из воды баланов, которые еще мокрые и скользкие транспортером отправлялись к штабелям, где и сортировались по длине, толщине, породе и ценности. На одной из площадок этого транспортера и работал Вилкин.

Двух дружков Кривого, вывернувшись из-за ближайшего штабеля, Степан боковым зрением засек сразу. У одного из них в руках был обрезок трубы.

«Это по мою душу», - похолодел Вилкин и кинулся вдоль эстакады транспортера и штабелей к реке, где работали сплавщики, хотя хорошо знал закон зоны - никто и никогда не станет вмешиваться в разборки отдельных заключенных, тем более вступаться за того, кого учат уму-разуму, и даже тогда, когда льется кровь.

Степан зайцем петлял между штабелей, с ужасом слыша наступающий топот и хриплое дыхание преследователей. У него уже темнело в глазах от ожидания страшного удара по голове, подкашивались ноги от неизбежности. Вдруг впереди показалась фигура в военной форме, и Вилкин кинулся к офицеру, надеясь на чудо, на спасение. Заорал благим матом:

- Спасите! За мной гонятся убийцы!

Начальник отряда Виктор Петрович Попов в очередной раз дежурил по пром-

зоне и делал обход объектов, когда из-за штабелей с искаженным лицом и обезумевшими глазами выскочил навстречу заключенный. Следом неслись двое со свирепыми лицами.

- Спасите!

Капитан бросился навстречу.

- Беги. Прыгай в реку. Я их задержу, - скомандовал Попов Вилкину и шагнул к преследователям.

- Уйди, гад! - рывкнул один из них, замахиваясь обрезком трубы. - Не мешай!

Но капитан был не из робкого десятка, перехватил руку нападавшего. Второй заключенный, прыгнув в сторону, нанес удар начальнику отряда сбоку. А со стороны пилорамного цеха уже бежали контролеры.

Виктор Петрович умер, не придя в сознание, один из четырех ножевых ударов оказался смертельным. Невинный человек попал под горячую руку озверевших бандитов. Его смерть была настоящим шоком для жителей поселка и стала страшным горем для семьи, двое малышей - трех и пяти лет - остались без отцовской опоры и по сути - полусиротами. На похоронах погибшего офицера его жена Людмила Ильинична трижды теряла сознание, друзья и сослуживцы скрипели зубами, задыхаясь от спазмов, перехвативших горло.

Вилкина, спасая от кредиторов, срочно этапировали в таежный лагпункт, где, будучи в командировке по журналистским делам, я и встретился с ним.

Приближалась весна, сугробы на обочинах дорог, осев, потемнели и на солнце цепеке продырявились, заслезились. Мы сидели в кабинете замполита, хозяин его, чтобы не мешать нашей беседе, ушел к соседям за стенку, видимо, пить чай. Вилкин говорил охотно, несколько рисуясь, то и дело повторял:

- Нет, к старому я не вернусь. Не верите? Честное слово. Мне нельзя - память о Викторе Петровиче не позволяет..

Потом, потупясь, признался:

- Я виноват перед капитаном, виноват в его смерти. Не надо было мне тогда убежать к реке и прыгать в воду. Мы могли бы тогда дать отпор бандитам, ведь мы были двое на двоих. Но я был в таком состоянии...

Вот, оказывается, какие угрызения совести появились. Выходит, многое передумал после гибели начальника отряда, спасшего ему жизнь. Да, не всем выпадает счастье родиться дважды. Вилкину такое счастье выпало. И хорошо, что, родившись вторично, он пытается начать новую жизнь с чистой страницы. Во всяком случае, рассуждает в нужном направлении, хочет забыть, перечеркнуть паскудное прошлое, пытается очистить душу и добрыми делами оберегать светлую память погибшего за него прекрасного человека.

Но намерения намерениями, а подкрепляет ли их своими делами Вилкин

сегодня, готовясь к освобождению? Интересно об этом у замполита Цветова.

- Как сказать, - заколебался Юрий Иванович. - Пока не очень. У нас он почти полгода, и за это время им допущено пять нарушений режима: употребление спиртных напитков, оскорбление нецензурной бранью работников колонии, хранение наличных денег, опоздание на развод и вновь наличные деньги. Где-то их достает, возможно, играет в карты, но пока не попадался. Вместе с тем работает хорошо, попросился с первого дня на самый трудный участок, направили сучкорубом в лесозаготовительную бригаду, нормы выполняет и перевыполняет.

Такая информация насторожила и покорибила - она значительно расходилась с благими намерениями заключенного.

В день отъезда из колонии я вновь встретился с Вилкиным, буквально на ходу, по дороге к КПП.

- Как только освобожусь, - сказал он на прощание, - сразу поеду поклонюсь могиле Виктора Петровича.

Ближе к осени из колонии в редакцию на мое имя пришло от Вилкина письмо. «Извините. Не сообщите ли, адрес вдовы капитана Попова, - писал он, - думаю поехать к ней. Встану перед ней на колени. Я жизнью обязан ее мужу Леониду (отчество забыл, извините)...»

Вот те раз! Уже и имя с отчеством своего спасителя забыл! Так горько стало на душе, что отвечать этому человеку расхотелось. Пустозвон и краснбай, за душой ничего святого!.. Вспомнилась реплика одного заключенного из бригады Вилкина, брошенная мимоходом:

- Трепло! Попомните мое слово, на свободе он долго не задержится. Нет в нем стержня. До первой пьянки. Нажрется и влетит по пустяку.

Эта реплика впоследствии вспоминалась часто.

Накануне освобождения Вилкина в колонию приехала его мать Екатерина Степановна, которой незадолго до приезда исполнилось пятьдесят пять. При-

везла к освобождению любимого сыну тридцати трех лет от роду - пальто, костюм, туфли, чтоб мог переодеться и выйти за ворота лагеря не в эковской форме.

Мать была счастлива. «Повезло. 7 ноября за праздничный стол сядем всей семьей, и сын Степушка (хоть и непутевый, но самый дорогой) будет рядом. Есть еще двое - старшая дочь и младший Николка, Этому тоже не повезло - подрался с хулиганами. А его в милицию. Поскандалил там, и упекли парня на три года... Не везет и дочери - муж - пьянчужка, драчун, но куда деваться - двое детей. Терпит. Был бы жив их отец... Погиб на шахте, когда дети были мал мала меньше. Вот и тянула одна, из последних сил. Да, видно, недоглядела, пацаны сбились с правильной дороги, связались с шантрапой...»

Обо всем этом рассказала она мне, когда я по заданию редакции приехал по ее месту жительства в шахтерский город Киселевск. Несмотря на третью судимость старшего сына, Екатерина Степановна боготворит его и всячески обеляет?!

- Он добрый. Степа последнюю рубашку отдаст, если кто попросит. Вот недавно друзья попросили у него на время куда-то сходить пиджак, который купала я ему на освобождение, так он и отдал. Сейчас ходит в старом.

Оправдывала сына, а ведь знала, что он его пропил. Данный факт мне стал известен из милицейского протокола, куда я зашел узнать, как ведет себя поднадзорный Вилкин, освободившийся всего три месяца назад. И вот что прочитал в протоколе участкового уполномоченного: «...мать поднадзорного Вилкина плачет, жалуется на сына, что тот пропил новое пальто и пиджак...». Злесь же мне представили другие протоколы, составленные по фактам нарушений поднадзорным установленным норм поведения: «...в 24-00 отсутствовал дома, объясняет тем, что был на свидании у девушки. Оштрафован на

25 руб.»; «В момент проверки был в нетрезвом состоянии»; «Оскорбил участкового и отказался подчиниться на требование оставаться дома после 22 часов вечера» и еще три протокола с подобной констатацией нарушений.

На машзаводе им. Черных, куда был трудоустроен Вилкин в цех сборки шахтовых вагонеток, мне дали очень краткую характеристику: «Не проработав месяца, начал нарушать трудовую дисциплину. Самовольно и на продолжительное время оставлял рабочее место, что приводило к остановке поточного процесса сборки продукции. Имеет два прогула на почве пьянки. Обсуждался на цеховом собрании. Объявлен выговор. Решается вопрос об увольнении за систематические нарушения трудовой дисциплины. Груб. Заносчив».

Вот тебе и переродился человек... А ведь клялся: «К старому я не вернусь! Нельзя мне - память о погибшем Викторе Петровиче не позволяется. Он пожертвовал собой, спасая меня!..».

Такие возвышенные клятвенные слова и такая грязная действительность...

Из Киселевска я уезжал раздавленным в моральном отношении.

А вскоре пришло сообщение: «Гражданин Вилкин осужден за пьяную драку к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима».

Господи, как несправедлива судьба! Погиб прекрасной души человек. Осиротели дети... И за что? Подонок, он и остался подонком...

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ

(Рассказ)

Он вошел к нам в редакцию возбужденный и завидно веселый. Вошел стремительно, будто распахнулось окно, и в комнату ворвался весенний ветерок, рванул, зашуршал шторы и раскидал по столу листы бумаги, сбросил их на пол.

- Здравствуй. Вот проездом... Дай, думаю, взгляну. Как-никак встречались когда-то. Узнаете?

Демисезонное пальто нараспашку, белоснежная рубашка, черный галстук сбился на сторону, из-под кепки - темнорусый вихор и веселые с залоринкой светло-карие глаза. Ба-а-а! Да это Владимир Бакуменко.

- Откуда, какими судьбами? - вскакиваю я со стула навстречу гостю.

Обнялись, похлопали друг друга по плечам и постепенно, когда улеглось возбуждение (обычное дело при встречах), мы разговорились. Но говорил больше Владимир, вспоминал, рассказывал и часто заразительно смеялся.

- Вызывает, значит, меня начальник отдела кадров нашей шахты и говорит: «Собирайся, завтра поедешь в командировку к соседям в Осинники. Они сейчас у себя осваивают новый подземный комбайн, и к нам вот-вот придет такой же. Руководство обсудило кандидатуры, кого послать на учебу. Подобрали из всего коллектива восемь человек. В том числе и тебя. Так что давай оформляй командировочные...». Обрадовался страшно! Значит, доверяют, ценят и хотят, чтобы я рос. А мне-то это как бальзам: заманчиво же сесть за пульт новейшего агрегата, правда? Да и не был я в этих местах с шестьдесят четвертого... Как освободился, так и не был. Повидаю, думаю, кого-нибудь из старых знакомых. Вот и заскочил.

Ну, раз уж упомянул об освобождении, начну с самого начала. Надеюсь, вы по-

мните тот день, когда я освободился досрочно. Я заходил к вам тогда. Больше двух лет с тех пор прошло. Срок, конечно, не так уж большой, а сколько событий!..

В общем, приехал домой, в Прокопьевск. Куда пойти работать? С чего начать? Мужики за тридцать, а по человечески-то еще и не жил...

Владимир говорит возбужденно и сбивчиво, энергично жестикулируя, часто, оборвав себя на одном, начинает рассказывать о каком-нибудь интересном эпизоде из своей жизни, вновь возвращается к прерванному, и так без конца. Коротче, того порядка в рассказе, о котором Владимир предупредил в самом начале он, к сожалению, не придерживается.

- Расслаживаться, отдыхать после лагерной житухи, сами понимаете, некогда было. Мать одна, два брата учатся, а у меня костюма доброго нет, на улицу даже выйти стыдно. Да притом, когда пришел в колонию с повинной и рассказал о пяти квартирных кражах, о которых я когда-то утаил и они оставались нераскрытыми, комиссия и областной суд приняли решение возместить ущерб, нанесенный гражданам, пострадавшим от моих краж. Ох и волновался я тогда на суде, рассматривавшем мою явку с повинной. Добавочного срока я, конечно, не боялся, а вот, подишь ты, трясло. Но новый срок был поглощен прежним приговором. А вскоре меня представили к условно-досрочному освобождению. Ну и вот. Освободился, значит, а за плечами иск более чем на десять тысяч... Все деньги, что были на лицевом счете, ушли на погашение долгов, но и их не хватило рассчитаться полностью, почти на легковую машину еще осталось. За ворота вышел в эковской робе. Дома переоделся в поношенное.

Решил пойти работать на шахту. Пошел только за тем, чтобы подзаработать, расплатиться с долгами и приодеться. Не думал тогда, что эта работа полюбится.

Направили горнорабочим очистного забоя. Раз спустился под землю, два и понял: вот оно, любимое дело, без которого даже в выходные руки зудят. Уволь меня сейчас - с горя удавилось... - Владимир смеется. - Не верите? Ей-богу! - и гость шутиливо осеняет себя торопливым крестом. - И, уже посерьезнев, продолжает: Через несколько месяцев, где-то в мае шестьдесят четвертого, направили меня на восьмимесячные курсы комбайнеров врубочных машин. Выучился.

А тут вскоре встретил я свою... Лидой зовут. Влюбился, как семнадцатилетний мальчишка. Медик она у меня, врач-терапевт, - и Бакуменко опять смеется. - Замучила заботой. Стоит только кашлянуть или чихнуть, сразу начинает таблетками пичкать.

Эх, а о самом главном-то я вам и не сказал. Сын ведь у меня Юрка. Десять месяцев ему уже. В честь Юрия Гагарина назвали.

А шустряга! Ходить начинает... Все сделаю, чтобы он не повторил судьбу моей молодости, - помолчал, будто что-то вспоминая, О чем хотел еще рассказать.

- Да, кстати, пару слов о нашем семейном достатке. Зарабатываем мы с Лидой 330-350 рублей в месяц. Вначале из моего заработка высчитывали в счет погашения иска двадцать процентов. Посоветовались мы с Лидой и решили пожить на одну зарплату, пока я не погашу долг. И вот сейчас все в порядке. Расплатился. Хвастаться не буду, но живем мы в достатке. Телевизор «Верховину» за 367 рублей купили, комнатный гарнитур - за 1087 рублей, ну и все на себя...

В прошлом году в ноябре профсоюзный комитет шахты выделил нам с женой путевки в Сочи. Съездили, отдохнули. Проездом останавливались в Моск-

ве, посетили Третьяковку, Мавзолей, Кремль и другие достопримечательности столицы.

Владимир посерьезнел, нахмурился.

- Вот проехал я по стране, посмотрел, как живут люди, как работают, и обидно стало за свое прошлое, за тех, кто еще в колониях. Черт возьми, какой же я был дурак в молодости. Не берусь осуждать тех, кто сел в военные и послевоенные годы, сам через это прошел. Понимаю, трудно было. Может быть, и толкал тогда голод, особенно неустойчивых, на преступления. Меня, тогда дурака несмышленого, не голод, а романтика толкнула на кривую дорожку... Не буду повторяться, я вам о том времени подробно рассказывал еще на особом.

Помните, вы приезжали и писали статью о рецидивистах, явившихся с повинной, у кого были за плечами нераскрытые преступления? Ну вот. Я веду речь о тех, кто совершает преступления сегодня. Что их толкает на это? Что, хлеба нет?! Работай, и все будет! У меня, например, на сегодняшний день даже на книжке сбережения есть. Коплю на ремонт дома матери. Этим летом займусь перестройкой.

Владимир на миг умолкает и тут же оживает.

- Вот недавно был у меня случай. В соседнем, доме, где сейчас живу, есть квартира на первом этаже, которую я когда-то обокрал. С работы и на работу постоянно прохожу мимо ее окон, и, понимаете, смотрю на них, а в душе какой-то червь гложет: люди-то, наверное, до сих пор меня клянут. Зайти бы надо, извиниться, пусть зла на сердце не держат, не тот ведь я сейчас. И решился однажды. В выходной приоделся и прихожу с бутылкой шампанского. Хозяин растерялся, вижу - тревога в глазах; чего, мол, он, бандюга, явился, наверно, деньги требовать, которые выплатил за похищенные вещи? Двое ребятишек играют, жена на кухне у плиты. А у меня слезы на глазах. «Простите», - говорю...

Поняли они меня. Такие сердечные люди оказались. «Вещи, - говорят, - дело наживное. А вот совесть-то, она, брат, всегда напоминает о себе...» И так мне хорошо стало. Ну хоть реви...

Побывали и они у нас с Лидой в гостях...

Или вот, помню, на суде, когда рассматривали дело о моей явке с повинной о пяти квартирных кражах (в милиции такие нераскрытые преступления называются «висяком»), судья, пожилой такой дядька, задает вопрос: «Скажи честно, Бакуменко, какую цель преследуешь, явившись с повинной?» - и в глаза пытливо так смотрит, будто в душу заглядывает. Я растерялся. Цель? А я о ней почему-то не думал. Просто невыносимо стало носить камень на душе. Давит и давит. А когда суд прошел, будто огромная гора с плеч, распрямился, и даже дышать легче, стало...

Владимир неожиданно оборвал себя и, посмотрев на наручные часы, заторопился:

- Ого, засиделся я. У нас сегодня ответственное дело. Надо спешить. Во вторую смену в шахту спускаюсь. Осваиваем новый комбайн, и, уже взявшись за ручку двери, полуобернувшись, тепло улыбнулся, пригласил:

- Будете в Прокопьевске, заходите. Очень будем с Лидой рады. Правда, вечерами я частенько допоздна задерживаюсь, с работы в вечернюю школу хожу. Девятый класс «добиваю». Мечтаю в институт поступать, хочу диплом горного инженера получить. Вы днем и в выходные старайтесь меня застать...

Помахал рукой и исчез. И в кабинете чуть грустно стало, ушел человек и будто

какую-то часть тепла унес с собой. Есть такие люди, с которыми рядом комфортно и разговаривать приятно, и молчать нескучно...

Задумался я, вспомнил поездку в колонию особого режима, свою первую встречу и беседу с Бакуменко - особо опасным рецидивистом, в прошлом вором в законе. Посоветовал побеседовать с ним замполит Леонид Семенович Поляков:

- Интересный материал в газету может получиться. Человек на изломе.

- В каком смысле? - переспросил я.

- Это когда человек уже не может жить по-старому, а жить по-новому еще не начал: стоит как бы в начале подвесного моста через глубокую расщелину, мост качается, а он стоит и шагнуть страшится. Вот в таком положении и Бакуменко. Между прочим, за его плечами, оказывается, пять нераскрытых преступлений - квартирные кражи. На днях написал в прокуратуру заявление - явку с повинной. К сведению: вор в законе, коронован в двадцать два года, имея за плечами пять судимостей. Сегодня у него шестая ходка. Решил завязать. Воровской мир в таких случаях особо не приветствует решение какого-то авторитета о завязке, но и не препятствует его решению. Это только в книгах и кинофильмах лишают жизни за отступничество.

И вот сидим с Владимиром Бакуменко в колониjsкой библиотеке - небольшом помещении при клубе со стеллажами книг с подшивками газет на двух столах, к которым приткнуто по паре табуреток для посетителей, - за одним из таких столиков пристроились, разговорились.

На мою просьбу, переданную через начальника отряда, встретиться Владимир откликнулся охотно. В библиотеку его привел надзиратель и ушел по своим делам, согласившись с моим настоянием не мешать нашей беседе и не мозолить глаза. Владимир был коренаст, сухошав, его скуластое с прямым носом лицо было в меру грубоватым и в меру (по мужским меркам) симпатичным. Цвет лица - бледность с оттенком желтизны - свидетельствовал о длительном камерном содержании, без доступа солнечных лучей и чистого, замешанного на освежающем ветерке, воздуха. На вид ему можно было дать лет тридцать пять, однако полосатая роба особого режима старила значительно. А вот глаза были, удивительные, они светились какой-то теплотой, и в них был такой неподдельный интерес, что казалось, они вот-вот разберут тебя на части и начнут изучать каждую детальку с дошностью натуралиста.

С ним было интересно беседовать, чувствовалось, он до того изголодался по свежесту человеку, по новостям с воли, что готов был слушать обо всем на свете и во всех подробностях. Наговорившись мысленно сам с собой до одури, он поведал мне все, что накопилось у него за душой за долгие годы отсидки. Он увидел во мне заинтересованного собеседника, сопереживающего вместе с ним все передряги и былые жизненные невзгоды, которому понятна и близка та боль, что когда-то обожгла его нутро.

Дважды приходил надзиратель, но я отмахивался, и он покорно исчезал за дверью.

Мне не хочется во всех подробностях воспроизводить сегодня весь наш разговор, в нем мы затронули уйму тем, остановлюсь на на его рассказе о детстве и на том, как сложилась судьба в местах не столь отдаленных.

- В возрасте тридцати лет у меня было уже шесть судимостей, - с тоской в голосе рассказывал Владимир. - Первый раз судили, когда мне не было пятнадцати

лет.

У нас много и в газетах, и в журналах, и в книгах писали и пишут о том, что возвращению преступника к нормальной жизни способствовало и способствует его окружение - те, кто воспитывал, кто помог разобраться в себе, кто устраивал на работу.

Все это правильно, такая помощь извне необходима. Но все-таки это - помощь извне, главное же - внутренняя, нравственная работа человека, тот переворот, который происходит в твоей собственной душе.

Детство начиналось и оборвалось в Прокопьевске. Было оно, как и у всех ребяташек военных лет, несладким: в нужде, в безотцовщине, постоянно сосущем чувстве голода. Мать работала на шахте. Ее и еще с десяток женщин каждую неделю отправляли в тайгу на заготовку леса, который там же распиливали на рудстойки. Неделю их бригада работает, неделю - другая. И так они менялись.

В отсутствие матери я оставался один - у нас был небольшой частный дом, шел мне тогда двенадцатый год. Два брата появились у меня уже после войны. И вот в отсутствие матери все хозяйство было на мне: печь истопить, в доме прибрать, еду приготовить, карточки отovarить. Однажды случилась беда: в магазине, в очереди, у меня украли карточки - и продуктовые и хлебные. По тому военному времени это было чуть ли не самое страшное. Стоял я в магазине и ревел горькими слезами - мать должна была вернуться вечером, и мне нечем было ее накормить.

И подошел ко мне парень, которого я часто встречал на улице, звали его Хват, и все в общем-то знали, что он карманный вор. Узнав, что случилось, он пообещал мне достать точно такие же карточки:

- Не реви, я сейчас, - и вскоре приносит карточки, почти один в один с моими.

Я был на седьмом небе от счастья. Конечно, будь я постарше, нашел бы другой путь, обратился бы к взрослым, в милицию. Но я был мал. А услуга, которую Хват потребовал, была не так уж обременительна: на мне был дом, где можно было собираться в отсутствие матери.

Как видите, пути в преступный мир бывают разные, у каждого свой, моя история далеко не оригинальна: нужда, отсутствие отцовской и материнской опеки, беда, услуга, и расплата за нее Стали парни у меня собираться, и началась для меня новая жизнь, на парней смотрел я с обожанием, а когда меня взяли «на дело», я был горд и счастлив так, словно был принят в какой-то рыцарский орден, будто вошел в ряды бесстрашных героев.

А герои мои обокрали какой-то склад, я получил свою долю почти полную наволочку денег. Я не знал, куда их девать. Теперь я стал неприкосновенным для сверстников на улице, стал богатым, забыл сосущее чувство голода.

Я получил право присутствовать на воровских сходках. Правда я еще не имел на них права голоса, но смотрел во все глаза, и слушал во все уши. Так, постепенно взгляды воров на жизнь, их нравы и законы капля за каплей проникали в мою душу.

Мне было двенадцать, я уже пил, курил, стал потихоньку играть в карточки - все это считалось признаком мужественности.

Насколько я теперь представляю себя тогдашним пацаном, поначалу во мне существовали как бы два уровня нравственности и их ценности. Первый - все то, что считалось среди моих новых друзей достоинством в преступном мире, и

второй - это мои мечты: шла война, и я очень хотел стать разведчиком или партизаном, как Зоя Космодемьянская. И я полагал, что теперь, став настоящим мужчиной, могу осуществить и вторую свою мечту.

Мать, увидев во мне перемены, забеспокоилась, стала ругаться, попыталась контролировать мои поступки. И тогда я со своим лучшим другом решили бежать на Северный Кавказ, рассчитывая попасть в партизанский отряд, но не доехали до Томска, нас сняла с товарняка милиция. Чтобы не вернули домой, наврали с три короба, и начались скитания по детдомам и колониям для несовершеннолетних. Я вернулся к вора, и на этом закончилась моя мечта о партизанах и разведчиках. Во мне постепенно заглохло все то, чему меня учили бабушка, отец до ухода на фронт (он погиб вскоре после того, как его призвали), мать, учителя в школе. Никакие сомнения теперь не приходили мне в голову. Я был преисполнен самодовольства, не допускал, мыслей, что что-то не так, что я приношу кому-то беду. Я уверовал, что так надо и что так должно быть.

Далеко не всех уголовников я считал себе равней. Хулиганы, мелкие грабители; насильники, перекупщики краденого - их я презирал, но не потому, что они были бесчестны, а потому, что в воровском мире они стояли ниже меня по «рангу». Вору были для меня единственно стоящими людьми.

Я жил в тюрьмах и колониях. Выходил на свободу, совершал новые кражи - чаще всего в магазинах и на складах, в поездах и автобусах - и снова возвращался в тюрьму. Я считал это нормальным явлением - быть в тюрьме и жить по ее законам. Свобода мне нужна была только для того, чтобы отдохнуть, как сходить в отпуск, сорвать фартовый банк и вновь - на нары.

Безграмотностью своей я гордился. Когда мне предложили прочесть книгу классика, я долго хохотал. Что она мне даст?

Теперь я понимаю, чем человек невежественнее, тем он до ожесточения категоричен. Других мнений, кроме своего, он не приемлет, отменяет напрочь. Он даже жесток к инакомыслящим.

Мне было двадцать шесть, когда один из товарищей - воров (наши койки в бараке стояли рядом) однажды спросил меня задумчиво:

- Слушай, Абакум (погоняло было у меня такое, созвучие с фамилией), не ужели у тебя никогда не возникло чувства противоречия в душе?

- А что это такое? - спросил я.

- Ты что, слепой? Не видишь, что делается вокруг?

- А что делается такого?

- Да ведь есть и другая жизнь.

Это был мужик в возрасте, имел за плечами несколько ходок на зону и не один десяток лет отсидок. Он был значительно старше меня, и в его голосе я услышал что-то такое, что мне слышать от собратьев доселе не приходилось. Прозвучала затаенная нота сожаления о потерянных годах, какое-то раскаяние. Он больше ничего не сказал, ушел в свои мысли, откинувшись на подушку и закинув руки за голову. А я долго-долго ходил по тротуару вдоль барака и думал, курил, нервничал и впервые анализировал. Почему мой наставник, вор в законе, так печально сказал о другой жизни? Чем она привлекательна, что о ней с затаенной тоской думает даже тот, кто ни на шаг не отступал от воровских традиций? В чем ее сладость?

Это была первая небольшая трещина в моих взглядах. Не все, оказывается, было мною забыто о тех временах, когда

я жил с матерью и мечтал стать разведчиком или партизаном.

А вскоре я загремел в одиночку, есть такие камеры на зоне. За мои деяния должны были возбудить уголовное дело, и мне корячился новый срок, но хозяин с замполитом пожалели, распорядились отправить в одиночку.

- Завалите его книгами, - приказал хозяин колонии, - и заставьте думать.

Одиночка - это когда ты наедине с собой. Сперва я там плясал и пел, но этой лихости хватило ненадолго. Я стал читать и думать.

Первая книга - «Девяносто третий год» Гого. За что я полюбил его героев, мне трудно было объяснить, ведь у меня были другие критерии оценки благородства. До сих пор героями для меня были те, кто умел владеть ножом, картами и отмычкой. Мои новые герои тоже были смелыми, но проявляли они эту смелость по-иному, они были бескорыстны и великодушны, даже к врагу.

Второй книгой, которая тоже взбудоражила меня и долгое время не давала покоя, была «Сильные духом» Дмитрия Медведева. Ведь я когда-то мечтал быть вместе с его героями, но в какой-то момент наши пути разошлись, вернее, моя колея резко ушла в сторону.

Число любимых героев росло. Правда, я еще не дошел до того, чтобы жалеть бедного Акакия Акакиевича Башмачкина, с которого сорвали шинель, такую для него дорогую, что хоть в петлю, но рассказ Джека Лондона о собаке, которую гонят и бьют, был мне уже понятен и близок. Но особенно ошеломляющее впечатление произвела на меня книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Она все перевернула у меня в душе. Как в зеркале, я увидел свое прошлое на фоне тех событий, что описывает писатель, и мне нестерпимо захотелось вычистить грязь, накопившуюся в душе. А как? Я еще не знал. Но уже начинал нащупывать пути выхода из обступившего болота.

Между прочим, Николай Островский не только мне одному помог прозреть. Позднее я узнал, что в Москве, в музее писателя есть письмо человека, не желавшего себя назвать. Датировано оно еще довоенным сроком - 24 ноября 1940 года. На треугольнике письма надпись: «Тому, кто сделал меня человеком». А вот, что написал анонимный автор: «Дорогие, товарищи! Эти строки пишет тот, кого Николай Островский, не ведая о том, сделал человеком, помог переродиться.

Я бывший вор. Однажды в 1937 году в украденном мной чемодане оказалась книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Я перелистал ее в надежде найти между страницами записку хозяина, потом мимоходом прочитал несколько строк и... не оторвался, пока не прочел книгу от первой до последней страницы. Прочитал - и все во мне перевернулось, стало стыдно, что жил до сих пор наперекосок. Я впервые задумался... Ведь так и сдохну, всеми презираемый, люди-то шарахаются от меня, как от прокаженного. А чтобы втереться им в доверие - надо всю жизнь лгать, изворачиваться, притворяться, что ты чистенький и что у тебя за душой нет никаких злых умыслов.

Я пошел учиться, попросился на работу, начал потихоньку шаг за шагом очищаться от налипшей грязи, избавляться от дурно пахнущих корост. Сегодня я равноправный член общества. Работаю на руководящей должности. Организаторские способности есть, они остались. Люди меня уважают...».

Помогла переродиться книга Островского, как я говорил выше, и мне. Как только я внутренне настроился по от-

ношению к тому миру, в котором жил, я начал соображать, что в этом мире не все ладно, что все неписанные воровские законы - это напускное, что в них много фальши и многие вору не идеальны. Мне, например, уже не казалось справедливым, что отнимаю у других заключенных половину присланной им посылки, ведь они также несут лагерные тяготы и лишения, однако я усугубляю их беду, отбирая крохи, приходящие из дому от престарелой матери или плохо обеспеченных родственников. Или еще такой пример. Разве справедливо унижать, превращать в рабов слабых духом, неустойчивых заключенных, брать с них поборы в воровской общак из тех мизерных денег, что они зарабатывают на тяжелом лагерьном производстве - на лесоповале или строительстве.

Появилась масса других вопросов, о которых я раньше не задумывался, считал - так надо, а теперь они не давали покоя. Они были схожи с бедой, которую не видишь, но уже интуитивно ощущаешь ее приближение. У меня обострилось чувство вины перед матерью, раскаяние, что принес ей столько страданий. Я начал писать ей письма, теплые, нежные, в надежде вымолить прощение. Мне очень хотелось помочь ей материально, а как? Отбирать у беззащитных работяг? Это несправедливо. И я пошел работать на прямое производство, а в свободное время принялся самостоятельно и интенсивно учиться. Вместе с художественной литературой брал в библиотеке учебники для средней школы и постигал то, что упустил в свое время, будучи пацаном.

И однажды на сходке я заявил своим товарищам-ворам, что решил завязать с прежним образом жизни. Для них это был шок. Они были в ярости, некоторые даже предлагали убить меня за отступничество, но в конце концов смирились, отлучили меня от общака, предупредив с презрением, что с этого момента я для них сямка и всякой защиты и привилегий как вор в законе лишен. А я вздохнул с огромным облегчением, будто разогнулся, скинув с плеч непосильную ношу. Не буду скрывать, были сомнения: а может, зря я отошел от касты привилегированных, особенно когда какая-нибудь сволочь из блатяков начинала качать права, но я брал себя в руки, и минутная слабость отступала.

Приближался конец срока. Через полтора года должен был начаться новый этап в моей жизни. Но однажды замполит на политзанятиях прочитал одну статью, не то в «Известиях», не то в «Комсомолке» - сейчас уже не помню. Речь в ней шла о явке с повинной. Вернее, один парень рассказывал о себе. Отбывал срок за кражу. Освободился по звонку, устроился на работу, женился, через год сын родился, квартиру дали. И вдруг - милиция с ордером на арест. Загребли. Молодая жена в истерике, как, за что, почему? Оказывается, все законно. По молодости дело было, по пьяни угнал мотоцикл, продал, денюжки - известное дело - прокутил. А когда спалился на другой краже, на суде об угоне мотоцикла умолчал. И вот, спустя почти десять лет, дело раскрутили, вышли па истинного угонщика и замели. Парень на себе потом волосы рвал, почему, отбывая срок за кражу, не явился с повинной. Ну, добавили бы год-полтора, а то и поглотили бы имеющимся сроком (таких фактов больше чем достаточно). Суд впаял законный пятерик за угон автотранспортного средства. Черт возьми! А ведь у меня история похлеще - за плечами аж пять квартирных краж висят. В свое время я даже гордился в душе и перед близкими друзьями, какой я ловкий и хитрый, сумел так замести следы, что ментам не по зубам

оказалось их раскрыть, А не получится ли так, как с тем парнем? Освобожусь, а через какое-то время всплывет былое, пусть даже одна какая-то кража? Ведь у меня и поделнички были, вдруг кто-то из них опалится или явится с повинной и потянется ниточка ко мне? И все - начиная сначала? Вот фокус будет...

В общем, долго я размышлял и все-таки пришел к выводу: пока не поздно, надо идти с повинной. Я написал заявление в прокуратуру, где, когда ломанул квартиру и что увел. Сегодня пришло подтверждение: да, такие квартиры в указанные сроки действительно были ограблены. Уже дважды приезжал следователь. Скоро будет суд.

Берет ли мандраж? Есть маленько. Но уж пусть он будет сегодня, чем будет подтачивать постоянно, когда освобожусь, а вдруг всплывет? Как состоится суд, я вам напишу...

Та наша встреча и беседа с Владимиром Бакуменко закончилась. А месяца через полтора в редакцию от него пришло письмо, восторженное и оптимистичное. Он писал: «...Ура! Ура! Ура! Я очистился! Состоялся суд по моей явке с повинной. Новый срок поглощен прежним приговором, так что освобожусь ни на день позже. Правда, присудили иск по возмещению людям ущерба, нанесенного мной в результате краж. Ерунда - расплачусь! Зато я чист!...»

...Прошло более двух лет с того дня, как к нам в редакцию заходил Владимир. Редактор Семен Иванович Поломарчук, листая как-то подшивку нашей многотиражки, вдруг произнес:

- Интересно, как сейчас поживает наш герой Владимир Бакуменко? Наверное, в институт поступил. Упертый. А ведь станет горным инженером, как задумал, - и, обернувшись ко мне, продолжил: - Ты бы, Максимыч, съездил в Прокопьевск, встретился с ним. У вас есть о чем поговорить. Может, хороший материал в газету получиться.

И я поехал. Нашел в своих блокнотах адрес, оставленный Владимиром на всякий случай, и купил билет на междугородный автобус. Еду, мысленно прокручиваю, с чего начать разговор, как его построить в дальнейшем, намечаю, куда мы завтра сходим. Естественно, на шахту, неплохо было бы познакомиться с его бригадниками. Кстати, приехав на место, надо купить жене Владимира цветы, а сынишке какую-нибудь игрушку. Папану, наверное, уже три года, а может, и прибавление в семье есть?

Подхожу к указанному в адресе дому, а на душе как-то неуютно, будто предчувствие какое-то давит. Вот и нужный подъезд. Какие-то люди толпятся, входят-выходят, человек тридцать, не меньше. Обочь дверей стоит прислоненная к стене обитая кумачем с обрамлением траурных лент крышка гроба, рядом - с десяток венков из искусственных цветов. Заколотилось сердце, заныло. Неужели...

Предчувствие подтвердилось. Хоронили Владимира.

Боже! Как печально сложились обстоятельства. Ехал к человеку поговорить по душам, помечтать о будущем, коснуться прошлого, а попал... на его похороны. От неожиданности было больше вдвойне...

На супругу Владимира смотреть было тяжело, чувствовалось - держится из последних сил. Выражая соболезнование, я коротко представился. Подняв затуманенные, полные слез глаза, она какое-то время непонимающе смотрела на меня, потом тихо обронила:

- Он много рассказывал о вас...

...Это случилось три дня назад.

Звено Бакуменко, отработав смену, направлялось по штреку к подъемнику на-гора. И вдруг в спину толкнула тугая горячая волна, а следом из бокового штре-

ка кровавым отсветом полыхнули и погасли языки пламени, грохнул, ударив по перепонкам, взрыв, и покотился гул, закружилась, заполняя все пространство штрека, густая угольная пыль. Сбитые взрывной волной, оглохшие и ослепшие шахтеры попадали в грязь, но через какое-то мгновение, вскочив, метнулись прочь, в направлении подъемника. Только Владимир Бакуменко бросился назад, в клубящуюся пыль, где грохотало, и с треском лопались стойки, обваливались своды шахтовой выработки.

- Куда?! Назад! - заорал его напарник - помощник машиниста комбайна Михаил Литвиненко.

- Там же люди... - услышал он в ответ хриплый голос Владимира, и тот исчез в клубах пыли.

Спасатели нашли его первым. Владимира завалило породой недалеко от входа в боковой штрек. В тот раз от взрыва метана на шахте погибло пять шахтеров и более десяти горняков получили тяжелые травмы и ожоги.

Очень непросто складывалась жизнь Владимира Бакуменко: отрочество, молодость, да и в зрелом возрасте немало лет прошли у него за колючей проволокой. Но нашел в себе силы, порвал с прошлой воровской жизнью и начал ее с чистой страницы, обрел наконец-то крылья для полета, но оборвался полет, оборвался на взлете... И очень горько сознавать, что так неожиданно ушел из жизни человек, мечтавший о счастье, очень хотевший доказать себе и окружающим, что он способен и на добрые дела, что в его душе есть еще неизведанные светлые стороны.

Он мечтал создать крепкую счастливую семью, и он ее создал. Мечтал о сыновьях, которые бы выросли достойными мужчинами, не повторив его черную судьбу в молодости. И пусть сегодня его сыновьям - Юрию и Костику - совсем мало лет (одному - три, а второму - полтора годика), верю, они вырастут, оправдав чаяния и надежды отца. Верю...

...Очень тяжелой оказалась для меня эта журналистская командировка. Таких тяжелых не было ни в прошлой, ни в последующей работе в газете.

СТОЛКНОВЕНИЕ ТЕПЛОВОЗОВ

(Рассказ)

Этот рассказ дался мне очень нелегко. Я много раз пытался написать его, начинал и после нескольких строк откладывал. События, которые послужили сюжетом рассказа, связаны с трагедией, случившейся с близкими мне людьми, и только одно воспоминание о них вызывает ноющую боль в груди.

- Ну, я побежал. Времени в обрез, - встал из-за стола Андрей и, дожидывая на ходу свой утренний бутерброд, направился в прихожку. - За тобой, Лид, сборка рюкзаков, особенно с провизией. Тебе в магазин к десяти, вот и займись, пожалуйста. Кстати, удочки и все снасти я упаковал, они в темнушке (так они между собой называли чуланчик рядом с ванной, где хранились па полках пустые банки из-под солений, на вешалке - сезонную одежду).

- Андрюш, ты же знаешь, я никогда не подводила. Все сделаю, - с легкой обидой в голосе бросила жена, идя следом за мужем и подавая, пока он обувался, куртку и кепку с вешалки. - Надеюсь, наш маршрут прежний?

- Конечно! Прошлые выходные неплохо брала на Сенном плотва. Ведро надер-

гали. Вдруг вновь повезет. Ну, до вечера. Не задерживайся в своем магазине, а то опять бегом до поезда придется нестись.

- Сам не задерживайся. Давай беги. У тебя действительно времени в обрез, мужики, наверное, уже матерятся, собравшись у вахтовки.

- Две минуты подождут. Пока! - и Андрей хлопнул дверью.

- Пока, пока.

Людмила глянула на часы - начало восьмого. Прежде чем взяться за рюкзаки, убрала со стола, помыла посуду и застелила постель в спальне - вечером будет не до уборки.

...Сколько помнила себя, она с малолетства страстно любила рыбалку. До горючих слез доходило, когда братья, собираясь на речку или озеро с удочками, решали: брать или не брать ее с собой. А потом, у босоногой девчонки были свои снасти, и ни одна рыбалка братьев без нее уже не обходилась. Братья, случалось, и психовали, когда, подсчитывая улов, обнаруживали, что соплуха опять обрыбалила их.

Подружек у нее почти не было, и все из-за ее странного пристрастия: девчонки - на танцы, она - на озеро встречать вечернюю зорьку на прикормленном месте. Но зато в поселке Пукса знали ее все, кто хоть раз грелся у ночного костра на берегу и встречал первые лучи восходящего солнца.

Подросла, девкой стала, школу закончила и устроилась продавцом в поселковый магазин. Ей несказанно повезло (с работой для женщин в поселке - проблема), а тут такой фарт: вчерашняя школьница - и продавец. Подгадала прийти в отдел кадров торговдела в день увольнения одной из продавщиц хозтоваров, уезжавшей с мужем в другой район.

В тот же год поступила в торговый техникум на заочное отделение. Но ни работа, ни учеба в райцентре, куда ездила еженедельно, не заглушили в ней тягу к рыбной ловле. Когда случались свободными часок-другой, Людмила спешила с удильщиками на плече к озеру.

В это время она познакомилась поближе и сдружилась с Ольгой Константиновной Галухиной - женой редактора многотиражной газеты Пуксоозерского лаготделения. И хотя женщина была почти вдвое старше Людмилы, по увлечению они стали как ровесницы. У Ольги Константиновны была своя лодка - плоскодонка, изготовленная поселковым мастером по заказу мужа для любимой жены. Сам же редактор рыбалку не любил, и приходилось Ольге по утрам, одной махать веслами до дальних островов, где у кромки камышей неплохо брали язи, крупная плотва и другая более солидная рыба.

Сдружившись, заядлые удильщицы почти каждый выходной уплывали на середину огромного озера к островам на излюбленные места и, случалось; ночевали на каком-нибудь из них, наслаждаясь ночной тишиной и покоем у затухающего костра, вели нескончаемые разговоры, тесно прижавшись спина к спине для сугрева на еловой подстилке. Разговоры порой затягивались до розовой полоски на востоке.

Когда я услышал о самозабвенно влюбленных в рыбалку пуксинских женщинах, естественно, поразился и очень захотел познакомиться с ними, потому как не каждый день встречаются представительницы прекрасного пола, разбирающиеся в рыболовных крючках, мормышках, блеснах, насадках и всех секретах чисто мужского увлечения. И вскоре такой случай представился, через бывшего сослуживца из «Кузбасса».

Леонид Федорович Галухин, как оказалось, был тоже из сибиряков и даже из

бывших моих сослуживцев, когда-то начинал службу в одном из лесозаготовительных подразделений Кузбасского ИТУ. Но здесь придется сделать отступление в недалекое прошлое.

В начале шестидесятых по дурости первых руководителей Компартии Советской державы (Хрущеву тогда хотелось выпендриться перед Западом) было осуществлено значительное сокращение комсостава в Вооруженных Силах громадной страны. Практически из всех родов войск без какого-либо пособия и последующего денежного содержания было уволено более двухсот тысяч офицеров, многим из которых до установленной пенсионной выслуги оставалось не более двух-трех лет. Необходимости в сокращении не было, была показуха. Под эту чистку попал и капитан погранвойск Леонид Федорович Галухин. Помыкавшись без специальности по отделам кадров заводов и фабрик бывший пограничник предложил свои услуги в ИТУ. Взяти. Воспитателем в самую глухую таежную колонию. А куда мужику деваться - семьью-то кормить надо. Восстановили в звании.

Обладая незаурядными литературными способностями, особенно в поэзии, Леонид Федорович вскоре привлек внимание журналистов газет и журналов, издававшихся для сотрудников ИТУ МВД. Его стихи и басни частенько публиковались на страницах как областных, так и центральных периодических изданий. Благодаря этим публикациям ему и предложили возглавить многотиражную газету в Пуксоозерском лагуправлении.

Вот через него я и познакомился с его супругой Ольгой, поразившей меня своим неженским пристрастием. В день знакомства Ольга Константиновна со своей напарницей угостили жареными язями, я от такой вкуснятины чуть язык не проглотил. Так мы сдружились и частенько встречались не только за столом с закусками, но и у рыбацкого костра на берегу озера или тихостройной реки.

Людмила окончила техникум, получила диплом товароведа и воспользовалась приглашением в Североонежск, где стала заведующей магазином хозтоваров. Здесь же нашла свою половинку - молодого специалиста, получившего направление в Североонежское управление по окончании Архангельского лесотехнического института. Парня звали Андреем, он работал в первом лаготделении мастером лесозаготовок. Но самое главное, он, как и Людмила, был страстно влюблен в рыбную ловлю. Родные души по увлечению и поженились. Сегодня у них два сына, старшему - десять, младшему - восемь.

Частенько по надобности и без надобности я заглядывал в хозяйственный магазин и всегда интересовался у симпатичной хозяйки, как дела, давно ли были с супругом на рыбалке, где были и каков улов? Мне нравилась Людмила Васильевна, на моих глазах превратившаяся из красивой девушки в симпатичную женщину с веселой искринкой в карих глазах и постоянной улыбкой на выразительных, чуть полноватых губах.

...Забегал я по каким-то делам в хозяйственный магазин и сегодня. Людмила встретила меня, радостно улыбаясь, как близкого человека, с которым не виделась целую вечность.

- Здравствуйте, Людмила Васильевна.

- Здравствуйте, здравствуйте...

- Смотрю, вы сегодня какая-то возбужденная, аж вся светитесь?

- А чего не радоваться? Пятница, впереди два выходных. Едем с Андрюшей на рыбалку. Два дня на озере - это же прелесть! - Людмила даже прищурила свои искристые глаза от блаженства.

- Завидую, - вздохнул я. - Всей семьей едете, с пацанами?

- Нет. Сыновья у бабушки гостят. Мы на лето их к дедам на Пуксу отправили. Ну а вы-то как? Куда-нибудь едете на выходные?

- Не получается. Комиссия из Главка нагрнула... В воскресенье на берегу Онеги отдых гостей организовывать буду с шашлыками.

- Жалко. А мы - на Сенное. Прошлый раз неплохо плотва брала, да и жор шуки должен начаться, жерлицы раскидаем.

- Вечерним пассажирским выезжаете?

- Нет. Пассажирский поздно отправляется - в десять, и на пятьдесят первый километр только к полуночи доберешься, а потом в темноте до избы пять верст спотыкаться... Мы - грузовым. Он на Ундозеро в семь вечера отправляется. Договариваемся с бригадой тепловозников - ребята нас знают, не отказывают, на место засветло добираемся...

- Ну, удачи вам.

- Спасибо!

...Состав порожняка из десятка полувагонов стоял у пассажирского перрона, откуда тепловозом их гнали под погрузку на нижний склад четверки Ундозерского лаготделения. На полпути часть вагонов тепловозники оставляли на промежуточном складе шестой колонии, где осуществляли маневровые операции, загоняя порожняк в тупик, и через полчаса отправлялись далее.

До отправления грузового состава оставалось минут десять, когда Людмила и Андрей с рюкзаками за плечами, запыхавшиеся и разгоряченные, появились на дощатом настиле, проложенном через узкую полоску болотины, которая пролегла между поселком Икса и железнодорожной станцией. Низина густо заросла ивняком, ольховником и хилыми корявыми березками. Весной и в сыкотную погоду в низине меж кочкарника и кустов скапливается вода, она хлюпает под досками настила, прогибаяющимися под подошвами прохожих, в иных местах через стыки и щели выдавливается жижей на настил. Но нынче лето сухое, и в низине - ни капли влаги.

Чуть ли не бегом Андрей с Людмилой миновали настил и устремились наискосок по путям к грузовому составу, к которому уже подали тепловоз. Буферный лязг сцепки подстегнул.

- Давай быстрее. Прокопалась... - сердито бросил Андрей, задыхаясь от быстрого ходьбы.

- Пришел бы чуть пораньше с работы и не бежали бы сейчас, - беззлобно отпаривала Людмила.

У тепловоза кучковалось с десятком мужиков и парней, по экипировке которых нетрудно было определить, что это рыбаки и ягодуники: у одних - рюкзаки, болотные сапоги и зачехленные удилища, у других - кораба и корзины в руках.

Кто-то, цепляясь за поручни, уже поднимался к кабине тепловоза, проходил на полки-площадки вдоль дизеля, где, скинув с плеч кораба с рюкзаками, устраивались на них поудобнее, готовясь к поездке на свежем воздухе, с ветерком. Машинист тепловоза Паша Морозов, облокотившись о подлокотник бокового окошка и высунув голову, с любопытством разглядывал суетящихся внизу мужиков.

Андрей и Людмила выскочили на перрон и, запыхавшись, остановились под тепловозной кабиной. Паша, увидев их, заулыбался:

- Приветствую вас, Людмила Васильевна, привет, Андрей! Что, не сидится дома? И куда на этот раз наводрились?

- Привет, Павел, - откликнулись супруги. - Вновь на Сенное решили. До пятьдесят первого подбросишь?

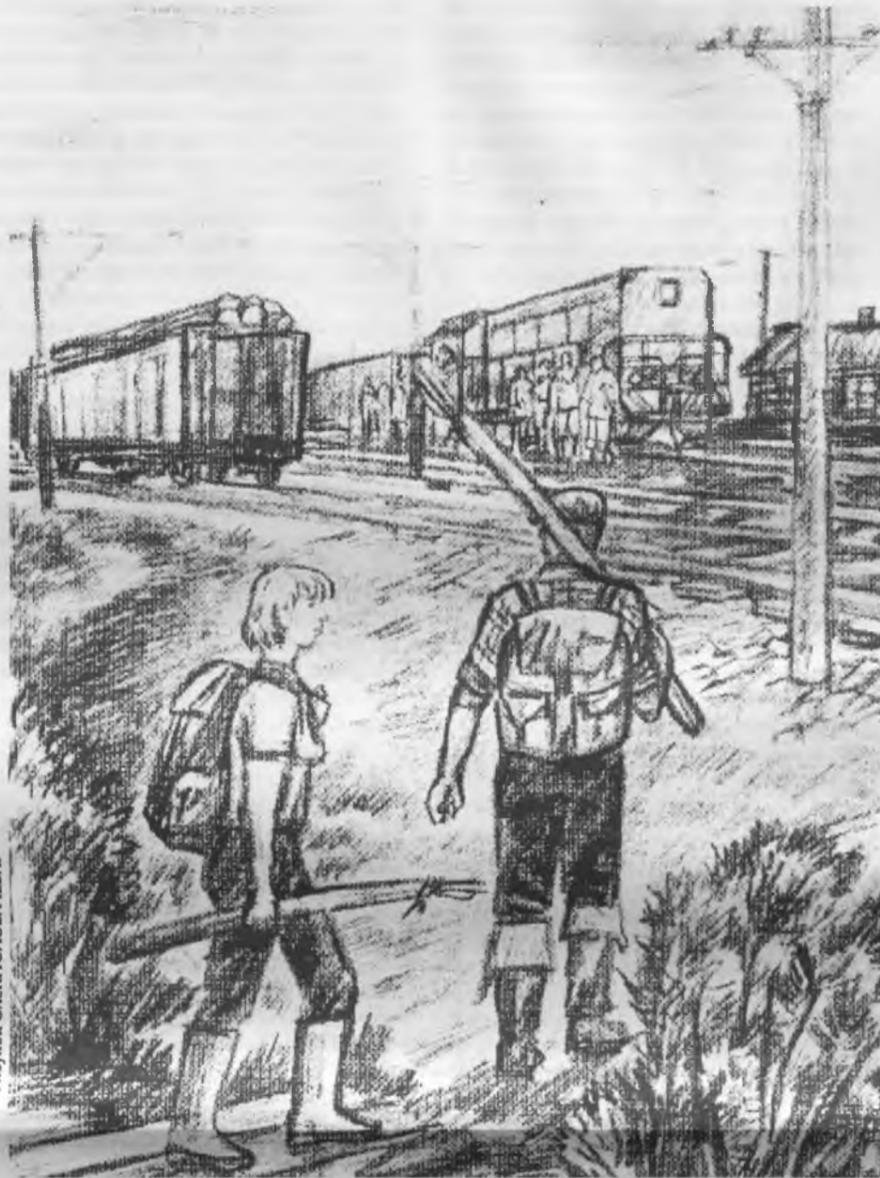

Рисунок Олега ГОЛОВACHEВА.

- Сто грамм и яичко! Залазьте, - Паша, кричит в кабину своему помощнику: - Миш, освободи лавку сзади. Накидали всякого барахла. К нам женщина в гости, - и повернулся уже к Людмиле:

- Людмила Васильевна, поднимайтесь к нам в кабину, есть место. Ехать на ветру не стоит, да и дизель гудит, по ушам бьет. Проходите.

- Спасибо, Андрюша, прихвати мой рюкзак, - и Людмила протиснулась в распахнутую дверь кабины тепловоза.

К отходу товарняка на тепловозных площадках с обеих сторон дизеля уже угнездились не менее двух десятков пассажиров.

Официально нахождение, а тем более перевозка посторонних людей на тепловозе категорически запрещались. Но это в инструкциях, на деле же все зависело от доброжелательности и настроения машиниста. Махнет снисходительно Паша или дядя Ваня рукой, и желающих на хляву прокатиться на тепловозе - хоть пруд пруди, благо тот же добротот Паша и тормознет по просьбе у нужного своротка на таежную тропу или вблизи заветного озера.

Наконец диспетчер, неторопливо продефилировав к платформе, вручила помощнику машиниста Мише Лобзеву, всеми прозванному почему-то Солдатом, долгожданный жезл. И тепловоз, гуднув для порядка пару раз, тронулся в путь. Грузная диспетчер Полина Прокопьевна печально проводила облепленный людьми тепловоз, постояла какое-то время на платформе и, тяжело вздохнув, вернулась в диспетчерскую. На душе было неспокойно, будто от предчувствия надвигающейся беды. «Опять Морозов насадил тьму народа. Ох, доиграется парень. Сам влетит в неприятность и нас за собой потянет. Скажут: а вы куда смотрели?» Одно успокаивало Прокопьевну, да и других

диспетчеров - дорога-то ведомственная, районное и областное начальство должно внимания на нее не обращало и с проверками почти не совало.

Свою железную дорогу Онежское УЛИТУ строило с учетом развития производства лесозаготовительных колоний, где заключенные не только валили лес, но и перерабатывали его на пиломатериалы на нижних складах, здесь же грузили в вагоны и отправляли на бесчисленные стройки и соответствующие деревообрабатывающие предприятия страны. Вблизи колоний и нижних складов строились станции со всеми необходимыми коммуникациями, складами помещений, эстакадами и т.д. И на станциях работали заключенные-поселенцы, начиная с диспетчеров, стрелочников и кончая ремонтниками железнодорожных путей.

К дню рождения диспетчера Ундозерского лаготделения Чиркова, по кличке Чирик, готовились давно, наверное, с полмесяца. Обслуга станции уважала его, и на предложение бригадира путейцев отметить сорокалетие друга-сидельца все охотно согласилось. Скинулись с полочки, и долгожданный день наступил. Спиртное на станцию посыльные из бригады путейцев, как говорят ээки, притаранили к обеду.

Чирков в этот день заступил во вторую смену, подменив коллегу пораньше часа на три, шепнув последнему, что ждет женщину на свидание и к ее приходу нужно привести кое-какой марафет в диспетчерской. Коллега, обрадовавшись возможности свалить с дежурства пораньше, быстро собрал свои вещи и тут же рванул в поселок, находившийся в трех километрах от станции, подмигнув многозначительно на прощание: не переусердствуй, мол, во время любовных утех.

Праздничный, хотя и примитивный стол сервировали в крохотной подсобке, где хранился инструмент и стоял топчан для отдыха стрелочников ночной смены. Подсобка находилась с тыльной стороны диспетчерского помещения и из-за сноты неприметности и захламленности никогда не посещалась надзирателями во время обходов и обысков, которые проводились почти ежедневно. Все зависело от служебного рвения дежурного наряда, заступающего на сутки: иные исполняли свои обязанности через пень-колоду, другие, выражаясь ээковским языком, «рыли землю копытами», шныряли по всем объектам и закоулкам, беспредельничали, хватая и сажая заключенных в «трюм» (ШИЗО) за малейшие провинности.

Чтобы обезопасить себя от возможного и нежелательного налета надзирателей, Чирик и бригадир путейцев договорились с кентами из гаража, чтобы подействовали «неожиданному» выходу из строя дежурной машины, на которой раскатывает наряд надзирателей, а без нее топтать пешком из колонии-поселения на станцию «макаронники» ни за какие бабки не согласятся.

К шести вечера, как и договаривались, подкатили со Скарлахты Катя и Наташка, известные всем жителям и поселенцам как девицы, игнорирующие строгие правила поведения, и потому половина поселка (в основном женская) их осуждала, вторая (мужская), ухмыляясь, пользовалась при возможности их услугами.

В подсобке уединились вчетвером: Чирик, бригадир путейцев и Катерина с Наташкой. Остальные отмечали юбилей диспетчера в будке стрелочника на выходе со станции. На время уединения и застолья подежурить у пульта связи в диспетчерской Чирик оставил шныря, убравшего ряд станционных помещений. И вскоре за закрытой дверью подсобки уже слышались оживленные голоса, смех и взвизгивания женщин.

Через два часа в дверь подсобки постучал шнырь.

- Чего тебе? - высунулся в приоткрытую дверь Чирик.

- Выходил на связь диспетчер Янгор. К нам на станцию отправлен тепловоз. Куда его?

- Как придет, отправляй на Порсту. Там он разминется с грузовым составом и уйдет на Иксинскую узловую станцию, - захмелевшим голосом бросил диспетчер и захлопнул дверь.

Дневальный, хмыкнув и пожав плечами, вернулся в диспетчерскую.

Минут через сорок подошел на второй путь тепловоз и, остановившись напротив диспетчерской, призывно гуднул.

Дневальный выскочил на крыльцо, подбежал к тепловозу и, задрвав голову, поприветствовал машиниста, высунувшегося из кабины:

- Привет.

- Привет. Где диспетчер? Кстати, кто сегодня дежурит?

- Чирков. У него зуб разболелся, поехал в поселок выдрать в больничке. А вам сказал отправляться на Порсту, там вас встречный грузовой ждать будет.

- Странно, - недоверчиво хмыкнул машинист, - по графику мы должны разъезжаться здесь. Он что, опаздывает?

- Да. По этому поводу звонил диспетчер с Порсты, - не моргнув, сврал шнырь.

- Хорошо, а жезл? - вновь с недоверием спросил машинист.

- У них жезловы заклинило, и они передали, что жезла вы на Порсте обменяетесь, - продолжал врать дневальный.

- Ну, хорошо. Мы поехали.

...На Порсту, а точнее, на станцию

нижнего склада шестой колонии-поселения грузовой состав прибыл точно по расписанию. Машинист Паша, извинившись, попросил всех пассажиров сойти и подождать у диспетчерской, пока они часть порожняка, маневрируя, не расставят под погрузку лесоматериалами.

- Далекое не разбредайтесь, - предупредил он, - закончим маневры и отправимся дальше на Скарлахту. Опоздавших ждать не будем.

Людмила и Андрей спустились по тропке с насыпи, стали прогуливаться вдоль нее. Молодые елочки и кусты можжевельника подступали к самой насыпи, и тропка, петляя меж них, норой терялась в густом сплетении черничника. Трое пацанов, лет четырнадцати-пятнадцати, сыновья попутчиков-рыбаков, установив пустую бутылку на пенек, затеяли соревнование, кто быстрее попадет в нее, швыряя камни наперегонки. Людмила знала пацанов, они частенько ездили со старшими на рыбалку, особенно Сашка - сын прапорщика Парфенова. Вот и сегодня они с батеи - попутчики до Ундозера. Людмила беззлобно кричит пацанам:

- Эй! Озорники, кончай бить стекло. Потом кто-нибудь поранится. Сашка, и ты туда же? Ты же взрослый парень, уймись и уйми дружок.

Пацаны, устыдившись, убежали к диспетчерской будке. Следом поднялись и Людмила с Андреем. Подошел тепловоз. Лязгнув буферами, произвел сцепку с оставшимся порожняком. Ожидавшие рыбаки стали спешно взбираться на тепловозные площадки, рассаживаться по местам.

- Андрюш, ты не замерз на открытом, воздухе? Достань из рюкзака свитер, надень иод куртку, - участливо приобняла Людмила мужа за плечи.

- Да все нормально, Не переживай. Тепло. А ветерок обдувает, так это даже приятно, - отмахнулся Андрей. ~ Лезь в кабину, а то займут твоё место.

Все расселись, а состав не трогается. Пять минут стоит, десять. Все начинают нетерпеливо ерзать. Машинист Паша на вопросы пожимает плечами и вновь отправляет своего помощника в диспетчерскую. А тот надрыгается в трубку внутренней связи:

- Алло! Алло! Ундозеро! Черт! Да чтоб тебе!.. Куда этот чертов Чирик делся?! Алло! Алло! Ундозеро!..

- Ну чего ты разоряешься? - прерывает крики диспетчера остановившийся в дверях помощник Миша Солдат. - Провхитил, наверное, твоего Чирика понос, и сидит, бедолага, в уборной с измятой газетой в руках, а ты от крика охрип. Давай жезл, и поехали мы. По расписанию со встречным тепловозом мы должны разминуться и обменяться жезлами на Ундозерской станции. Я уверен, он давно нас там ждет. Так чего ты нас здесь держишь? Давай жезл, и мы покатали, - повторил он настойчивее.

- Знаю я, что вы там встречаетесь и размениваете жезлами, но уточнить-то я должен, - огрызнулся диспетчер.

- Перестраховщик ты и буквоед. Мы и так опаздываем, а ты переключку устроил...

- Да черт с вами. Забирай свой жезл и проваливай.

Через пару минут состав тронулся. Паша Морозов благодарно гуднул диспетчеру, стоящему на крыльце будки, и, сняв кожаную кепку, сделал полусуточный легкий поклон, на что провожающий укоризненно покачал головой, кивнув на густо облепивших тепловозные площадки пассажиров.

Шел девятый час, солнце село, зарево заката медленно затухало. Тайга, стеной подступающая к железнодорожной насы-

пи, сразу же потемнела, очертания елей и сосен смазались, и просветы между ними заполнились чернотой. Сумеречная синева, сгущаясь, наполнила низины, подступая к насыпи, поднималась все выше и выше, смазывая силуэты кустов, карабкавшихся, по крутому щебеночному откосу. Паша включил тепловозные фары, но их рассеянный свет, растворяясь в полумраке, завис в воздухе, и эффект от лучей был незначительный.

Миновали горбыш, где лесовозная дорога, петлявшая вдоль полотна, уходила резко вправо, к вахтовому участку Зиберта. Осталось позади довольно большое Пошозеро. Скоро пологий уклон и плавный поворот влево. На затяжном уклоне машинисты обычно слегка притормаживали, но на этот раз, учитывая опоздание, Паша решил не тормозить, надо на верстывать, и ничего страшного, если состав прибавит скорость за счет саморазгона. На обратном пути машинисты, наоборот, разгоняли составы, чтобы избавиться дизеля от перегрева при преодолении затяжного подъема.

Паша оглянулся на своих нелегальных пассажиров, расположившихся на лавке отдыха поездной бригады: Людмила, откинувшись к стенке, дремала. Привалившись к ее плечу, свесила головы в дреме и трое пацанов, перебравшихся в кабину с площадок, где после захода солнца на ветерке стало еще прохладнее. У противоположного бокового окна за откидным столиком пристроились помощник и сцепщик, резались в подкидного. Хмыкнув, Морозов бросил взгляд на светящиеся приборы, поднял глаза и... похолодел от ужаса: из-за поворота стремительно приближался светящийся тепловоз. Паша даже на миг зажмурился в надежде, что это галлюцинация. Но все было жуткой реальностью. Встречный тепловоз стремительно приближался, неотвратимо нарастал.

Паша, нечленораздельно закричав, всем телом навалился на тормозной рычаг. К нему на помощь бросился, захлебываясь в крике, с искаженным от жуткого лицом помощник Миша Солдат.

Визжали тормозные колодки, яркими снопами сыпались из-под колес искры... Но было поздно. Тепловозы стремительно и неумолимо сближались. Люди на площадке замесались в панике, несколько человек, рискуя жизнью, метнулись с большой высоты под откос и, тяжело ударившись о землю, безжизненно скатывались в кусты у подножья насыпи.

С ужасным грохотом, скрежетом и лязгом сминающегося и рвущегося на части металла тепловозы столкнулись. Они, как громадные и неуклюжие быки сшиблись в яростном поединке, привстали на дыбы и рухнули замертво на полотно. Один из них опрокинулся на бок и полуполз на несколько метров по крутому откосу вниз. Вагоны по инерции напоззали на поверженные тепловозы, заваливались, громоздясь в страшную кучу малу.

И в этот момент взорвались баки с дизельным топливом, огромный замучивающийся смерчем огненный гриб взметнулся в темнеющее небо над грудой искореженного металла и копошавшимися среди обломков полуживыми людьми. Взрывная огненная волна расшвыряла эти обломки и горящих людей на десятки метров вокруг...

Людмила очнулась от удущья, обжигающей боли, растекающейся по лицу, рукам и груди, и, открыв глаза, увидела сквозь пелену какие-то пляшущие блики, огненно-оранжевые языки, от которых исходил нестерпимый жар. Со стоном приподнялась и от резкого движения едва вновь не потеряла сознание - режущая боль пронзила грудь и живот. И все-

таки, преодолевая боль, приподнялась на подламывающихся руках, потянулась к разбитому боковому окошку, из которого торчали острые осколки. Ладони коснулись чего-то теплого и липкого, но у Людмилы не было сил отдернуть их и разглядеть, поднеся к лицу. И, только подтянувшись к осколкам перекошенного окна, она поняла, что все вокруг охвачено огнем, и бушующее пламя вот-вот ворвется в кабину. Она закричала от ужаса, забилась, попыталась выбраться, но смогла только просунуть руку, расположив ладонь об осколки. Закашлялась и сникла, потеряв сознание от невыносимой боли и испепеляющего жара...

Бушующее пламя захлестнуло кабину...

Огненной взрывной волной Андрея вместе с другими пассажирами отбросило метров на десять от насыпи. Его волосы и одежда, облитые выплеснувшейся соляркой, с треском горели. Кто-то из спасшихся бросился к нему, стал ветками сбивать пламя. Но спасателей были единицы, и многие живые костры, ползая по земле, вскоре затихали, распластавшись ниц.

Андрей в беспамятстве порывался вскочить, хрипел:

- Люда... Люда, я шас...

Его обезображенное лицо, с обуглившейся, лоскутами свисающей кожей, было ужасным...

Парфенов, как и многие другие попутчики, отброшенный взрывом в кювет под насыпь, где скопилась вода, тут же погасившая пылающую одежду, очнулся быстро. Его обожгло: «Где сын? Сашка! Он же там... В пекле!» Он дико вскрикнул: «Сашка! Сашка!» - и кинулся к насыпи. Карабкаясь по осыпающейся шебенке, захлебываясь слезами. Выбравшись наверх, ни на секунду не приостановившись, бросился к поручням пылающего тепловоза. Но до искореженной кабины не добрался, охваченный пламенем, повис на поручнях у самой двери...

Глухой взрыв и зарево, расположающееся по темному небу в районе Семиозерья, первыми услышали и увидели рабочие нижнего склада Порсты и подняли тревогу. На место происшествия выехали две пожарные машины, начальство на «уазике» и десятка два добровольцев на «семере». Но помощь людская оказалась бессильной: спасти несчастных, попавших в ад на земле, не было возможности...

Назавтра в радионовостях по России и вестях Центрального телевидения прошло сообщение о трагедии, разыгравшейся на ведомственной железной дороге Онежского исправительно-трудового учреждения: в результате столкновения тепловозов погибло двенадцать человек, в том числе три подростка. Информация была неточной. Погибло больше - пятнадцать, не считая четырех человек, умерших в больнице от ожогов.

...Нет моих милых супругов Людмилы и Андрея. Тяжело вспоминать о той железнодорожной трагедии у Семиозерья. Очень больно...

Интуиция

(Рассказ)

На вахтовом участке, заключенные которого рубили и расчищали пятидесятикилометровую просеку под будущее железнодорожное полотно от Иксы до Скарлахты, время близилось к отбою. На горизонте догорала истончившаяся полоска зари. После мартовской дневной оттепели подмораживало.

Пужинав, вахтовики-поселенцы раз-

бредлись по вагончикам и будкам, где жили по три-четыре человека, готовились к завтрашнему рабочему дню: кто развешивал в закутках за горячими печурками влажную робу для просушки; кто шелестел мятыми и захватанными грязными пальцами читанными, и перечитанными газетами, пытаясь разглядеть при тусклом, свете двенадцативольтовых лампочек, питающихся электроэнергией от тракторных аккумуляторов, мелкий шрифт заметок и статей, а кто уже похрапывал на деревянных топчанах, отвернувшись к стенке и укрывшись до макушки старыми байковыми одеялами, впитавшими в себя многолетний пот часто менявшихся хозяев и приобретших от редкой стирки неопределенный темно-асфальтовый цвет.

Начальник участка Миша Кобец заканчивал разнарядку на завтра, на которой присутствовали бригады обеих бригад, мастер, завхоз (с легкой руки начальства прозванный комендантом Кремля), отвечающий за быт и кормежку людей на участке, здесь же, как всегда, и надзиратели - прапорщики Бахметьев и Клименко. Ввиду своей молодости на руководителе участка Миша Кобец не тянул: только-только окончил школу МВД и, получив погоны лейтенанта внутренней службы, естественно, никакого опыта работы с заключенными не имел, но старался изо всех сил, пытаясь оправдать доверие вышестоящего начальства, назначившего его на эту должность. Во взаимоотношениях с подчиненными и эками вел себя напускно-строго. Окружающие видели это, и многие подыгрывали молодому начальнику, были и те, кто кривил в усмешке губы, но никто в его строгость не верил и не боялся. К тому же все знали, что Миша влюблен, а пораженный стрелой амура деспотом быть не мог.

Да, Михаил действительно был влюблен в дочь шефа - начальника Ундозерского лаготделения, куда получил назначение после распределения, и девушка вскоре отетила взаимностью на его ухаживания. Они стали встречаться, и Михаилу приходилось почти каждый вечер бегать в поселок на свидание по таежной тропке и возвращаться на вахтовый глухой ночью, подсвечивая себе дорогу китайским фонариком. Десятикилометровый путь он до такой степени изучил, что мог ходить по тропке и не включая фонарика.

И вот завтра свадьба...

- И так, - подвел итоги планерки Михаил, - завтра работа вахты строится по обычному графику. Лесорубы - на своих участках. Механику со своими слесарями - кровь из носа, но чтоб к обеду трактор второй бригады был на ходу. Иначе лишу премии...

- Сделаем, гражданин начальник, - привстал с табурета исполняющий обязанности механика заключенный Корнев, - коробку моста перебрали, осталось установить на место, а это часа на два-три.

- Надеюсь, - кивнул Михаил и повторил: - Надеюсь, завтра на участке будет порядок! - сделал упор на последнем слове, пристукнув ладонью по заляпанной мазутом столешнице. - Меня и прапорщиков завтра на вахте не будет, - и, чуть засмушавшись, бросил: - Женюсь я. Завтра свадьба. Так что не подведите. Вы - руководители своих коллективов, отвечаете за дисциплину на рабочих местах. Эта ответственность за порядок возлагается на период нашего отсутствия на вас. Старший - комендант Кремля.

Бригадиры, комендант, механик, прапорщик заулыбались, загалдели:

- Поздравляем! Поздравляем! Счастья в семейной жизни! Любви и всех благ, гражданин начальник! А за порядок на

вахтовом не беспокойтесь - все будет в ажуре. Не подведем!

Весть, что начальство уезжает на свадьбу, заключенные восприняли с восторгом и некоторой завистью, потому что большинство были молоды и, естественно, испытывали жуткую тоску по женам и семейному уюту.

Утром, едва бригады вышли на работу, один из сучкорубов второго звена предложил:

- Ну что, мужики, а не отметить ли нам свадьбу начальника?

- Неплохо бы, конечно, грамм по две-сти за жениха и невесту вмазать, - поддержали бригадники, потирая руки, - благо и погода так и шепчет, да вот беда, где взять водяры?

- Нет проблем, - не унимался инициатор. - Загружаем тракторные сани чурбаками, благо у нас их прорва, и погнали в Курлаевку, до которой по старой дороге вдоль реки не более шести километров. Там старушки-вдовушки дрова с руками оторвут. И там же в сельпо водяры хоть залейся. Сам видел неделю назад, с надзирателем ездил туда за мукой, чаем и куревом.

Не прошло и часа, как два трактора с груженными санями резво покатали, лязгая гусеницами, по еле приметной в тайге брошенной дороге. А после обеда на трассе по соседству с вахтовым участком началась гулянка. Водки и коньяку на шестнадцать человек оказалось в избытке. И, как правило, где спиртное льется через край, там возникают разногласия во взглядах и нехорошие воспоминания.

Вспомнили «нехорошие» моменты и в биографии чокеровщика Григорьева, который сидел тут же, отмечая с бригадниками свадьбу начальника. Начал Кривой (получивший кличку из-за бельма на левом глазу) - помощник вальщика:

- Слышь, Васек, - нарочито громко окликнул он, сидевшего напротив импровизированного стола чокеровщика.

- Чего тебе? - вяло откликнулся тот.

- Ты помнишь конвойную Калининскую зону, где мы с тобой чалились до перевода на поселение?

- Ну и что? - нахмурился Григорьев, еще не понимая, куда клонит бывший «сослуживец» по конвойной зоне.

- А то, - зло скривился Кривой, - напомнить хочу, как ты там перед начальством выслуживался, в сэвэпэшниках (СВП - секция внутреннего порядка) стоял, с красной повязкой шастал и вместе с вохрой нас в ШИЗО (штрафной изолятор) за малейшую провинность таскал. Не забыл?

- Да пошел ты! - огрызнулся Григорьев.

- Сам-то лучше? Тоже с повязкой ходил...

- Не надо хрен с пальцем путать, - дернулся навстречу Кривой. - Я в санитарно-бытовой секции состоял, шнырей пинал, чтобы грязь в секциях и столовой не разводили, а ты, падла, к куму бегал, стучал, закладывая друзей.

- Ты, козел, своим словам отчет давай! - начал подниматься Григорьев. - Я ведь не посмотрю, что ты штангой накаченный. За такой базар и штифты повыкалываю...

Заключенные, собравшиеся за дощатым столом, уже разгоряченные выпивкой, приумолкли.

- О чем толковище? - рявкнул звеньевой, осаживая вскочившего Григорьева жестом руки.

Авторитет звеньевого, имевшего четвертую ходку на зону, был непрекращаем, да и телосложением его бог не обидел. Все сразу насторожились.

- Я напомнил этому сучаре, как на Калининской зоне он у кума стукачом был, - зло бросил Кривой, ткнув пальцем в Григорьева.

- Я не был стукачом. Сэвэпэшником был, не скрываю, а стукачом не был.

Никогда!

- Она как, - медленно, с расстановкой протянул в повисшей тишине звеньевой, - стукачок, значит, на нашей вахте объявился. То-то, я смотрю, про все наши дела на другой же день начальство во всех подробностях узнает. Кто, думаю, стучит? А это ты, оказываешься, - и начал выбираться из-за стола.

- Вы что, охренели! - заорал попятившийся от навеса Григорьев. - Я не стукач и никогда им не был!

- А что стукач, что сэвэпэшник - одного поля ягодка, - отрубил звеньевой.

Григорьев вдруг метнулся к обогревательной будке, у порога которой лежала кучка колотых дров, и в чурбак был воткнут сучкорубный топор с длинным топорием. Наперерез ему кинулись несколько заключенных, сбили с ног.

Налетели сворой, в момент остервенившись, били, пинали долго, с отборным матом, пока тело избиваемого не стало податливым, как тряпичная большая кукла, а лицо не превратилось в сплошное кровавое месиво. Облегченно выдохнув, как после напряженной работы, вновь уселись за дощатый стол и продолжили пьянку.

Через час хватились: нет Григорьева.

- Уполз, паскуда!

Кривой с двумя друзьями, покачиваясь, двинулись к обогревательной будке. Выволокли слабо сопротивлявшегося Григорьева наружу и принялись вновь избивать, отработывая на жертве приемы кулачного боя. Устав, бросили бездыханное тело туг же, у приступка входной двери, и присоединились к галдящей компании, которая к этому времени уже изрядно поредела. Большинство лесорубов, набравшись до чертиков, отправилась на вахтовый. Рабочий день закончился, и пора было отдыхать.

Кривой с друзьями, засидевшись до ночи, решили ночевать на рабочем месте в обогревательной будке. С трудом попадая в дверной проем, ввалились в тесное помещеие, а на лавке у стены - опять Григорьев. Матерясь, один из друзей стащил избитого на пол, а тот как плеть - ни рукой, ни ногой.

- Мужики, а он, кажется, сдох и, по-моему, уже холодный.

- Ну и х... с ним! Туда ему, стукачу, и дорога! - крепко матюгнулся Кривой.

Ухватив за руки, за ноги, заключенные выволокли Григорьева за порог.

- Что будем делать?

- Давайте сожжем его, - предложил кто-то из троицы. - Вон водомаслогрейка, потащили к ней.

Подтащили. Попытались запихнуть в топку - не помещается, ноги наружу торчат.

- Тащи топор, - рявкнул Кривой одному из напарников, - а ты слей с трактора ведро соляры.

Вскоре в топке агрегата запылал огонь, из короткой металлической трубы в звездное небо повалил черный удушливый дым.

Друзья, посидев тут же на корточках у гудящей топки и покурив, отправились в будку спать. Ночью вставали по очереди, подкидывали в топку дрова и плескали в огонь соляру.

...Об исчезновении на вахтового участка Григорьева Михаил Кобец и надзиратели узнали на третий день по возвращении, со свадьбы. Стали расспрашивать заключенных. Те в один голос:

- Только что был здесь. Говорят, пошел в поселок за чистым бельем, почти месяц, мол, не менял. Да и почту обещал принести оттуда.

Прошли еще сутки - нет Григорьева. По рации из расположения колонии сообщили: вроде видели в поселя-

ке, а когда ушел обратно на вахтовый, никто точно сказать не может. И только через неделю по факту исчезновения осужденного было возбуждено уголовное дело о его побеге. Расследование поручили инспектору оперотдела управления в последствии ушедшему, а затем возглавившего следственный отдел старлею Михаилу Задорожному.

Такие уголовные дела, особенно по побегам из колоний-поселений, самые муторные, сопряжены с массой письменной работы: приходится писать десятки ориентировок и запросов в органы внутренних дел и административные организации по месту жительства всех родственников, близких, друзей и товарищей бежавшего и зачастую выезжать самому по этим адресам.

Михаил Иванович тщательно изучил уголовное дело Григорьева, сделал копии медсправок о заболеваниях, лечении и на всякий случай даже изъяс имевшиеся рентгеновские снимки легких и вставных зубов. Подключил агента колонии-поселения, вахтового участка и вскоре поступил сигнал, что в один из последних воскресных дней марта, когда в поселке отделения пела и плясала свадьба, на вахте вспыхнула драка. Ее видели двое рыбаков, приезжавших на Ундозеро из Североонежска. Возвращались по тропке к вездеходу, который оставили на просеке в десятке километров, и, проходя мимо вахтового участка, оказались свидетелями этой драки. Михаил нашел рыбаков и допросил их. И сразу же возникло подспудное подозрение: почему заключенные вахты скрывают факт драки? Не хотят подводить начальника и надзирателей, отсутствовавших на участке? Навряд ли, эски не тот народ, чтобы кого-то пожалеть. Значит, чего-то боятся. И опять же, Григорьева видели на вахте и в поселке спустя неделю?.. Что-то здесь не так.

Доверяя своей интуиции, Михаил вновь выехал на вахтовый участок, решил тщательно обследовать всю окрестность и даже покопаться в бывших кострищах на рабочем объекте. Привлек свободных от службы надзирателей и некоторых офицеров колонии-поселения. Обшарили все буреломы, низины и выворотни... и ничего. Переворошили все старые и новые кострища, и тут пусто.

Расстроившись от нулевого результата, Михаил отпустил людей и долго сидел, задумавшись, за столом под навесом, равнодушно наблюдая, как рядом повар чистит картошку, собираясь готовить обед для вахтовиков. Отсутствующим взглядом скользил по водомаслогрейке, стоявшей у кромки просеки и, резко поднявшись, направился к топке агрегата. Пошуровал прутом в золе и тут же крикнул повара, чтобы позвал начальника и надзирателей.

Из топки вместе с золой были вынуты отдельные фрагменты человеческих костей: часть черепа - лицевая его сторона, челюсти, несколько позвонков, обуглившиеся детали локтевых и коленных суставов и еще ряд мелких остатков. Все уместилось в полиэтиленовом пакете. В присутствии понятых был составлен соответствующий протокол.

Интуиция Задорожного не подвела.

Направив обгоревшие останки вместе со снимками и прижизненными медицинскими документами Григорьева в Ленинградскую научно-исследовательскую лабораторию судебно-медицинских экспертиз, Михаил приступил к тщательному расследованию обстоятельств коллективной пьянки и драки на вахтовом в тот злополучный воскресный день. Допросил всех заключенных, проживающих и работающих на участке, скрупулезно сравнивая показания каждого и уличая во лжи при очной ставке подозреваемых. Пригодились и протоколы допроса рыбаков-свидетелей драки. И наконец один из дружков Кривого дал признательные показания, а когда пришло заключение из Ленинградской лаборатории, подтвердившее, что обгоревшие останки действительно принадлежат осужденному Григорьеву, числившемуся в побеге, главный фигурант преступления Кривой сдался и во всех подробностях написал признательное заявление.

Суд учел добровольное признание виновных в содеянном, приговорил их к минимальным срокам наказания за нанесение пострадавшему тяжких телесных повреждений, повлекших смерть последнего.

Заслуженное наказание по факту случившегося понесли и Миша Кобец с надзирателями: за бесконтрольность за поведением заключенных на вахтовом участке им влепили по строгому.

Виктор ШАБАЛИН

Потомок учительской династии Шабалиных, родился в 1964 году в Прокопьевском районе в селе Верх-Егос (в семье известного кузбасского краеведа и историка Владимира Михайловича Шабалина). Живет и работает учителем в средней общеобразовательной школы села Михайловка Прокопьевского района. Пишет как стихи, так и прозу... При этом, произведения выходящие из под пера Виктора Владимировича не совсем обычны. К примеру, вот что говорит Галина Анисимова (член Союза Журналистов России, президент Прокопьевского районного поэтического клуба «Чистые родники»), в предисловии к книге Виктора Шабалина «На перепутье»:

«Творчество учителя из села Михайловка Виктора Владимировича Шабалина – особое, его произведения трудно спутать со стихами других членов поэтического клуба «Чистые родники», что существует в Прокопьевском районе вот уже несколько лет. Не просты эти строки, задиристы, порой метафоричны, кажется, до предела; но написаны столь безукоризненно и честно, что хочется читать их ещё и ещё, соглашаясь и споря с автором.

Стихи Виктора Шабалина раскрывают перед нами духовный мир человека, живущего в России на стыке двух эпох, двух веков, двух тысячелетий, то есть живущего рядом с нами. Тем и интересен его взгляд на роль человека в обществе, на его душевные переживания, на значение перемен, происходящих в стране, в семье, в природе... А как серьёзно и вдумчиво рассуждает он о самой Поэзии, о Слове!..»

Домик в деревне

Предисловие

Предлагаемая читателям небольшая глава «Атаки легкой кавалерии» – это одна из уже написанных частей документального повествования «Домик в деревне или жизнь веселого молочника и его семьи». Название и тему можно прокомментировать так.

Много раз в день мы слышим жизнерадостную рекламу молочных продуктов, на пакетах с молоком и сметаной видим розовощекого весельчака, на телеканалах идут сериалы о деревенской жизни, которые настолько далеки от действительности, что диву даешься.

Это уже не может вызывать просто раздражение. Вся эта сладенькая ложь начинает укореняться в сознании людей. А ведь все совсем не так. Всей этой лжи пора дать отпор.

Я знаю жизнь деревни не понаслышке. Из 45 лет своей жизни 41 год я прожил в селе.

Из них 25 лет проработал учителем и параллельно этому 20 лет (в 09 году годовщина) вместе со своей семьей держал скот, много скота. Это позволило выжить в страшные девяностые, это позволило сохранить достоинство, не впад в нищету, это, наконец, дало возможность растить детей не на эрзац-продуктах, а на настоящем молоке, мясе и не мерять все это наперстками.

Я и моя жена заплатили за свою вечно двойную работу дорогую цену; нам нет еще и пятидесяти, но здоровье, мягко говоря, помахав ручкой, куда-то убежало. Но жалеть не о чем, потому что жизнь – это не затертая видеокассета. Прокрутить заново не выйдет.

Я сознательно выбрал в качестве названия известные бренды «Домик в деревне» и «Веселый молочник», надеюсь, за это не засудят. У многих это словосочетание на слуху и очень многих оно коробит. Вот для них и эта книга. В ней вы не найдете выдумок и сентиментальной чепухи. По сути это просто дневник, с некоторыми размышлениями по поводу фактов моей жизни и жизни моих близких. Есть и юмор, ведь молочник – то веселый.

Если говорить начистоту, то «Домик в деревне» это вторая часть книги, которая имеет рабочее название «Русская Вандея». Первая часть – это книга стихов. Она по сути готова, но во-первых, я еще не полностью определился с выбором стихотворений, а во-вторых, там веселого совсем мало, больно тяжелая книга получилась, я сам её боюсь.

Поэзия – ведь это не только «баба капризная», она ведь беспощадна, острые углы можно скруглить в прозе, в стихах – никогда. Помните Павла Когана: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал».

Пусть стихи пока полежат, они от времени, как вино, крепчают. Лучше начать с документальной прозы. Это даже оригинально, ведь прозу я никогда не писал и не публиковал. Думаю, что пора.

Я взял первый попавшийся томик какой-то детективной знаменитости, открыл эпиграф и переделал его точно наоборот. И вот что получилось

Все события, происходящие в книге имели место в действительности, ни один персонаж не выдуман, фамилии реальных людей не названы из соображений этики, имена реальные, любое сходство закономерно. И никаких случайностей и в помине нет.

Глава из документального повествования «Домик в деревне или жизнь веселого молочника и его семьи»

Атаки лёгкой кавалерии

Часть 1. Неуловимые мстители

Жизнь «веселого молочника» час-тенько напоминает некие военные действия: то война с сорняками в огороде, то с норовистыми коровами, то с соседями, поэтому позволю себе применить военную терминологию, несмотря на то, что речь пойдет о, казалось бы, совершенно мирных существах – курицах.

Итак, если крупный рогатый скот – это что-то большое, сметающее в минуты гнева или испуга все на своём пути, рогатое и туповатое – явно напоминает бронетехнику, покрытую бронёй толстой кожей, и грозящую всем парочкой слов на «башне», если овцы и телята – это несчастная затурканная пех-

тура, ее все гоняют, бодают, отнимают провиант и держат в вечном страхе, если свиньи – это разведка, слегка презирающая наши жалкие заборы и калитки, сквозь которые они проходят с небрежностью истинных профессионалов взлома и внезапного исчезновения, то куры, да-да, обыкновенные домашние куры – это блистательная, неуловимая, стремительная лёгкая кавалерия.

Со своими задачами, а именно: стремительный прорыв позиций противника, внезапный фланговый обходной манёвр, создание паники в тылу врага, партизанские наскоки на обозы с удовольствием, так вот, с этими задачами куры справляются с поразительной лёгкостью и изяществом. Но это еще не все. Эти уникальные существа ещё и летают, выполнят таже и функции авиации. Крылатые, так сказать, кони. Вот

только на поэзию какого рода вдохновляют эти Пегасы, об этом ниже. Для полной ясности обращусь к событиям 15-летней давности. В середине 90-х годов мы держали каких-то странных куриц.

В то время, издыхающие под напором «ножек Буша» птицефабрики, часть своей птицы банально заморили голодом (мне очевидцы рассказывали об огромных кучах павших куриц, а у меня в голове почему-то от этой картины возникло слово «Освенцим»), а часть выживших по дешёвке распродавали населению. Взяли их и мы.

Зрелище было не для слабаков: какие-то лишенные перьев, безразличные к окружающему миру, апатичные существа бомжеватого вида вместо того чтобы нестись (вообще-то мы наивно полагали, что куры должны это делать), бессовестно отъедались, не снеся жаже крохотного яичка, месяца два.

Только к зиме они приняли божеский вид, но нестись почему-то по-прежнему не желали. Мы были весьма озадачены. По мере появления перьев выяснилось, что куры-то хорошей европейской породы – немецкие. Кроме того, зимой начались весьма печальные происшествия.

Существа эти привыкли жить в тесноте, воли, так сказать, век не видали, были неуклюжими и неповоротливыми, тогда как их окружение по стойке отличалось завидной ловкостью и сноровкой. Коровы небрежно наступали на них, свиньи обрадованно пожирали недотеп, если те умудрились проникнуть в их загон в поисках халявной еды.

Кстати, свиньи, однажды попробовав курятники, становятся рьяными фанатами этого дела. Если кура-дура присядет на край клетки, свинья аккуратно стягивает её за хвост и съедает до последнего перышка. На наши недоуменные вопросы: «А где же курица, наглая твоя хрюкающая морда?», свинья, невинно потупив глазки, сыто выхрюкивает «Не знаем, не ведаем, не при чём», а у самой, у бандитки, предательски белеет на пятаке маленькое перышко. Вот откуда, наверное, выражение пошло «рыло в пуху». Одним словом, к весне, когда все-таки пошли яйца, из десятка куриц оставались единицы. Такое положение дел нас не устраивало.

Первый инкубатор я сделал с подачи жены и опираясь на «маленькие хитрости» из журнала «Наука и жизнь» из обыкновенного оцинкованного бачка, в крышку которого вмонтировал патрон для одной лампочки. Невероятно, но несколько цыплят в этом примитиве почему-то вывелись. Потом выписали по почте терморегуляторы – этикие плассмассовые коробки с проводами, и

из корпусов пчелиных ульев я сварганил два инкубатора. И процесс пошел.

Это был год 1997, памятный ещё и тем, что за работу трудящимся платить было не принято иногда даже по полгода, а невыплата зарплаты в 2-3 месяца считалась удачей (всего-то только).

Так что надо было выживать.

Изюминкой первых закладок яиц в доморощенные инкубаторы было происхождение этих самых яиц. Ирина взяла их у матери, которая жила и до сих пор живет в маленькой деревне Малиновка. В деревне этой сейчас осталось два десятка дворов. Когда-то (до принопамятного 1991 года) там была мощная ферма, коровы, сельхозтехника, начальная школа, магазин, клуб, рабочие места и масса детей, учившихся в нашей Малиновке.

На сегодняшний день в Малиновке не просто нет ничего, из выше перечисленного, нет даже зданий, скоро и воспоминания сотрутся. Из всех достижений цивилизации остался свет и водонапорная башня, гордо возвышающаяся над деревушкой.

Особенностью Малиновки когда-то была особенная свобода в смысле содержания скота. Деревня маленькая, все друг друга знают, куры, свиньи от апрельского снега и до октябрьского гуляют, где хотят, и едят то, что им нравится, не забывая приходить домой, чтобы отметить и слопать то, что им припасли хозяева.

В девяностые годы, разумеется, свобода кончилась, обеззараженные городские отморозки свиней начали стрелять и грузить в машины, начался разбой. Но куриц это не коснулось – мишень мелкая, да и мяса мало. Поэтому малиновские куры выжили, и именно их яйца мы заложили в инкубатор.

Называли этих куриц просто «домашние». Их отличия от немецких или голландских аналогов сводились к тому, что происхождение их было темным, красоты они были неопишуемой (вследствие смещения кровей), изначально обладали свободолобивым нравом и склонностью к мелкому криминалу.

Вот написал я это о курицах, прочитал и вздрогнул – прямо-таки характеристика российского населения.

Птица, которую мы выпарили, выкормили, зиму пережила хорошо и наступили для меня тяжелые времена.

Дело в том, что наш выводок к весне превратился в отряд легкой кавалерии, ведомый на подвиги самым красивым и мощным петухом, какого только мы могли выбрать. Все трусливые, скромненько окрашенные, мелкие, неказистые петухи в свое время отправились в суп, остался один – лучший – это командир, и ещё один, помилованный за

красоту и оставленный на племя, ну на-верное, политрук; правда этот красавец командира всегда смертельно боялся и делал свои племенные дела исключительно втихаря и второпях.

Наблюдая за выкрутасами крылатого эскадрона, я невольно сравнивал их с немецкими собратями (тех, что погибли в свое время под копытами коров и в челюстях хитроумных хавроний) и наконец, окончательно понял, почему русские взяли Берлин в 1945 году. На нашу курицу не то, что наступить, её просто поймать невозможно. Нужно человек пять, если неопытных, то и десять человек не справятся. Реакция хоккейного вратаря, маневренность самолета МИГ-29, хитроумие партизанских командиров, коварство Маты Хари — вот далеко не полный перечень качеств, простой «домашней» российской курицы.

Если говорить о моральных качествах крылатых кавалеристов, то основное — целеустремленность. Цель одна — любыми путями проникнуть туда, куда нельзя, то есть в огород. Рыть лапами свежескопанную грядку в поисках деликатесов — это вершина куриного кайфа, говоря военным языком, это победа. Атаки легкой кавалерии на огород начинаются в мае, идут все лето, а в сентябре мы сдаемся, так как охранять нечего: ройте, проклятые, только не гробите чеснок. Они бы и его разрыли, но чеснок, посаженный под зиму, закрывается досками, сетками, чем попало и его не взять.

В мае начинаются противокуринные мероприятия. Высота заборов моего загона не детская, около 3 метров, сверху сетка, внизу сетка, доски, жерди, вроде, лазеек нет. Но партизанские отряды научились прорываться другими путями. Путей несколько. Можно прыгнуть в несколько приемов на крышу стайки. Допустим, с земли на верхнюю жердь кормушки для коров, потом еще на метр вверх на крышу, потом осмотр огорода, нет ли кого и — вниз, к воделенным грядкам. Как правило, путь прокладывает либо сам командир — пехотин, либо посылает наиболее ушлую молодую авантюристку. Замечено, что склонностью к разведывательной деятельности отличаются либо чисто белые, либо чисто черные курицы, так сказать, блондинки и брюнетки. Рябые поскромнее.

Ответ с моей стороны последовал незамедлительно: на лето кормушки пришлось разорвать, чтобы лишить крылатую банду плацдарма, а однажды я даже натянул много-много рядов шпагата на край крыши: высота оказалась прямо-таки ужасающая, ну что думаю, съели?

Неуёмные исследователи внутреннего содержания грядок быстро нашли другой путь. Они начали проникать в наш огород через соседский.

Мужика у соседей не водилось (бабушка, взрослая дочь и внук), следовательно заборы у них со стороны хозпроезда были неважные.

Дело в том, что когда строили наши дома в 80-е годы между малым огородом и большим оставили место для подвоза сена, вывоза мусора и т. д., в целом, умно.

У наших куриц была прекрасная возможность гулять на «задах», как мы называем это пространство.

Там было все для куриного счастья: и кучи навоза, и зола, и оперативный простор для потасовок с соседскими петухами, и трава.

Живи и радуйся.

Все курицы так и делали, все, только не мои. Этим чего-то не хватало, то ли, как сейчас модно говорить, адреналина, то ли им нравилось преодоле-

вать трудности, не знаю.

И вот что они придумали: легко преодолели соседский забор, с тыла, так сказать, и из соседского огорода уже перелетали в мой. Станный факт, но почему-то в чужом огороде они почти не оставались. Одной из причин этого странного поведения было наличие в нашем дворе собаки и, главное, собачьей кастрюльки. Собака, точнее, кобель этот имел сначала банальную кличку Дружок, но так как он, несмотря на малые размеры и беспородность, так рьяно выполнял свой долг (никто не мог зайти во двор необлаянным и незапуганным) и так тщательно, будучи отяжленным на зиму, ходил за нами по пятам, участвуя абсолютно во всех мероприятиях (например, нагнешься за упавшим поленом, и лицо уже облизано, катишь рулон сена, он уже едет на рулоне, как белка, и грызет тебе верхонки), что пришлось дать ему другую кличку — Дружан. Хоть и с криминальным душком имечко, зато ближе к истине.

Так вот, Дружан в летнее время постоянно объявлял голодовку в знак протеста — ему не нравилось на цепи. В его чашке всегда был, к примеру, хлеб. Куриная разведка сработала четко, и именно за хлебом пернатая братия во двор и проникала правдами и неправдами. Куры обожают хлеб. Скорость поглощения этого продукта феноменальная. Какие-то доли секунды. Конкуренция бешеная: схватить кусок и бегом в кусты, пока не отобрали, а следом погоня — разъяренная толпа неудачников.

Самое радикальное средство против куриного бандитизма — это обрезание крыльев. Это последний аргумент. Как-то раз довели: всех изловил и, злобно посмеиваясь, подверг весьма унижительной процедуре: ножничками крылья оттяпал. На полу было красиво от разноцветных перьев, на душе скверно, в огороде спокойно. И все же одна прыткая — чёрная, от процедуры улизнула. Я не смог её поймать.

Пользуясь великой привилегией свободного полета, она спокойненько подъедалась у собачьей будки.

Дружан не удаивал ее вниманием, вообще любая умная деревенская дворняга никогда не трогает куриц, потому что растёт с ними с детства.

Дружан даже не знает, что куриц едят, кроме того он отлично относится к своим котам и кошкам и гоняет только чужих. Частенько мои коты тоже у него в чашке орудуют лапой, а ему хоть бы хны.

Надо сказать, что у подавляющей части наших меньших братьев с мозгами полный порядок. За всю свою деревенскую жизнь я не встречал среди животных столько глупцов, сколько их среди людей. Я уже не говорю, что они никогда не пьют водку, не курят, не матерятся и не бросают своих младенцев.

А кто придумал байку про куринные мозги? Чушь. У них мозгов поболее, чем у иных министров сельского хозяйства.

Так вот, эта чёрная прекрасно знала, что в огороде нельзя. При нашем появлении она пряталась в малине и вела себя тихо. Даже вину чувствовала. Дверь в загон откроешь, так она из огорода со всех ног: «Порядок есть порядок, дескать, бес попутал, всё понимаю, я тут чисто случайно, больше не повторится».

Ну-ну.

Через часок она опять в запретной зоне, да ещё и не одна, с ней подвизалась рябая, что довольно странно, ведь у неё крыльев нет. Она-то как?

С месяцем продолжалось беззаконие. Сильно, чёрная не бедокурила, так, подрывала пару грядок.

Всё же, в конце концов, я её выловил и крылья ей тоже отстриг. Что бы вы думали? Её тут же сменила белая, у

которой за месяц крылья отросли. Гоняем белую.

В чем же смысл этих мучений с заборами и вечным противостоянием? Он, безусловно, есть.

Яйцо, снесенное свободолобивой, разбойной, хитроумной, шастающей по помойкам домашней курицей несет в себе жизнь. Можно положить в инкубатор — и через 21 день, героически борясь со скорлупой, из яиц выкарабкаются цыплята. Можно этого и не делать. В начале лета обязательно хоть одна из куриц начнёт вести себя странно: нахохлится, распушится начнет издавать некие звуки, то есть «заклохчет», и, подчиняясь железному инстинкту, сядет на яйца. 21 день будет сидеть, как вкопанная, лишь на несколько минут убегающая, чтобы поесть и попить. Если говорить серьезно, именно простую домашнюю курицу можно назвать символом материнства.

Нельзя описать словами, как она своих цыплят оберегает, как учит клевать и рыться в земле, как закрывает их ночью своим распушенным телом — это надо видеть. Народ это давно подметил: недаром говорят, носится со своими детьми, как курица с цыплятами.

Уже много-много лет я не пробовал есть яйца с птицефабрик, но где-то видел их никчёмное содержимое — этот бледный, невыразимо печального цвета мертвый желток.

Из него ничего никогда не выведется. Какая уж там жизнь — так, безвкусная, безрадостная маета. Оказывается, лишив курицу свободы и поместив её в толпу ей подобных, мы убиваем в ней мать, какими бы витаминами её не пичкали. Недавно услышал, что ушлые владельцы птицефабрик взялись кормить кур особой краской, чтобы желток был ярче. Услышал и содрогнулся. Современный горожанин и так по горло набит всякими суррогатами под видом еды, ещё и такой подарочек!

Думая о курицах, (странно, не правда ли) я понял, что свобода — это не пустая декларация, это необходимое условие существования практически любого живого организма.

А что же тогда человек?

Ответ простой и страшный: человек — раб, нежизнеспособен, как тот мертвенно-бледный желток, какими бы красками его не нашпиговали и какой бы словесной шелухи не рассыпали повсюду, пытаюсь вдохнуть жизнь в угрюмого невольника.

Часть 2. От цыплёнка до курицы

Каждую весну, начиная с апреля, уже много лет подряд в доме Весёлого птицевода в инкубатор закладываются яйца, потому что отряд лёгкой кавалерии ежегодно нуждается в обновлении, процесс омолаживания остановить нельзя — куриный век недолог.

В этом деле всё просто: переворачивать яйца 2-3 раза в день, следить, чтобы кто-нибудь случайно не выдернул из сети вилку, наблюдать за температурой — и так 21 день.

Эта простота лишь кажущаяся. Именно весной практически каждый год в нашу деревню и, разумеется, в другие тоже приезжают Весёлые электрики и «лёгким движением руки» отключают свет. Отключают, никого не предупредив, часов на 5 и занимаются полезным делом: что-то меняют, проводят так называемую профилактику сетей.

Цена этого разумного мероприятия — 50 цыплячьих смертей в моём инкубаторе. Особенно обидно, когда остаётся 2-3 дня. Кто-то скажет: делай, мол, резервное питание, но, извините, при малых объемах вывода цыплят тратить деньги на электронику и автономный

источник питания глупо, а точнее, экономически нецелесообразно.

Дело тут вовсе не в материальных потерях, а, как ни странно, в безобразном отношении к человеку, который в деревне этой живёт. Как нас держали за быдло при советской власти, так и держат. Никто не предупреждает, а ведь всё элементарно: один звонок электрика-начальника главе сельского поселения, тот поручает секретарю выпустить на принтере (век-то у нас какой на дворе?) три бумажки с тремя-четырьмя словами на каждой и повесить их на три магазина. И всех делов.

Как-то приезжал в Дом культуры цирк с обезьянами и удавами, объявления были, перед выборами объявлений тьма тмушая, хотя так много и не надо. Зачем десять раз повторять одно и то же — мы же не дебилы и запомнить дату выборов способны с одного раза, ну, допустим, для сильно пьяных надо два. Объявления были самые разнообразные, но когда дело касается жизненно важных вещей, тишина такая, как будто никто не смеет выдать важную государственную тайну.

Если в момент отключения света я или жена находимся дома, спасти цыплят можно, правда для этого придётся очень быстро растопить печь, нагреть воды, разлить её в пластиковые бутылки, вытащить лоток с яйцами, обложить их бутылками, закрыть одеялами и ждать, когда свет соизволят включить, периодически меняя остывшую воду.

Почему быстро? А потому, что больше часа возиться нельзя, каждая минута дорога.

Всё гораздо сложнее, если в момент приезда электриков-юмористов мы окажемся на работе. Однажды со мной произошла одна весёлая история, примечательная тем, что я её не выдумал. Во-первых, такое придумать нельзя; во-вторых, ничего выдуманного — это соль и смысл данной книги.

В мае 2008 года я шёл с работы и увидел как мельтешат оранжевые куртки электриков в районе трансформатора — я всё понял и прибавил шаг. До выхода цыплят — 3 дня. Прошло уже часа два, яйца остыли, на печь и всё прочее уйдёт ещё час, а его уже нет, уже фактически всё. И тут меня осенило: температура моего тела 36,6 — вдруг всплыло в моём охваченном паникой мозгу. Что ж, буду греть собой — решил я. Вытащил лоток, поставил у кровати, принёс тулуп, лёг на кровать и начал обкладывать себя яйцами, а было-то их 50 штук. Не буду вдаваться в подробности, как я их зафиксировал и куда понатолкал, сами догадаетесь, не в этом дело. Проблема-то была в том, что дома я был один. Теперь представьте, обложился яйцами, шевельнуться нельзя, а надо ещё тулуп сверху положить. Кое-как положил.

Минут через 30 я начал раскаиваться в своём поступке. Шевелиться было нельзя, устроиться поудобнее нельзя, почки заныли, заболела спина, закончились в голове все известные и свежепридуманные ругательства. Тем не менее, мне всё же удалось задремать, но это был не сон, а какой-то кошмар: мне мерещилось, что я всё передавил и лежу среди трупиков-недоносков и слизи.

Это издевательство продолжалось 3 часа. Когда в пять часов включили свет, это была по-настоящему первобытная радость.

Через три дня из 50 яиц дружно вылупилось 48 цыплят, которые явно не подозревали об убийственных кознях весёлых электриков и через год превратились в стремительный отряд лёгкой кавалерии, терроризирующий огород своего спасителя.

Николай ПОДСЕВАЛОВ

Шахтёрская тема

Под недр

Взволнованные стоны

Я слышу: гул подземных масс
И содроганье их от взрывов,
Как зло шипит глубинный газ
И выпускает боль нарывов.

В глубинных мастерских идёт
За уголь бой — игра со смертью —
Горняк полемику ведёт
С подземной чёрной круговертью.

Он вторит ей, буря шпуров,
О том, что уголь нужен миру,
Взрывник в забой ведёт шнуры
Как будто свет в свою квартиру.

Забой отбурен, и заряд
В шпуров заложено, пыль осела,
Ещё мгновение и наряд
Бригада выполнит умело.

Пуста углеспускная печь —
Покуда ветер в ней гуляет,
Взрывник велит бригаде лечь,
Где безопасность позволяет.

Под устье печи, люковой,
Порожнячок поставил рьяно,
Он тоже парень деловой
И повзрослел как видно рано.

Предупредительный свисток
И недр дрогнули от взрыва,
И угля свежего поток
По рештакам поплыл игриво...

Углеспускная печь полна,
Ещё мгновение и вагоны
Заполнит чёрная волна,
Под недр взволнованные стоны.

И вновь в забое визг сверла,
И вновь взрывник к шпурам шагает —
Идут шахтерские дела,
А время в завтра убегают.

И снова взрыв, и печь гудит,
Приняв в себя дробленый уголь,
И мастер весело глядит,
И смена движется на убыль...

Доставлен новый порожняк
И люковой, как обезьяна,
Снуёт средь горных железяк
И план доводит без изъяна.

Тяжёлый угольный состав
С участка медленно отходит
Вагона каждого сустав
Свою мелодию выводит.

Бригада выполнила план,
Идём к стволу.. устало, мерно,
И провожает нас метан,
Шипя вослед высокомерно.

Ответ на вопрос

Я часть династии нелёгкого труда —
Мои родители обычные шахтёры,
Я в чреве матери был привезён сюда,
Из жарких мест, где лишь пески и горы,
Где есть сады похожие на рай —
Тогда мне не сказали: «Выбирай!»

Да, я рождён в холодном Ноябре,
Характер мой воспитывали зимы,
Я подрастал на снежном серебре,
И мысли мои, словно пилигримы,

Бродили в поднесённом мне добре.

Я полюбил свой необычный край,
И он — Кузбасс, мне стал родимым домом,
Я по сей день тем кланяюсь хоромам
И, утопая в пламени искомом,
Вхожу в его хоромы словно в рай.

И всякий раз, открыв его тома —
Историю земли — моей — Кузнецкой,
Я с дошлостью, неугасимой, детской,
Спешу под купол вешего холма,
Где золото имеет чёрный цвет,
Искать многозначительный ответ, —
Зачем живу.. и поглощаю свет,
И нахожу его, крепя крутой забой —
Ответ таков: «Вся жизнь — за правду бой!»

Жужжит сверло, вращая бур в шпурах,
Заряд заложено, шит готов к отпалке,
Солёный пот нестиранных рубах,
Уносит страх, и придаёт закалки...

Под встряской взрыва
дрогнул шит, — пошёл,
Дробленый уголь заполняет печи,
И вновь ответ на мой вопрос пришел,
Пронзая жаром душу, руки, плечи:

«Живём за тем, чтоб уголь дать стране,
Чтобы тепло его служило доброй славе,
Чтоб видеть завтра в каждом пацане
И помнить тех, кто жизнь оставил в лаве,
Кто выводил из крена грозный шит
И им же был безжалостно и убит...»

Да, я прошёл весь этот чёрный ад,
И счастлив тем, что за его порогом,
Цветёт Кузбасс — Великий — Чудо-Сад,
И думает о будущем и многом.

И если вдруг мне скажут «Выбирай» —
Отвечу так: «Отчизн не выбирают!
Виват тебе Шахтёрский пыльный край,
В котором мои корни прорастают!»

В двух словах, про труд шахтёров,
Не расскажешь ничего —
Нужно видеть весь их норы,
Либо более того:

Нужно знать о каждом много,
Понимать куда ведёт
Их тревожная дорога,
Что им сердце напоёт;

Нужно знать секрет скрижалей, —
Тайность заповедей их,
Стоны траурных вуалей
На могилах вековых;

Нужно видеть вдовьи слёзы
И сочувствовать тому
И приняв судьбин занозы
Размышленья дать уму..

Нужно: видеть шит и лаву,
Тонны угля и пород;
Слышать времени октаву
И о чём поёт народ.

И конечно, очень нужно,
Чтоб за каждой строкой,
Мысль выстраивалась дружно,
Забывая про покой.

В двух словах, про труд шахтёров,
Ничего не рассказать —
Хватит лишних разговоров —
Этот труд не описать,

Потому, как с ним сравнится,
Может только смертный бой...
Вновь всплывают павших лица,
И зовут... зовут в забой...

Ода Шахтёрскому Труду

Глубоко, под землёй, меж могучих пород,
Залегают сибирское золото — чёрное —
Вещество, о котором, веками народ
Неустанно твердил, мол, оно... непокорное...

Много было тех слов, но народ понимал,
Что без угля прожить будет трудно
и плохо,

И упорно его на-гора поднимал,
Так шахтёрская здесь зарождалась эпоха.

Шахты рыли вручную: лопаты, ломы —
Инструмент никудышный
для этой работы,
Но стонали под натиском ратным холмы,
Раскрывая подземок богатые соты.

Много было смертей, много пота и слёз
Пролилось на пласты в те тяжёлые годы.
Сколько ж срублено елей, осин да берёз,
На гробы и кресты
без согласий природы?..

Из глубин на лошадах везли уголёк,
Кони слепли и гибли
в конюшнях глубинных —
Век машинной подземки
был очень далёк
И тем самым косил
лошадей неповинных.

Покорители недр, выжигая метан,
Рисковали собой и сгорали порою,
Те, кто выжил в огне, изнывали от ран
И уже не примкнули к рабочему строю.

Миновали столетия, уж шахты не те —
Они глубже и шире,
теперь в них машины!
Величаво копры в поднебесной черте
Подставляют под солнце
стальные вершины.

Нет лошадок в подземках —
не сыщешь с огнём —
Конононы ушли с наступленьем
прогресса,
И метан не сжигают открытым огнём,
И о буднях шахтёрских печатает пресса.

Но ещё зачастую под толщью холмов
Происходят пожары, обвалы и взрывы,
Видно крепкие нервы
подземных волхвов
Не прощают народу природы нарывы.

Слава тем, кто,
сражаясь в подземках страны,
Выдавал на-гора уголь с кровью и потом —
Тем, кто помнит и чит
ратный труд старины
И при этом любитесь каждым восходом!

Слава семьям шахтёрским и их детворе,
Что когда-нибудь встанет
отцам на подмогу
И, поднявшись из шахт, улыбнется заре,
И в тревожное завтра, проложат дорогу!

Уголь был, уголь есть, уголь будет всегда
И природа его не отдаст без отпора,
Пусть же знают о том всей земли города,
Каковы, в самом деле,
есть будни шахтёра!..

Вот и всё!..
Порожек школьный
Проводил меня.
Я теперь как ветер вольный,
Жажущий огня.

Сотни троп ведут к дорогам.
По какой пойти?..
Я стою в раздумье строгом
В выборе пути...

Аттестат лежит в кармане —
Пропуск в новый свет.
Что он даст и чем он станет
В протяженьях лет?..

В тот же миг ответ родился:
«К знаниям шагай,
Коли хочешь в мир пробиться,
И, не унывай!».

Что ж прощай родная школа,
Я иду туда,
Где зовёт стихов виола,
Пережив года.

Теми звуками отныне
Буду дорожить.
Знаю, сердце не остынет
Милой школой жить...

Утром, в прибрежной тиши,
солнце лучи полоскало...
Где-то, на том берегу,
тихо гармонь напевала;
Слышатся всплески весла,
звонко смеётся девчонка,
А под рябиной, в тени,
мальчик играет с кутёнком;

Шепчется тихо волна,
грустью объята берёзы,
Скоро подуют ветра,
грянут осенние грозы,
И журавлиный набат
небо расколет на части —
Птицы к теплу полетят —
вот уж поистине счастье.

Только оно не по мне —
счастье мне нужно иное —
Чтобы ходить по земле,
чтоб не хотелось покоя,
Чтобы могли мы дышать
воздухом чистого мира,
Чтобы в труде, не в войне,
строилась славная лира,

Чтоб на крутых берегах,
песни, гармонь распевала,
И над страной, в небесах,
ясное солнце
сияло!..

Литературный калейдоскоп

«Усятской россыпи»

За прошедший год, после выхода в свет предыдущего седьмого номера «ЛХГА «Усятская россыпь», в литературной жизни региона, вернее сказать, в информационном литературном пространстве юга Кузбасса, в котором мы тоже стали какой-то частью произошло немало нового. Нельзя сказать, что наша литературная жизнь была ключом, но и нельзя сказать, что ничего не произошло и ничего не сделано.

Прежде всего, хочется сообщить всем нашим читателям и авторам, публикующимся на страницах «Усятской россыпи», несмотря на то, что позицию редакции альманаха пока что можно назвать пассивной (кроме выпуска номеров газеты другой работы не проводится, молчим). А молчим между номерами по той причине, что работает редакция очень малыми силами, как говорится: «и швец, и жнец...» - и всё одни и те же... Тем не менее, наши выпуски обделёнными вниманием не остаются, находят в виду и не только в нашем регионе. Стоит лишь заглянуть в Интернет: И «критика» там есть в наш адрес, и добрые пожелания, и нечто ещё которое нельзя отнести и не к тому и не к другому. Добрые пожелания радуют. И, это при том, что сами мы «Инетом», пока, фактически не пользуемся. Но, вероятно, будем - жизнь заставляет.

Что касается критических замечаний касающихся отсутствия в редакции редакционной коллегии и тому подобное, то ответ прост: готовы создать его хоть завтра, думали об этом. Вопрос - из кого? Работать на голом энтузиазме, коме двух «романтиков», пока, больше ни кто не решается. А если бы прибавилось к нам хотя бы человек пять...шесть знающих, или желающих освоить начатое дело, то вместе мы смогли бы и горы свернуть, и переквалифицироваться из «самодеятельных» в «профессиональные». Хочется верить, что такие времена настанут и они не за горами...

Поясним, что мы подразумеваем под словом «профессиональное»? Прежде всего, конечно же, это высокое профессиональное мастерство и квалификация, как у авторов публикуемых произведений, так и у работников редакции. Но это не главное, главное — материальная составляющая вопроса, которая заключается в способности редакции надлежащим образом оплачивать труд и своим творческим, и своим техническим работникам, которые делают конечный «товар», то есть - издание.

Существование обозначенных оплат за счёт оборотных средств от реализации своей выпускаемой продукции, пока что редакция не в состоянии. Время такое, что не пользуется духовное желаемым спросом.

Нет у редакции и стабильной финансовой поддержки как со стороны каких-то физических или юридических лиц (то есть, спонсоров), так и со стороны государства. Вот и идём, как можем, как получается. Хотя, понимаем, что обозначенная проблема не является безнадежной (изредка же находим мы таких лиц...), работать надо в этом направлении основательно, целенаправленно и постоянно. А работать некому. Поэтому и получается «коллективное удовольствие, за счёт одного», как отмечают некоторые сторонние наблюдатели из «Интернета...».

Словно, из анекдота - наблюдающие с

«берега» за тонущим в реке: «Выплывет.., не выплывет?».

Выплыл — вытрут пот со лба: «Ф-у-у, мы так за вас волновались!..»

Не выплывет, утонет — смахнут слезу с глаз: «...Как жаль, мы так переживали...»

А бросить утопающему какое-то спасательное средство, так никто и не «догадался».

Напрасивается вопрос, зачем же тогда мы занимаемся начатым делом? Ответ снова прост: во-первых, теперь уже, без альманаха жизни не будет и не только нам, сотрудникам редакции; во-вторых, надежда, на светлое будущее, теплится...

Далее хочется поговорить о жизни и делах в обозначенном выше, нашем, небольшом литературном пространстве:

Прежде всего, сообщаем, что общими усилиями (в складчину) поэтов Прокопьевска, Новокузнецка и Междуреченска, под руководством и по инициативе прокопчан Людмилы Павловны Лукьяновой и Любови Геннадьевны Руденко, небольшим тиражом выпущены четыре тематических поэтических сборника: «Люблю я город свой с рождения!», «Не отрекаются, любя», «...» и «В сахарном инее гроздь рябины».

С большинством авторов опубликованных в названных сборниках читатели «Усятской россыпи» знакомы, поскольку многие из них, а кое-кто и не единожды публиковался и у нас. Поэтому, глядя со стороны на названные выпуски, хочется сказать, что на наш взгляд хорошие стихотворения есть у многих авторов. У многих виден прогресс, особо в этом отмечаем прокопчан Сергея Гнездилова и Александра Тулупцева. Отмечаем понравившиеся стихи у новых для нас авторов — междуреченцев: Евгения Боровкова и Светланы Кочариной — Кульбицкой, с творчеством которых многие наши читатели пока не знакомы.

Выборочно стихотворения отдельных авторов, из названных сборников, размещены на страницах альманаха, в рубрике «ВДОХНОВЕНИЕ».

И ещё, что хочется сказать о коллективных поэтических сборниках: опубликованные произведения в сборниках разные, как и их авторы; есть стихи сильные и хорошие, есть и слабые. Но ставить вопрос, зачем опубликованы последние, ни в коем разе не собираемся. Наоборот, говорим всем — молодцы, правильно сделали, что нашли в себе силы публиковаться таким образом...

В общем-то, в «Усятской россыпи» в основу деятельности тоже взят этот же принцип, поскольку другого способа существования и выживания для нас сегодня нет. Тем не менее, опубликовать у себя всех желающих мы не в состоянии и не только по техническим причинам... Для пояснения многоточий, вновь возвращусь к прерванному выше разговору о работе издательства: «Критики» осуждают редакцию, её выпуски и саму идею, которая заложена в начатое, желанное, дело. Всё, что мы производим, они называют «пошлятиной» и «сорной травой»... Хотя пошлятины у нас не было ни в одном номере, ни в пример тому, что пишут они сами. Обвиняют в «самолюбивании», «косноязычности»... Говорят «до публикации нужно dorasti», «Богу — богово...» и так далее.

В общем, всё - мерзко!

Люди, которые сами по себе ничего не представляют, а вот нате ж - возмнили себя недосягаемыми вершинами.., вознеслись невесть куда и осуждают (по сути — «оплёвывают») дело и людей, которые по мере сил и возможностей делают то, что им хочется делать.

Не видят «критики» то...нечто, которое сделано уже «Усятской россыпью» за её младенческий возраст; то, ради которого стоило всё начинать. Не говоря уже о находящемся в заделе и о том, что будет сделано в будущем (если, конечно, «все-вышний» отпустит жизни на желаемые благие дела).

«Усятская россыпь» состоялась, состоялась как нужная вещь. Её читают и будут читать, её будут изучать, ею будут откровенно восторгаться и, откровенно же ненавидеть... Такова природа «человеков» и их сущность!

Поэтому не боимся мы своих «зубодрильщиков», при случае сами можем отвечать тем же... И говорим им: в таком случае мы и сами «плевать» хотели и на вас - «критиков», и на вашу - «критику»; собаки лают, а караван идёт!.. Это — второе.

Подводя черту под сказанным, хочется поздравить не только всех авторов (опубликовавшихся, в названных выше, вновь изданных поэтических сборниках) и их читателей, но и организаторов и вдохновителей, как теперь говорят — «данного проекта»: Людмилу Павловну Лукьянову — редактора и составителя выпусков и, Любовь Геннадьевну Руденко — руководителя прокопьевского поэтического клуба «Вдохновение». Хочется выразить им особые слова благодарности и признательности за волю, терпение и многолетнюю неотступность от - раз и навсегда, выбранного ими пути, не смотря ни на какие жизненные коллизии. Хочется сказать им: «В нашем полку прибыло... Не опускать руки и дальше так же держать - коллеги!»

С особой гордостью сообщая всем читателям «Усятской россыпи» что за прошедший период времени особо отличился у нас не однократно публиковавшийся на страницах альманаха — новокузнецкий прозаик Владимир Максимович Неунывахин, выпустивший две замечательных книги: сборник рассказов и прозаических зарисовок «Проклятье» и «Смеяться, право, не грешно».

Несколько отдельно взятых рассказов из книги «Проклятье» и товарищеский отзыв на книгу в целом, с пожеланиями редактора альманаха, размещены в номере. Редакция поздравляет Владимира Максимовича, выражает ему свою признательность и пожелания на дальнейшие творческие успехи с не меньшей производительностью.

С нескрываемой же гордостью сообщаем всем, что выпустила свой второй поэтический сборник под названием «Хрустальный куб» таштагольская поэтесса Ольга Беккулиева. Стихотворения, которой, так же не единожды ранее публиковались на страницах «Усятской россыпи». Отзывы, пожелания и выборочные стихотворения из названной книги Ольги Беккулиевой размещены в рубрике «Голос Таштагола».

Кроме знакомых авторов, ранее публиковавших свои произведения на страницах альманаха, читатели сегодняшне-

го номера найдут для себя и много новых имён, в том числе приславших свои произведения и из других регионов нашей страны. Поэтому желаем всем приятных впечатлений, от прочитанных произведений и полученной новой для себя информации.

Ко всему перечисленному выше, хочется сообщить всем вам, что 27 декабря 2011 года «Усятской россыпи» исполняется пять лет со дня её основания. Итог — восемь выпущенных номеров Альманаха (точнее — семь, поскольку третий и четвёртый номера были выпущены одним номером).

Нельзя обойти молчанием и того, что в прошедший период наше литературное сообщество понесло и невосполнимые потери.

В Таштаголе, ушли из жизни:

- Людмила Семёновна Сафонова, талантливый прозаик, в прошлом — педагог, не одно десятилетие своей жизни отдавшая школе и делу учёбы и воспитанию подрастающих молодых поколений, последнее же время и до конца дней своей жизни работавшая корректором Таштагольской городской газеты «Красная Шория».

Один из рассказов Людмилы Семёновны - «Рыжая», был опубликован в пятом (Фёдоровском) номере «Усятской россыпи», в феврале 2009 года. Ранее, этот же рассказ публиковался и в областном литературном журнале «Огни Кузбасса»;

- Иван Замятин — поэт, в прошлом геолог и работник лесничества, считавший свою «жизнь, во всех её проявлениях», своими же жизненными «университетами». Подборка стихотворений Ивана Замятина публиковалась в шестом (Чеховском) номере «Усятской россыпи».

Думается, что таштагольские литераторы, активно сотрудничающие с редакцией «Усятская россыпь» не позабудут своих ушедших из жизни коллег и товарищей, и будут представлять на суд читателей ранее не публиковавшиеся их произведения.

Понесли потерю в своих рядах и прокопьевские литераторы — летом текущего года, после продолжительной и тяжёлой болезни ушла из жизни Наталья Михайловна Миллер — поэт, в прошлом педагог, много лет проработавшая в школе № 70. Многие прокопьевские поэты посвящали Наталье Михайловне свои стихотворения, в том числе и Виктор Иванович Савинков.

Летом же текущего года (15 августа) ушёл из жизни известный прокопьевский общественный деятель, поэт и прозаик Анатолий Иванович Грохов, воспоминания о котором опубликованы в данном выпуске.

Память об умерших наших товарищах навсегда сохранится в наших сердцах...

25 декабря 2011 года (в последнее воскресенье декабря), в 12 часов дня, в актовом зале (или кабинете литературы) прокопьевской школы № 1 (той, которая находится в районе Комсомольской площади и той в которой учился в своё время лётчик-космонавт СССР Волинов Б.В. — дважды герой Советского Союза) состоится благотворительный литературный марафон посвящённый памяти скончавшегося год тому назад прокопьевского поэта Савинкова Виктора Ивановича.

Приглашаются все желающие.

Собранные на марафоне денежные средства планируется потратить на изготовление надгробной плиты и памятника Савинкову В.И.

8 декабря 2011 года в Центральной городской библиотеке Прокопьевска при поддержке администраций города Прокопьевска, Кемеровской области и Кемеровской областной библиотеки имени Фёдорова, торжественно открылся зал общественного доступа к электронным ресурсам «Центральной библиотечной системы» в рамках долгосрочной целевой программы «Развитие информационного общества и формирование элементов электронного правительства в Кемеровской области», которая действует с 2011 по 2013 годы.

В связи с чем, сегодня, Центральная городская библиотека Прокопьевска способна предоставить информацию по широкому кругу вопросов каждому желающему этого своему читателю. В распоряжение которых, теперь будут предоставляться: Автоматизированные рабочие места для самостоятельной работы; электронные базы данных, в том числе справочно-правовые системы; электронные каталоги библиотек России, области и города.

Центральная городская библиотека Прокопьевска готова помочь каждому своему читателю получить необходимую информацию не только в традиционном виде, но и в режиме «первого времени».

Через несколько дней после выхода в свет этого — юбилейного номера «Усятской россыпи» мы все будем встречать Новый 2012 год, високосный год - год дракона... Тем не менее жизнь наша будет продолжаться и в нём, поэтому хочется пожелать всем Вам дорогие наши читатели, авторы и работники редакции: счастья, здоровья и всяческих желанных земных благ. Пусть наступающий Новый 2012 год будет для всех Вас не менее плодотворным и радостным, чем все предыдущие Ваши годы...

ВДОХНОВЕНИЕ

Людмила ЛУКЬЯНОВА

(педагог — учитель русского языка и литературы, более 35 лет работает в школе № 1, увлекается исследовательской деятельностью - изучает творчество кузбасских поэтов; родилась в Поволжье, но с детских лет живёт в Прокопьевске)

ПРОСТИ

(матушке)

Так рано ты ушла от нас
Туда, где не звенят капли,
Где тишина, не слышен глас
И песни соловьи отпели.

Теперь печаль-в цветах купается,
И не сверкает блеск в глазах.
И плачет боль, и убивается,
И небо тусклое в слезах.

И песня не звенит в округе,
И радуга нам не поёт.
И жизнь опять идёт по кругу,
И горе за душу берёт.

Таких, как ты, не забывают,
И разлюбить таких нельзя.
Когда таких в ночь провожают,
То плачет русская земля.

Я думаю, меня ты слышишь,
Мой поздний крик: «Не уходи!»
Я знаю, писем не напишешь,
Услышь прощальное: «Прости!»

РОДНОЙ ГОРОДОК

В угасшем лете розового дня
Горит закат малиновым огнём.

И радуясь, и мучась, и любя,
Пишу стихи о городе моём.

Вдали от малой родины, не скрою,
Родное кажется всегда родней.
И небо не такое голубое,
И сумерки немного потемней.

А дома день сияет всеми красками
И блеклый мир нарядами цветёт.
Люблю я зиму преданно и ласково,
Где белый снег не часто, но идёт.

Морозец лёгкий обжигает щёки,
Вселяя в душу свежесть и задор.
Казалось, что в зиме сибирской проку?
Но сколько света в ней, какой простор!

Чарует душу и весна, и осень,
И золото рябин, и синь небес!
Я клён люблю, берёзу — очень-очень —
Родное всё! В стране моей чудес!

ГРУСТЬ ОСЕННИХ ДНЕЙ

Давно минула юности пора,
И отгорел закат рябины красной,
Но гложет сердце: не уберегла,
Забыла, разлюбила взор твой ясный.

Не ту дорожку выбрала себе
Глаза не те мне душу ослепили.
Я грусть осенних дней таю в душе,
Любимые, спасибо, что вы были.

Был ветер сильный, с поля колосок
Искал себе пристанище под крышей.
Любви той первый милый голосок
И через годы всё ясней я слышу.

Спешит опять весна с теплом по-прежнему
В аллеи наших радужных лучей.
Не позабыть мне чувства твои нежные,
Твой голос, смех и шёлк ржаных кудрей.

ЛУЖБИНСКИЕ МИРАЖИ

Первозданная, просто нагая,
Распахнула объятия свои,
Вековая Лужба, молодая,
Показав безрассудство любви.

В страшных муках рождается чудо —
Человек появился на свет.
Расступаются реки-причуды,
Берюзовый дурманит рассвет.

Зацелованы горы и скаты
Поднебесною синью живой.
И черёмух — невест ароматом
Переполнен прибрежный покой.

Будто свечи, горят в поднебесье —
Огоньки в полный рост здесь стоят:
Ничего нет красивей в полесье,
Чем бодана рубинов наряд.

Растворилась я в мире бездонном,
Улыбнулись мне счастья лучи.
Нелегко оказаться вне дома.
Нет, легко, если рядом «лужбинки» ключи.

Лес и горы, долины и скаты,
До чего же прекрасна земля!
Глянь: уже за седым перекатом
Ясно-алая зорька видна.

Незаметно её созерцаю,
Поселяю я в сердце к себе.
До свиданья, Лужба, уезжаю,
Что бы вновь возвратиться к тебе.

Любовь РУДЕНКО

(культпросветработник, долгое время работала директором ДК им. Горького, в 1992 году стала инициатором создания городского поэтического клуба «ВДОХНОВЕНИЕ» и бессменно возглавляет его по сегодняшний день, родилась и проживает в Прокопьевске)

СТОРОНКА МОЯ

Выйду в поле и, в высь журавлиную
Запущу свою песнь о любви.
Эх, сторонка моя, Русь былинная,
Позови ты меня, позови.

Позови ты меня в дали дальние
Необъятные земли объять.
Позови в деревушки печальные,
Где ни сеять не стали, ни жать.

Где скачают поля под осотами
О весенней страде зерновых,
Где мечтают сиять позолотами
Спелая рожь и покос яровых.

Ах, ты, матушка, Русь моя светлая,
В твоих рощах поют соловьи.
Вторит им мать-земля предрассветная,
Сохраняя устои свои.

РАНЕТЫ

Перед взором яблоневый сад,
Вдали ранет манит
Осенней сказкой жгучий взгляд
Рубиновых ланит.

Опали листья уж давно,
И от дождей стволы
И ветви потемнели, но
Ранеты не голы.

В красе плодов горят огнём
И, плечи принакрыв,
Осенним пурпурным плащом...
Не страшен им порыв.

Порыв дождя, и шквал ветров,
И снежная метель...
Поёт душа моя без слов,
Как возлюбивший Лель.

Средь ярких красок я стою,
Как в сказочном лесу.
Вторую молодость свою
Ранеты мне несут.

ИЮЛЬСКАЯ НОЧЬ

Над лугами ночь в июле
Звёздный бросила шатёр,
Обитатели уснули
Всем страстям наперекор.

Пташка стихла, не щебечет,
Благодать и тишь везде,
Только робко где-то плещет
Рыбка мелкая в воде.

Над рекою, под сосною,
Слышен тихий разговор,
Гости леса не уснули,
Развели ночной костёр.

Песни слышатся и байки
Про любовь и про красу.
Всё расскажут без утайки
У костра в ночном лесу.

Юрий МОРАВИН

(культпросветработник, долгое время работал директором ДК шахты «Красногорская», родился в 1950 году на Алтае, но судьба связала его с Прокопьевском)

КОНЕЦ ЗИМЕ

Всю ночь покровом лечь пытался
Бессильный, надоевший снег,
А утром мелкий дождь начался,
И серый занялся рассвет.

Промозглый, неуютный ветер
Нёс запах прелости с подтаявших полей,
И чёткими узорами разрисовали небо
В набухших почках ветви тополей.

Притихла вся природа. Лишь одна
Пиликает пичуга, да галдят вороны.

Все солнца появления ждут, чтобы весна
В атаку перешла от обороны.

Куда бы не забросила судьбина
И где бы нам ни приходилось жить,
Нас с нашей малой родиной незримо
Живительная связывает нить

Конкретной нет привязки у неё,
И не увидишь, сколько ни смотри,
Нас связывает кровное родство,
Оно у нас с рождения в крови.

Мы говорим о родине взахлёб,
Припоминая всё по дням, и по часам.
И даже самый малый эпизод,
Лаская, согревает душу нам.

Мы рады каждой весточке с тех мест
Где детство босоное прошло.
Хотя не всем даётся лёгкий крест,
Не помним зла, а помним лишь добро.

Я умираю каждый день
От одинокого забвенья,
Что не тревожит сердце мне
Ни чьей руки прикосновенье.

А хочется, чтобы душа
По воле чувств затрепетала.
Чтобы в стихи вплелись слова,
Влюблённость смыслом жизни стала.

Чтоб ощутить жар тела вновь,
Когда оно полно желанья,
Когда горячая кровь
В висках стучится постоянно.

Покой и сон, и разум потерять,
Жизнь оградить одной заботой -
Любовь свою скорее повстречать,
Не важно, в первый раз, иль в сотый.

Нет, стихов не пишут нелюбимым,
Будь то нежный или горький стих.
В тех строках всегда почти, незримо,
Пред глазами виден образ их.

Нет стихов безадресных на свете —
В них сокрыт любви чьей-то портрет.
Той любви, которая в душе согрета,
Или той, которой ещё нет...

Ах, любовь! Она повелевает:
Мысли, чувства и свою мечту,
Выразит словами, открывая
Всем души влюблённой красоту.

Хорошо если любовь взаимна
И поэт поёт, как соловей.
Если ж нет. Как тяжело, обидно,
Что не нужен ты любви своей.

Все стихи слагались для любимых —
Хороши они или плохи.
Будьте бдительны, не проходите мимо
Тех, кто посвящает вам стихи.

Анастасия РУССКИХ

(Куприк)

(психолог, работала в Центральной городской библиотеке Прокопьевска, в середине прошлого десятилетия состояла и работала в СТС «Озарение», выпустила четыре поэтических сборника, руководила поэтическим бардовским клубом «Апрель»)

Мчит автобус из дня былого
В новый день на парах на полных.
Я почти уже сплю — но снова
Поворачиваюсь как подсолнух —
Не в окно. Пусть там — солнце, лето...
Но зачем мне всё это, если
Мой источник тепла и света

Тихо дремлет в соседнем кресле...

Иногда мужчинам надо уходить —
В лес, к друзьям, к подругам, на рыбалку...
В монастырь. На городскую свалку.
В дикие июльские дожди...
Важно — не зачем и не куда,
Не протест, и даже не свобода.
Важно — состояние ухода.
...кто бы там, в оставленном, ни ждал.

Я всё на свете сделать успевал —
Нельзя сказать, чтоб в миг уже последний.
Когда в округе намечался шквал, —
В час, что меж сном и паникой посредник,

Я успевал, весьма не торопясь,
Надеть походный плащ, собрать котомку,
Поест, проверить сотовую связь,
Оставить археологу-потомку

Какую-нибудь тайную скрижаль,
Раскинуть руны или кости птицы
И тихо, не оглядываясь вдаль
Темнеющую, встать и удалиться.

Никогда не бойся ничего.
Ты - вопрос, что Мирозданием задан
Самому себе. И всё, что рядом, —
Суть ответ. Лишь выслушав его
До конца, есть шанс дохнуть на ладан.
И ни шанса ровно — до того.
Боль, вражда, смятение, колдовство,

Горы, пламя, пропасти, пустыни,
Кровью осквернённые святыни —
Да не кем-то, а самим тобой... -

Никогда не бойся. Ничего:
Всё пройдёшь. И всё пройдёт. И схлынет.

Человечьи годовые кольца
Много крепче прочих древесин.
Страх умеет выбивать из сил, —
Только с ним и следует бороться.
А насчёт «Не верь» и «не проси» —
Наплевать. Проси. И верь. Не бойся.

Геннадий КРАСНИКОВ

(врач — ведущий специалист по ультрозвуковой диагностике ЦГБ, родился в 1942 году и прожил большую часть своей жизни в Прокопьевске)

ЗИМА

Снега упали нынче рано,
Покрыв всю землю, крыши лес.
В низовьях поплыли туманы,
Белым-бело всё до небес.

Ещё белее побелели
Стволы заснеженных берёз.
Озёра, речки обмелели,
Льдом берега сковал мороз.

В ночном бездонном небосводе,
Меж звёзд — холодная луна.
И, как бы вторя непогоде,
Вниз дышит холодом она.

Светлей, длиннее стали ночи,
Вокруг всё видно, словно днём.
Намного стали дни короче,
Все окна светятся огнём.

А звёзды стали ярче, ниже
В продрогшем холоде ночей
Прижалось солнце к земле ближе,
Спит и не греет без лучей.

Прекрасны зимние этюды:
Дымок кудрявый с крыш валит,
Вокруг сугробы белогруды,
Арбузной коркой снег хрустит.

Морозным инеем сверкают

Деревья в белой бахrome.
Снежинки медленно порхают
В волшебной зимней красоте.

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

От солнца прячась торопливо,
Зима уходит в тень домов
И наблюдает сиротливо
Последних таянье снегов.

Щебечут птицы огадело,
Земля выходит из оков.
И солнце, вдруг, остервенело —
Рвёт покрывало - из снегов.

Зима капризно убирает
Холодную свою постель.
Весна тихонько раскрывает
Палитры красок акварель.

Сосульки, с крыш воды напившись,
Свисают горным хрусталём.
Весенним светом озарившись,
Бегут серебряным ручьём.

Запели звонкой трелью птицы
От ласки солнечных лучей.
Земли проталины ресницы
Открыли блеск своих очей.

Прогнув печально свои спины,
Сугробы покидают кров.
Весна приносит в дымке синей
Свой малахитовый покров.
А под уход зимы печальной,
Ликуя, радуется грач
Весны приходу под прощальный,
Последний, тихий зимний плач.

СЛИШКОМ ПОЗДНО

Слишком поздно понимаем,
Что мы значим друг для друга.
Легко нити разрываем
И уходим прочь из круга.

А когда бессонной нитью
Станет, вдруг, нам одиноко,
Рвём своё мы сердце в клочья
И себя корим жестоко.

Вспоминаем про другого,
С кем когда-то повстречались,
Так когда-то дорогого,
С кем недавно вдруг расстались.

С кем совсем ещё недавно
Хорошо и сладко пелось,
Вроде жили дружно, славно,
А куда-то вдруг всё делось.

Про того, чьи поцелуи,
Позабыть уже успели,
Значит, в душах наших угли,
Все сгорели, все истлели.

Осознавши, вдруг приходим
Вновь туда и что-то ищем,
Ничего там не находим,
Только пепел, пепелище.

Я ИСКАЛ ТЕБЯ...

Я искал тебя солнечным летом
И холодной снежной зимой:
«Отзовись, — я кричал, — где ты?..»
Тебя не было рядом со мной.

Безрассуден был просто и молод.
Я искал тебя в стужу и зной.
Бредил: в жажду — тобою, и в голод,
Лишь бы только была ты со мной.

Я искал тебя днём и ночами.
Просыпался и снова искал.
Вновь я грезил твоими очами
И похожих, как ты, окликал.

По пути подружился я с ветром,
Чтоб помог он тебя мне найти,
Прошагал я в пути километры,

Я искал тебя в Млечном пути.
Я любил тебя в радости, в гневе
И с тобой свою радость делил
Я с тобой наслаждался, как девой,
Годы лучшие в жизни прожил.

Нет, не зря столь бродил я по свету,
Не напрасно тебя я искал.
Ты — мила, и прекраснее нету.
Ты — Богиня! Ты мой идеал.

Лилия КЛАПАТУН

(потомственный педагог, более 20 лет проработала учителем математики в школе № 5; родилась в Курганской области, но большую часть своей жизни, с детских лет, прожила в Прокопьевске)

«НЕ ОТРЕКАЮТСЯ ЛЮБЯ...»

Пусть даже предадут тебя,
Свои ты чувства береги:
Они — цветок в твоей груди,
Соблазны мести отвергай.

Обида хлещет через край?..
Она зальёт любви цветок,
Останови ты тот поток.
Любовь свою ты сохрани,
Прошеньем душу воскреси.

И время — мудрый лекарь, вновь,
Нас оживит. И та любовь,
Что затушить не дали мы,
Распустится цветком весны!

Она, Любовь, живёт лишь в нас,
Её увидишь в блеске глаз,
В улыбке, что украсит лик.
Началом будет этот миг
Всепоглощающей Любви...

Ей смело дверь ты отвори,
Пусть новый даст тебе урок
Разбуженный весной цветок!
И, благодарен, будь судьбе,
Что снова шанс даёт тебе.

«Не отрекаются любя...»
Пусть даже предадут тебя.

ПОВОРОТ СО МНОЮ О ЛЮБВИ

Поговори со мною о любви —
Вспоминаньем душу оживи:
Как страстно ты любил, но не меня,
Как встречи ждал ты, на исходе дня,
Как трепетал, когда встречался вновь...

Сжигала тебя страстная любовь.
Преградой для вас была семья,
Где были дети, где «царила» я.
Тебя я понимала, милый друг,
Не замечал ты ничего вокруг.

Ты обречён был с нелюбимой жить,
Но ту, что в сердце, ты не мог забыть.
Понять не мог ты, почему крепка —
Была, семью держащая рука.

Две половинки были мы с тобой —
Объединённые, одной судьбой...
Поговори со мною о Любви,
Вспоминаньем душу оживи.

ДРУГУ ПОЭТУ

Как выразить словами чувства
Через мелодию стихов?
Мне не под силу, это грустно,
Не сбросить с чувств моих, оков.

Как выпустить сейчас на волю
Моих иллюзий страшный бред?
Я не могу, я не позволю...
Но, если в клетке дверцы нет?

Не удержать! И чувства рвутся,

На встречу к новому спешат.
В других пусть душах отзовутся
И за меня они решат:

Где истина живёт на свете,
Источник радости души?
Мелодию подхватит ветер...
Пиши, поэт! Душой пиши!

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество —
радость от общения с душою.
От обид и страданий
душу нежно отмою.

Одиноким быть трудно
в этом мире жестоком —
Прозорливость поможет,
будет третьим мне оком.

Пусть иду я по жизни,
совершая ошибки.
Что мне делать? Не знаю,
под ногами грунт зыбкий.

Но опять поднимаюсь я,
упав на колени,
Снова душу очищу
от проклятий и лени.

Я от жизни не жажду —
поощрений, подарков.
Лишь бы солнце вставало,
освещая день ярко.
Одиночество скрасит,
мне — родная природа
И её восхваляя —
появляется ода.

Александр ТУЛУПЦЕВ

(шахтёр, родился в 1956 году и прожил большую часть своей жизни в Прокопьевске)

БАБЬЕ ЛЕТО

Зацепилась осень в волосах
Листиком, оторванным с берёзы.
И погода, будто на весах —
Лето днём и зимние угрозы.

И на пограничном рубеже,
Красками волшебными блистая.
В диком, быстройтечном вираже
Кружит лист, с деревьев облетая.

Ягода поспела и горит,
Гроздьями как бусами играя.
В платьице с багрянцами стоит
Красная рябина молодая.

Заплутала рыжая в лесах,
Позолотой сказочной играя.
Осень, как причудливый монах,
Бродит, жёлтой рясою, витая.

МЕЛАНХОЛИЯ

Шуршит шершавый жёлтый лист,
И ветер веточкой играет.
Идёт по городу «артист»,
От неудач своих страдает.

А осень властвует сполна,
И золото с деревьев вьётся.
И песня грустная слышна,
Душа «артиста» в клочья рвётся.

А ветерок, слегка резвясь,
С земли поднимет клубы пыли,
Затихнет, словно затаясь:
«Я не хотел, вы позабыли?..»

ОСЕННЯЯ НОСТАЛЬГИЯ

Стучит шальная непогода
Мокрой веткою в окно.
Расплакалась опять природа,
И осень скверная давно.

А нудный дождь стучит по крыше,

И с шумом капает вода.
А ты, упрямая, не слышишь,
Ушла, наверно, навсегда.

Весною ранней повстречались,
Когда весёлая капель.
С тобой друг другом любовались,
Но что случилось, вдруг, теперь?

Зачем крутые повороты,
К чему такие выражи?:
Томленье, хлопоты, заботы...
Скажи, упрямая, скажи!

Несёмся мы, не уставая -
Дела, поступки совершать...
И, шишки - снова набивая,
Стремимся что-то доказать...

Сергей ГНЕЗДИЛОВ

(фельдшер скорой помощи, родился в 1987 году и всю свою жизнь прожил в Прокопьевске, литературным творчеством занимается более 10 лет)

ПЛАМЕННЫЙ ПОСЛАННИК

На твоей щеке слеза,
Тайн неведомых избранник.
Словно пламенный посланник,
Я смотрю в твои глаза.

Ледяная глубина...
Я не вижу отраженье,
Только звёзд седых круженье,
Да ещё плывёт Луна.

Покажи свою ладонь -
Там отмечены дороги,
Все равнины, все пороги,
А в душе горит огонь...

Знаю я: пройдёт, поверь,
Дней безумных веренища.
Переступишь ты границу -
Стоит выйти лишь за дверь.

Всё, что было, отпусти,
Отпусти сегодня ночью.
Всё пройдёт, я знаю точно,
Не вздыхай и не грусти.

ЗВЕЗДА

В тёмном небе звезда одинокая
Нарушает печальный покой.
Подожди, я прошу, о - далёкая,
Я пойду наугад за тобой.

Позови меня в дали бескрайние,
В неприютный, безмерный простор.
Под ветра, молодые и ранние,
Под твой чуткий, волнующий взор.

Не покинь меня, милая, нежная,
Говорящая прямо с небес.
Ждёт ли нас за долиною снежною
Вместе с тайной обвенчанный лес?

Уведи меня дальней дорогой
Этой ночью в обитель твою.
Мимо серпа Луны двоерогой
Во врата, что на самом краю.

НЕ МОЛЧИ

Не молчи, я прошу, не молчи,
И без нас всё проглотит она,
Незамеченная тишина.
Огонёк колыхнётся в свечи...

Подойди-ка к окну, подойди,
Посмотри, что же сделал мороз -
Красный вереск на склонах замёрз.
Одиноко и пусто в груди...

Ты не плачь, будь сильнее, не плачь.
Там на небе мерцает звезда.
И куда-то спешат поезда...

Я на плечи накину твой плащ.
Выходи, ну скорей, выходи
По закату, смелей на крыльцо.
Жёсткий ветер ударит в лицо -
Долгий вечер нас ждёт впереди...

Ты шепчи, как молитву, шепчи,
Вспоминая покинутый дом,
Но прошу я тебя об одном:
Не молчи, не молчи, не молчи...

«Расплескалась» даль безутешная
Серым небом и мятными травами.
Успокоилась был моя грешная,
Наигравшись немymi отварами.

Разутешилась высь моя звёздная,
Растуманилась пеплом осенним.
Как старуха, бредёт осень слёзная,
От неё уже нет нам спасенья.

«Разгулялись» ветры свободные,
Расшумелись под звёздами ясными,
Обратились словами холодными
И расстались мечтами напрасными.

Но нелюбится здесь и не верится
И забытый никак не опомнится.
Только юная та гололедица
Навсегда в моём сердце запомнится.

Растворяясь былыми обидами,
«Раззвенелась» песня печальная,
Разбросалась усталыми видами
Эта тихая осень прощальная.

Евгений БОРОВКОВ

(шахтёр, литературному творчеству обучался в школе «ОЗАРЕНИЕ», выпустил два своих поэтических сборника, родился в 1967 году и прожил всю свою жизнь в городе Междуреченске)

ОТБЛЕСКИ

Двенадцать дней в чудесном мире,
Двенадцать дней как миг один,
Где счастье светится в эфире
Над бесконечностью картин.

И с удивлением ребячьим
Ты открываешь всё вокруг,
Но всё же, оставаясь зрячим,
Сразишь невидимый недуг.

Пройдя сквозь горы и долины,
Почувяв запах облаков,
Где шумно дышат исполины,
Срывая суетность веков.

И, стоя где-то на вершине,
Обнявшись с ветром и тобой,
Стекаешь звонко по лощине
Ты вместе с быстрою рекой.

И бирюзой засеребрится
Душа в озёрной глубине,
А на закате растворится
В его бессмертной тишине.

Летний ветер запутался в шторах
Полной грудью тяжело дыша,
И всё шарил по складкам, в которых
Трепетала душа не спеша.

Он принёс нам в подарок поляны
Распрекрасно-душистых цветов,
И смолисто-кедровых, и пряных,
С ароматами тёплых лесов.

Вместе с ними жужжание пчёлки
И пронзительный крик пустельги,
И шуршание серых иголок -
Где ежи отдыхают в тени...

Мы расставим подарки по вазам
И развесим по серым стенам,
И счастливые выкрикнем разом:

«Ты почаще заходи к нам!»
Ну и он улыбнётся по-свойски -
Ведь мы долгие годы друзья,
И ответит, зачем-то по-польски:
«Ну, добжите и вы ж до меня».

ТАНЕЦ ЖУРАВЛЯ

Журавль вальсирует по полю
В туманном, солнечном дыму.
Он озабочен этой ролью
Ему известной одному.

Я взгляда оторвать не в силах
На счастье, выпавшее мне,
От этой пары, на красивых
Полях, повисших в тишине.

Глаза любимых нам дороже
Всех чувств, рождённых на земле...
Не потому ль так осторожно
Ты в них заглядываешь мне.

Река сегодня на сносях!
Раздулась, как шальная баба.
Себе тихонечко текла бы -
Так нет, упёрлась торосья!

Водой проникнет в города,
Затопит тесные подвалы,
И наш сосед, моряк бывалый,
Под нос шепнёт: «Вот это да!»

А дети рады как обычно,
Из дома норовят сбежать.
Ах, молодость, не дать не взять! -
Так рассуждаем мы привычно.

Забыв, что сами рисковали,
Плывя на льдинах по реке...
Как всё осталось вдалеке -
Года своё уже забрали...

Просохли улицы, подвалы,
Всё встало на круги своя.
Но всё же вспоминаю я
Тех льдин могучие завалы.

Я со смертью на - ты.
Мы знакомы с ней лично.
На могиле цветы...
И по койке больничной.

Каждый день я в гостях
У неё, да с друзьями,
А она второпях
Нас прощает: «Бог с вами».

К ней сегодня иду -
Поздороваться надо,
Раз так триста в году,
Ради чёрного клада.

Про здоровье спрошу,
Про житьё, аппетит...
В общем - расположу -
Может, снова простит.

Светлана

КОЧАРИНА-КУЛЬБИЦКАЯ

(родилась в городе Анапа в 1980 году, с 1990 года живёт в Междуреченске; выпустила несколько своих поэтических и прозаических сборников, в том числе и в Интернете)

ЧТО Я ЛЮБЛЮ

...А ещё я люблю,
чтобы ветер в лицо,
И гудок электрички в дали,
В деревушке
безвестной вступить на крыльцо,
Босых ног отпечатки в пыли...
Я люблю запалённые
листья плюща
На обласканной солнцем стене,

И шальных воробьёв, что,
отважно пища,
Толстой кошке мешают во сне.
Я люблю дни рождения
и взрывы шутих,
Снегопады и звёзды в ночи,
Я люблю тёплый дождик,
который притих
На деревьях,
где дремлют грачи.
И когда на душе
так погано порой,
И от ужаса хочется выть,
Ты окошко для ветра
шалюного открой,
И пойми -
мир так просто любить...

У ночи длинные ноги
И тёмно-синее платье...
Плащ уронив на пороге,
Устало лежит на кровати.
У ночи простая машина,
Модель... - вроде «девятки».
Сегодня спустились шины...
Ой! Кто б помассировал пятки?!
У ночи глаза устали:
Влюблённых скрывать - морока!
Другие б и слушать не стали
От русской народной - до рока.
Ночь гасит торшер и, зевая,
Отложит на тумбочку книжку.
И сонно глаза закрывает,
И грезит о рыжем сынишке...

ЛЕТНИЙ ЗАКАТ

Увидела лицо заката -
И сразу на душе светлеет.
Он красит листья винограда
И на щеках моих алеет.
Закат подслушивает шорох
И колыханье занавесок,
За уходящим с неба солнцем -
Он Казановой и повесой.
Закат поглаживает платье
И взглядом ласково косится,
И на траве лежу опять я,
Впуская вечер под ресницы.

Море - это тот же небосвод,
Свергнутый давно в земную твердь.
Сине-бирюзовым взглeдoм вод
Раз увидев небо - умереть...
Море - зеркало, залитое в песок:
Известняк, ракушечник, гранит.
Зыбкое спокойствие хранит
В тёмной бездне море-туесок...
Бесконечной гладью между скал
Любовался с кручи дальний лес
И швырял листья, и ветвь спускал...
Море - слёзы, павшие с небес...

Александр РАЕВСКИЙ

(один из ведущих поэтов Кузбасса, член Союза писателей России, в прошлом майор противопожарной службы МВД, ныне МЧС РФ; живёт и работает в Новокузнецке)

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

...Разряды кончились. В траве
Воды движение и блики.
И очумелый муравей
Смешно скользит по землянике!..

В столбах лучей, наискосок
Пронзивших кручи туч разбитых,
Дымит берёзовый лесок,
Российской свежестью умытый.

Больные листья,
мусор, пух -
Ничто в борьбе не уцелело,
А всё зелёное вокруг
Ещё дружной зазеленело!

Последних капель голоса
Всё реже в птичьем хороводе,
Вовсю яснеют небеса...
И пахнет свадьбой в природе.

Далеко ещё до лета,
Синь — дождям ещё не срок,
Но дохнул — теплом и светом
Растелешанный лесок.

В мир лесной, да не зелёный
Нынче радость приплыла:
Ночью, охнув удивлённо,
Почка сына родила!

Подойду. Не потревожу.
Пей прохладу — так чиста!
Пей, зелёный, сколько можешь, -
Нынче день такой, а там...

Там прибудет в липком глянце
Новый братец... И попрёт
Прорастать и распрямляться
Свежий
взбалмошный народ!

Ну а после -
плуг по полю,
А потом —
цветы по маю...
Я такую жизнь и волю
Признаю
и принимаю.

СИБИРЬ

Где родиться — ты не выбирал.
Для кого-то глухая окраина,
Для тебя же единственный рай,
Только он за грехи забураненный.

Нефть да уголь,
да снег по воде,
Нищета да судьбина острожная,
Но ты знаешь, что это Эдем,
Только он до поры замороженный.

Ты устал, ты не вечный жилец,
За спиной лишь равнина безлика,
Но не надо об этом жалеть,
В сердце тайна мерцает великая.

Минут годы, сойдёт мерзлота,
И душа с наднебесной вернётся
К изумительным, белым садам...
И тогда от всего отдохнётся.

Не ходить бы нынче на рассвете,
Не топтать лучи по косогору, -
Там сестрёнка, что-то не заметив,
Протянула ручку к мухомору.

Не всегда над нами властен разум.
Так уж жизнь устроена на свете:
Любят то, что ослепляет сразу,
А не то, что тихой грустью светит...

Девчужке хотелось любви —
Возвышенной, пламенной, вечной!
О вольности юной крови,
Пичужная эта беспечность.

...Он ей до рассвета читал.
Рука над свечами летала,
В гортани вулкан клокотал,
Вулкану вина не хватало!..

А утром дворец опустел.
Мечты налетели на рифы.
Бокалы. Чужая постель.
Окурки повсюду и рифмы.

В груди мотылёк затихал...
Я собственно только об этом:
Желательно верить стихам,
Нельзя доверяться поэтам.

В наш моторно-удушливый век,
Из желанья опомнится что ли,
Презит волею Царь-человек,
Просто волей. Лошадной, не боле.

Мне бы тоже хотелось пожить
Той далёкой былинной средою,
Чтоб в лучах пламени Кижи
Там, где мне проходить бороздою...

Я бы сахар колот на столе,
Лез на печь в домотканом исподнем,
Крепко веря, что мы на земле
Только гости по воле Господней;

Я б до света вставал на покос
И, цапая буйный затылок,
Долго-долго мусолил вопрос:
Что сподручней — коса или вилы?..

А когда мне набат возвещал,
Что у Пскова какие-то шведы,
Я бы молча топор начишал
И спешил на подмогу соседу..

Так и жил бы, пока не затих
На скамье ли, на бранном ли поле
И растил бы детишек своих,
Но ради единственной воли.

Есть повыше дела на земле.
Стоит выплеснуть душу и силы
Чтобы выстрадать право на хлеб
И на званье кровинки России.

Людмила ТАНКОВА

(по образованию — педагог, учитель географии; по призванию — журналист: редактор промышленной газеты и на общественных началах ответственный секретарь и прочее... прочее в «Усятской россypi», член Союза журналистов России, выпустила книгу рассказов. Родилась на Алтае, но с детских лет живёт в Новокузнецке)

БЕЗУМНАЯ НОЧЬ

Безумная ночь коротка и легка,
И мысли той ночи лукавы.
Ах, если б в ту ночь оседлать воронка,
Примять истомлённые травы.

Сшибая с травинки медвяну росу,
Нестись через песни цикадок,
Стрелой пролететь сквозь стыда полосу,
Испив чашу грёз и загадок.

Нырнуть с головою в волну ветерка,
Поводья доверить судьбине,
И звёздами вышить ночные шелка,
Разлить тишину по долине.

Серебряный дождь
ссыпать с блюда луны,
Плащ звёздный на плечи накинуть...
Те ночи безумные так хороши,
Не выбросить их и не минуть.

ВОРОН

В заповедном лесу
Сизый ворон летал.
Он судьбу и любовь
Средь деревьев искал.
И была тишина
В разноцветье лугов,
Высыхала роса
С серебристых кустов.
Ворон небо чертил
Поседевшим крылом,
Зов любви расстилал
Над уснувшим листом.
До сих пор средь травы
Громкий слышится крик.
Крик осел на цветах,
В дрожь деревьев проник.
Тает крик на ветру,
Не отыщется след.
Только эхо с небес
Слышит ворон в ответ,
Да пылает костром
Костяника-трава,
Будто капли любви
Обронила судьба.

КРУЖЕВА

Закружились вьюги,
закрутились белые,
И остались в девушках самые несмелые.
Просидели зимушку
за плетеньем кружев,
Лето всё в работе вплоть
до зимней стужи.
За двойным за стёклышком
хоровод снежинок,
Острых, как алмазы, одиноких льдинок,
Закурчавил ветер, да завил их в локон
Возле сиротливых одиноких окон.
Кружева, кружавчики,
да белым белёхоньки
У несмелых девочек
в коробах целёхоньки.
Не украсят белые свадебное платье,
Не похвалит девушку озорная сватья.
Кружит ветер вьюгою. Одинокий кружит,
Воет сиротливо, будто бы недужит.
Плачет о девчоночках,
робких и несмелых,
О глазах их ласковых и руках умелых.

Последнее тепло.
Уходит лето.
Дорожки вновь усыпаны листвою.
И журавли кричат прощально где-то.
Несётся осень золотой волной.

Костром мгновенно вспыхнули осины.
С пологих склонов гор, с увалов, с рек
Багрец ручьём стекает на равнины,
И лето усмиряет свой поспешный бег.

Опавший клёна лист тихонько кружит,
Кусочком солнышка парит,
Он о тепле, о солнышке не тужит,
Стремглав в объятья к осени летит.

Туман тихонько закрывает доли
Пушисто-нежным, голубым ковром.
Над призрачным туманом, как атоллы,
Плывут рябины.
Слышен поздний гром.

Размывают дожди акварели
Златолистных осенних лесов,
Где рябины уже облетели
И напуганы воем ветров.

На луга опускается небо,
Покрывая росой грубость трав.
И, устав от ненужного бега,
Время вновь усмиряет свой нрав.

Заблудившись в прошедших мгновеньях,
Заплутав меж уснувших ручьёв,
Тихо падают листья в забвенья,
Заглушая звук праздных шагов.

Аделья МАЧКОВА

НАМ ИМЯ - НАРОД

Мы в вальсе кружились,
кружилась планета,
Кружились вселенные. Вспомните это:
Моменты восторга,
любви, вдохновенья,
Моменты дерзания и озарения.
Мы знали, умели, хотели, мечтали.
Нам двери в иные миры открывали.
Почувствуем силу, друзья, наших рук,
Сердечную близость и дружеский круг.
Мы будем едины. Нам имя — НАРОД.

На этом стоит человеческий РОД.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Благую мысль сознанию дая,
Мы можем жить, себя творя.
Но если саван создаем словами,
Мечта уходит и живет не с нами.

Поток сознания. Не вдруг
в нем что-то уловить придется.
И только тот, кто разберется,
покинет бесконечный круг.

А если мысль идей полна,
то доминирует мгновенно,
овладевая постепенно
умами полностью, до дна.

Будь осторожен и вникай
в цветную россypь разных сказок,
но миг проявленных подсказок
в них никогда не забывай.

Пусть льются, словно дождь слова,
смывая грязь, даруя счастье.
Бывает так: после ненастья
растет увядшая трава,
сверкая каждой гранью тонкой.
Качнув зеленой головой,
стан выпрямляет нежный свой,
жизнь получив от капли звонкой.

Пегас
Белый конь летит над речкой,
Над простором луговой.
В детстве ждал ты у крыльца
И когда-то был моим.

Жизнь скользила, создавала
Будней серенький плетень...
Где-то там, вдали мелькала
Легкой дымкой твоя тень.

В темном небе свет зарницы.
Надвигается гроза,
А над полем мчится птицей
Белый конь, огнем глаза.

Под рукой тугая шея,
Грива в кольцах вьется вея,
Ног стремительный полет,
Серебро копыт врзлет.

Мы сливаемся и вместе
Над землей летим, как песня.
Белый конь — мечта моя.
Эта песня - ты и я!

Солнце золотом струится,
Зазвонит все, только тронь!
Позови, к тебе примчится
Твой из детства белый конь.

г. Новокузнецк.

Владимир МАРАКУЛИН,

Ждём созревания таланта

Прелюдия

Снова листаю региональную литературно-художественную газету (альманах) «Усятская россыпь» - вторую в нынешнем году. Как и надеялся Анатолий Гуляев, редактор, шестой номер в ноябре вышел к читателям.

Говорю «надеялся», потому что нынешние типографские затраты на 56-60-страничное издание весьма приличны и с неба в карман не сыплются.

Полковник в отставке Гуляев тратит свои деньги — из военной пенсии, из заработка авиационного специалиста. И продолжает удивлять.

Когда весной 2007 года был отпечатан первый номер «Россыпи» («прописка» в Прокопьевске), только и думалось: тешит издатель своё самолюбие. Ведь альманах он заполнил своими прозаическими творениями и стихами. За малым исключением. Да и анонс следующего номера упоминал лишь одну иную фамилию будущего автора.

К мысли о самолюбии склоняли и ссылки Анатолия Николаевича на то, что лишь в семи регионах России есть литературно-художественные издания и что «Усятская россыпь» в этом отношении — уникальная штука.

Короче, «безумству храбрых поем мы песню».

Второй номер газеты увидел свет буквально через два месяца, авторский актив оказался шире заявленного.

Очередного (сдвоенного) выпуска ждали почти год. Явилась проза новокузнецан и прокопчан, причем авторы публикаций в немалом числе — люди старшего поколения.

Довольно вольготно почувствовали себя сочинители стихов, в том числе начинающие. И снова наступил долгий перерыв.

Но жив оказался курилка и год 2009-й отметил аж двумя объемистыми (14 печатных листов!) номерами. Авторы представляют Новокузнецк, Прокопьевск, Таштагол, Калтан, Киселевск, Белово... А издатель планирует будущее.

Шлюз открыт - пожалуйста

Новокузнецанин Дмитрий Семенов так отозвался в адрес учредителей газеты Гуляева и художника Олега Головачева: «Увидев на прилавке газетного киоска в одном ряду с кроссвордами и «эротикой» номер региональной литературно-художественной газеты, посчитал это настоящим весенним подарком для себя... Снимаю перед вами шляпу и готов её съесть, только бы у вас всё получилось».

И сам не медля привнес в альманах прозу в жанре фантастики.

Георгий Пихов из Киселевска про «Россыпь» узнал недавно. Задело за живое: стихи сочиняет давно, лет с 15; считает, что способностями не обделен; напишет, когда вдохновение снизойдет, и ... складывает в папку.

Альманах меня словно крючком зацепил, - воодушевлен Георгий. — Шлюз открылся для тех людей, кого привлекает литературное творчество. Это же интересно — быть услышанным, подпитываться светом и словом других. Собираюсь отослать в «Усятскую россыпь» подборку своих стихов.

Если б сейчас шел 1947 год, Георгий имел шанс быть услышанным в родном городе. Тогда при редакции местной газеты создали литературную группу, чтобы помочь начинающим стихотворцам и прозаикам. (Между прочим, одним из первых свои творения представил на суд товарищей Анатолий Грохов, участник войны, а ныне - автор «Россыпи»!)

Слушали, спорили, критиковали, советовали, рекомендовали напечатать в газете. Группа (позже объединение) жила долго. Думается, она тоже способствовала становлению мастерства Валерия Зубарева, Александра Алферова, Валерия Фесенко...

Один из новых авторов «Усятской россыпи» Николай Подсевалов (Киселевск) в поэзии далеко не новичок.

В литобъединении его «за строки били морально», но он лишь благодарен тем, кто свершал подобные творческие «экзакуции», потому что строго стал относиться к слову.

Сейчас найдется литературный «гайд-парк», куда приходи, читай, слушай, спорь, учись?

Слышу возражение: а литературные клубы или объединения при тех же ДК? Посетил один клуб в Прокопьевске. Разочарован, как и много более опытный Михаил Анохин, член Союза писателей России. Ему такой кружок напомнил басню «Кукушка и петух».

Серьезные обсуждения чьих-то произведений там не допускаются. Нет работы ума — не будет и движения вперед и выше.

Пихов, которому некуда пойти, увидел в «Усятской россыпи» «отдушину» для себя. Наверное, газета место ему предоставит, как предоставила уже немалому числу земляков. Объяснил же Анатолий Гуляев свою инициативу:

— Хочу, чтобы талантливые люди могли опубликоваться, чтобы все увидели, как их много, и гордились своей землей.

Вот и «пошёл в люди» - открывать литературных Штоколовых, Шубариных, Мишулиных.

Вопреки статусу, в газете отметились даже «гости» из иных краев и весей. Да что там отдельные авторы! «Россыпь» практикует массовые «вбросы».

То прозвучал сразу десяток имен новокузнецкого объединения «Гренада», то прорвалась «оптом» дюжина стихотворцев из прокопьевского клуба «Вдохновение», то на нескольких полосах развернулись «Голоса Таштагола».

Даже детям редакция дает газетную площадь. Нужны иллюстрации — найдутся местные художники и фотографы.

Удар

зубодробительный

Представляю, что пережил Гуляев, ког-

да по его «детису» язвительный прокопчан Анатолий Ярмюлок прошёлся критической статьёй «Россыпи и крепости», опубликованной в «Круге чтения» газеты «Кузбасс».

Досталось сочинителям стихов — последователям «прародителя всех российских графоманов незабвенного графа Хвостова».

Уничжительная оценка поставлена упомянутому Грохову.

К позорному столбу пригвождены авторы прозаических произведений, «потому что рассуждать всерьёз об этих вещах смысла нет: почти все там блекло, невыразительно, косноязычно, бездарно».

Там «пошлятина, от которой скулы воротит и хочется самозабвенно материться», там «словесный сироп».

Для творческого «пинка» ум тоже не обходит. Ярмюлок им не обделен.

«Россыпь» насаждает непрофессионализм, взращивает сорную траву, которая забивает культурные растения, - слышу приговор Анохина. — Газета потворствует недостоинному самолюбию, развращает авторов («Меня опубликовали!») и читателей, которые в конечном счете перестают понимать, что такое настоящая литература.

Жестко сказано. Обидно?

Но разве не сам Гуляев вызвал на себя и на самодеятельных авторов альманаха зубодробительный удар?

Поскольку замахнулся на высокую планку своего издания: мол, теперь держись, журнал «Огни Кузбасса», до которого «не достучаться неизвестному автору».

Вознёс мнение о своей газете — с той высоты и получил зубастый ответ.

Знай свой шесток. «Усятской россыпи» не до Парнаса.

Однако повод к размышлениям газета даёт.

Зайдите в любой ДК - и непременно увидите занятия кружков и студий, руководят которыми дипломированные специалисты. Там пляшут, танцуют, поют. Хорошо и не очень. Как научили.

Ни одно большое «мероприятие» города или деревни нельзя представить без концерта местной самодеятельности. Для лучших исполнителей — конкурсы и дипломы разного масштаба.

А меж тем это не «Песняры», не ансамбль Моисеева, не Пугачева, не Лещенко.

Самодеятельность. Хочешь — смотри, слушай. Не хочешь — выбирай клипы Леонтьева или ВИА «Крапива».

Но мэтры эстрады, заметьте, не позволяют себе «долбить» любителейских «собратьев по цеху».

Наоборот — присутствуют в жюри, дают мастер-классы.

Ищут будущих звёзд.

Не встречал, чтобы выставку работ художников-любителей «разнёс» придирчивый критик.

Да и за что?

За то, что это не Репины и не Шишкины?

За то, что решились показать, поделиться, чем заняты в свободное время? Заодно и пообщаться, на других посмотреть, поучиться.

А вот «Россыпи» крепко досталось. Однако и поделом. Потому что альманах опрометчиво определен как литературно-художественный с претензией на профессионализм.

А он всего лишь самодеятельный, в немалой степени - ученический (не беру в расчёт стихи известных кузбасских поэтов, притянутые в газету, возможно, без ведома авторов).

Издатель сам назвал альманах открытым для всех пишущих - тем и признал его любительский характер по сути, по содержанию.

Сменить статус — настоятельная необходимость, ибо читатели не должны обманываться в ожиданиях, а авторы - в своих амбициях.

Не дело - походя разбрасываться высоким званием поэта, писателя. Прокопчан Петр Синицин умно заметил:

«Я 30 лет уже пишу.

Пишу «умело и галантно».

Но издаваться не спешу:

Жду созревания таланта».

И пусть загорится звёздочка

«Гуляев искренне верит, что служит великому делу, и в этом его трагедия. Или беда», - заметил Анохин. В беседе с Анатолием Гуляевым мне стало понятно, что, к сожалению, издатель «Россыпи» не уразумел основную причину гнева своего земляка-низвергателя из «Круга чтения». Похоже, Анатолий Николаевич так и не усомнился в объявленных им высоких художественных достоинствах газеты. И это уже тревожно.

Однако можно всё-таки признать, что для многих кузбассовцев, увлечённых литературным творчеством, критикуемый альманах стал объединяющей площадью.

Придал стимул к творчеству.

Но «Россыпи» требуются перемены, требуется помощь.

На мой взгляд, нужен общественный совет из маститых «дядек-наставников», чтобы сделать квалифицированное отбор предложенных к публикации работ.

В альманахе (для самодеятельных-то авторов!) нет раздела рецензирования — строгого, но терпеливого и доброжелательного.

Нонсенс.

А ведь часть опубликованных «стихов» с поэтической точки зрения просто беспомощны. Видится кощунством стремление к перепечаткам произведений классиков (и законны ли перепечатки?).

Потому что богу — богово, кесарю — кесарево...

К сожалению, в «Россыпи» недостатков много больше, нежели достоинств. Наверное, это терпимо с учетом младенческого возраста.

Уходящий год с его кризисными явлениями не похоронил единственное в своём роде издание. Гуляев устоял, расширил круг авторов и объём газеты.

Хочется верить, что этот пока заблуждающийся романтик в году наступающем учтёт критику и пожелания и что ему удастся зажечь пускай даже одну звездочку на литературном небосводе.

Кирилл САЗАНОВ

Дима плюс Маша

(из цикла «Рассказы о Марии»)

Вот эта уличная скамейка напротив моей кровати — подарок моего друга. Это, он Мишка предложил притащить ее с остановки, где на ней сидели только ногами — то есть, не как люди, а как свиньи — задом на спинке, а подошвами на сиденье. Тем дождливым промозглым вечером мы, корячились около часа, пока принесли ее в мою квартиру. Хорошо хоть, первый этаж. Теперь скамья смотрится не хуже музейного экспоната — я над ней корпел недели две, пока шлифовал, вырезал, морил и красил.

А это что, спросите вы, указывая на обыкновенную урну. Нет, не обыкновенную, ибо с ней произошла целая история: опять-таки вместе с Мишкой мы уволокли ее прямо с улицы и, путая следы, бежали кругами по всему жилмассиву. Было что вспомнить. Вы скривите лицо и подумаете, какие мол, отморозки! Есть что возразить: в нашем загаженном районе урна не только не уместна, но и стояла пустой среди трупы окуратившихся. Теперь она не только произведение искусства, но и полноправная часть интерьера, потому что работает. В нее пепел стряхивать удобно — небрежно так протянешь руку и никогда не промахнешься.

Еще есть рояль (наследство дяди-генерала), стародавний телефон с тряпичным шнуром, такая же древняя печатная машинка и далее в том же духе, — нормальная такая квартирка, почти раритетная и лично мне нравится. Это я все для чего пишу — чтобы было понятно, где и в какой обстановке я впервые увидел Марию. И что увидела она.

Тогда как раз плачевно окончился мой поход «в люди» — попытка счастья в маленькой заводской газетке, не пришло ко двору и через неделю занимался тем, на что пригоден — паял провода на заводском конвейере.

Субботним вечером собрались друзья, мы отмечали... не важно, что, просто сидели и куражились, слушали новую музыку, а мы с Мишкой — два недобитых поэта еще и читали свои вирши:

*Если привести медведя в шахту,
Или на завод свести медведя,
Он не подкачает,
Ведь медведи
Могут даже на велосипеде.
А уж на станке или в забое!
Пашет он в три смены без запоя.
Без больничных, премий и зарплаты,
Трудится надежней автомата.
Но начальство что-то и не радо —
Быстро тает Мишкина бригада...*

Это, как раз мое и Мишке в подарок — так, подурчиться, а заодно — рефлексия и протест горькой моей судьбушке. Что поделаешь — хочется из грязи, да в князи. А не пушают, потому как, рожей не вышел.

— Интересно, кто это написал? — только тут среди общего бедлама я замечаю на той самой своей скамейке дивное существо. Вроде ничего особенного: обычный овал лица в рамке каштанового цвета волос, несколько длинноватый носик, а надо всем этим — да именно, надо всем лицом, под оправой тоненьких очков — удивленные глаза. И такой ясности и глубины, что сразу понятно — не проста барышня, ох, не проста.нас познакомили: Егор, Мария, очень приятно.

— А можно, я тоже почитаю? — спрашивает Мария. Ну отчего же нет, конечно,

но, читайте.

*«Уходила, старела Луна,
Источалось морщинами тело,
Но за это прощала она
Всех, кто смотрит на гибель без дела.*

*Умирала двенадцать раз в год,
Приходила молодой и счастливой,
Только зная, что снова уйдет —
Как всегда, как всегда сиротливо».*

Вот так мы и познакомились — я, Мишка и Мария. Надо ли говорить, что оба мы были в нее влюблены? У меня с ней не ладилось, только дружба, но я, дурак надеялся, что из нее что-нибудь все равно выйдет. Это с годами узнаешь простую вещь: дружба может быть и после любви, а вот любовь после дружбы — может быть раз на миллион. Зато, какая была дружба. Ей было чем питаться — мы стали этакой могучей тройкой в нашем неприметном для всего мира противостоянии безвкусице и мещанству. Мы не слушали Пугачеву и не читали Семенова, от которых с ума сходил бедный наш народ. У нас не было ничего взамен? Почему, было — наши сыроватые еще литературные потуги, и главное — наша общая безысходность. Что пробиться куда-то бесполезно, каждый из нас убедился давно. Мы посещали литературные кружки, обивали пороги изданий, водили знакомства с десятками таких же бедолаг и однажды поняли, всей своей шкурой почувствовали, как нам это надоело.

Зато в стране шла перестройка, и скоро нам уже нашлось, чем заняться.

Как-то в нашем общем кругу бездельников... да, стоит сказать, что, несмотря на то, что все мы вроде бы где-то и абы как трудились, мы были настоящими лодырями. Мария вела в школе рисование по три урока в неделю, я пахал на заводе и видел его в гробу, Мишка вообще работал сторожем в двух конторах и среди нас был самым свободным человеком. Все-таки половина его жизни приходилась на выходные дни. Так вот, однажды среди общих знакомых проявился некто Сережа. Он оказался непримиримым борцом с режимом, распространял самиздат, ходил на митинги и всячески двигал демократию. Это не где-нибудь в Москве или Питере, а здесь, прямо среди нас, всю свою жизнь завидовавших Александру Солженицыну, Андрею Сахарову и всем пострадавшим за свободу Аксеновым и Неизвестным, нашелся человек, который не трепался на кухнях, не скулил на жизнь, а что-то делал! Который был причастен к тому, чтобы вытащить всех из унылого советского болота!

Да, уважаемый читатель, мы были молоды, мы любили «Биттлз» и «Пинк Флойд», Ахматову, Окуджаву и обоих Тарковских. И мы знали, что вся наша жизнь — тюрьма. А любая власть — фашизм. Может, мы были не правы? Как говорится, поживем — увидим...

И вот пришло это памятное воскресенье. На митинге, заполнившем всю центральную площадь Коровинска, собралась многотысячная толпа. Мы с Марией стояли в задних рядах, пробиться ближе просто не получалось, но увидеть хотелось все. Сережа объяснил нам еще вчера, что грянет мощная акция в защиту активистов «Демократического союза». Была такая партия, которая боролась «За нашу и вашу свободу» — таким был ее главный

лозунг, и это здорово «цепляло». А еще мы с моей подругой были вдвоем. А еще была весна, дули пряные ветры, Мария пришла в шикарной и супермодной кожанке, а тонкий ободок поднимал ее волосы, будто корону. Пульс жизни бился в висках в ритме рок-н-ролла. Что до меня, так я предпочел бы сейчас же оказаться с моей (ну а как еще?) девушкой где-нибудь наедине. И — одновременно здесь, видя огонек в ее дивных глазах.

— Димка, что это они там говорят, давай пойдем поближе, — предложила Мария. Я буквально вызволил ее из толпы и, пройдя с краю, мы очутились у самого милицейского оцепления.

— Смотри, там наш Сергей! — заметила она, — давай ему крикнем, может он нас проведет?

— Идея, садись ко мне на плечи, — господи, да я просто не нарадовался такому поводу! И вот она машет руками, зовет нашего идейного друга. И чудо — нас заметили.

— Это наши, они участники акции, пропустите! — строго и деловито Сергей попросил милиционеров посторониться. Они проводили нас пренебрежительными и какими-то сочувственными улыбками. И мы вступили в круг борцов!

— Тут, короче так: сначала планировался большой митинг. Зарубежная пресса нас и так бы заметила, шуму было бы много — нормально. Но тут нам ребята сообщили, что всех собираются разогнать. Мы решили объявить здесь на площади сидячую голодовку. Вы с нами?

Мы переглянулись и посмотрели друг на друга — глаза в глаза. Я давно уже стоял, обнимая Марию за плечи, и в этот момент она не дала понять, что против такой вольности. Чертовщина в ее глазах на какой-то миг сменилась испугом, потом огонь разгорелся с новой силой, и на одном дыхании она выпалила: «Конечно!» «С вами!» — кивнул я, не соображая, во что мы вляпались.

— Ну и отлично, ребята, я рад, сейчас смотрите, наш Степанов будет выступать.

На постаменте памятника Пушкину забрался интеллигентный мужчина лет тридцати. Как пояснял нам Сережа, это был их номер один, гуру, вождь и учитель. И он, вождь, конечно же, выдал. Об аресте троих членов их политсовета по сфабрикованному делу. О том, как тоталитарный местный обком душил свободу и мешал демократическим реформам, саботируя все новые веяния в стране. И что у нас сегодня один выход — надо показать нашу силу и единство. Голодовка будет бессрочной — до тех пор, пока «органы» не выпустят соратников.

— Мощно, как тебе?

— Да, классно. Слушай, а тебе не страшно? — спросила Мария.

— Да мы же только об этом и мечтали! А смотри, сколько людей и все — за свободу, не просто так ведь толпятся, это же не за водкой и колбасой... Это в нашем-то дремучем Коровинске. Слушай, это же настоящая жизнь!

Ораторы сменяли друг друга, рядом сутились репортеры с импортной аппаратурой. И как только они сюда попали? Неподалеку белел своей параболической антенной автобус местного ТВ. Да, жизнь кипела. А мы? Мы голодали, устроившись на виду прямо у памятника. В карманах было полно сигарет, но насколько их хватит? Мы с Марией решили курить одну на двоих, и это стало некоей близостью — затяжка ей, затяжка мне. Черт побери, у меня замирало в груди, а вид, наверное, был как у блаженного. А как же иначе? К вечеру похолодало, мы перебрались на скамейку, но и дерево было холодным.

— Давай ко мне на колени.

Она не возражала, села и обняла меня: «Почитай что-нибудь, лучше «Январь».

Я шептал ей на ушко, и это был рай. Я сказал, я люблю тебя. Она ответила, знаю, я тоже люблю. И мы поцеловались. И все вокруг исчезло: не было никаких революций и цивилизаций, и небесные светила вращались сами по себе. А была только Мария с горячими и нестерпимо нежными губами и наше судорожное дыхание, казалось, обогрел целый мир.

Сережа нашел нас как-то неожиданно: «Держитесь, ребята, скоро все будет серьезно — посылают ОМОН. Эх, зря я вас втянул!»

— Я не хочу, что бы с тобой здесь что-то случилось, давай уйдем, — сказал я, когда Сережина спина скрылась в толпе. — Не думай, что мы их предаем, мы же вообще их в первый раз видим. Да если кто из дуболомов тебя тронет, я же просто так сидеть не буду.

Я показал газовый баллончик, какое-никакое, а средство.

— Нашёл оружие! Да у них такого целая бочка. Ладно уж, пойдём отсюда!

Для начала мы все-таки решили попрощаться с Сергеем.

— Уходите? Так это даже хорошо, заодно, может, захватите с собой кое-что? Нельзя, чтобы это гэбэшникам досталось. Это наша литература, ее с таким трудом печатали. А завтра встретимся в нашем кафе, я заберу?

Он быстро посоветовался с вожакон, тот с сомнением поглядел в нашу сторону, а потом кивнул и что-то в свою очередь объяснил Сергею. Тот вернулся уже с сумкой, которую я сразу повесил на плечо.

— Идите сквером, будто гуляете, а будете целоваться, на вас никто и не подумает...

И мы двинулись в глубину сквера. Здесь, оказывается, было совсем безлюдно и никаких оцеплений не наблюдалось вообще. Прохожие неспешно брели по аллеям, словно рядом не кипело никаких политических страстей. Но Сережиному совету мы все равно следовали неукоснительно и почти не отрывались друг от друга. Так что сотню метров шли мы, наверное, с полчаса. Уже на улице к нам подошли двое милиционеров, и у меня внутри сжалась какая-то пружина. Теперь я проклинал себя за весь этот день и даже за то счастье, что получил благодаря ему. Похоже, за него придется расплатиться.

— Молодые люди, документы предъявите, обычная проверка, — произнес сержант.

Сразу отлегло на душе: с этим у меня все было в порядке, кроме паспорта имелся и заводской пропуск, а Мария была девушкой грамотной и на всякий случай всегда носила «серпастый и молоткастый» с собой. Впрочем, он и не понадобился: увидев законопослушного представителя пролетариата, милиционер взял под козырек, и мы пошли своей дорогой.

Нет, не пошли, мы в двух шагах остановили такси и, завалившись на заднее сиденье, попросили ехать самой короткой дорогой, где меньше светофоров...

А потом уже дома на той знаменитой скамейке были, как попало, разбросаны Машины вещи, тихо играла пластинка и нашей любви подыгрывали флейты и саксофоны. Потом на плите раза три убежал и подгорал кофе. И почему-то не хватало слов, которые на самом деле были вовсе и не нужны. Мария затыкала мне рот поцелуями, ее волосы струились по плечам, по этим хрупким ключицам, ее голос переходил на скрипичные тона, и вот уже я прикрывал ее губы своими. А ночь была так коротка, не хотелось, чтобы она вообще когда-нибудь кончалась.

— Закончится эта, будет другая, мы теперь всегда будем вместе, правда же?

— Правда, любимая...

Утро все-таки наступило. Что же ска-

жет мама? Я была у Светки, она подтвердит, мы же вместе работаем. Я бы съела чего-нибудь, хотя бы глазунью. Ну, еще сыр для бутербродов найдется. С кофе-ком? Класс!

- А ты помнишь эту скамейку?

- Да ты мне про нее вчера все уши прожужжал, какая она у тебя теперь антикварная.

- Знаешь, почему? Там, есть пророчество, не веришь? Читай.

Как раз посреди спинки на бруске красовалась жирная и глубоко вырезанная надпись: «Дима + Маша = Любовь». Когда я резал ее в прошлом году, и мечтать не мог, что это сбудется.

- Ах, ты, балбес, а если бы кто-то еще увидел? Мишка видел?

- Не знаю, он к ней всегда спиной сидит, потому что на диване всегда я. Где ему еще тут сидеть-то? — соврал первое, что пришло в голову.

Я провожал Марию до ее остановки, пойти вместе до школы она не разрешила — вдруг дети увидят — учительница моя милая. А я поехал дальше, пришел на работу, где руки жили отдельной жизнью, делая план, а я всё думал о ней. И не мог дожидаться вечера. Тетки хихикали: то ли влюбился? Женился, отвечал я. Да-да, приглашу, проставлюсь, конечно.

Но доработать мне в тот день так и не пришлось. В цех вошло начальство, с ним еще какие-то люди. Пошли, разговор есть, сказали мне. Начальник участка, бледный, как простыня, что-то шипел мне в спину. В красном уголке его попросили оставить нас наедине. И меня спросили, где я был вчера в течение всего дня, желательно по минутам.

- Я за город ездил, так по лесу бродил, я так всегда в выходные гуляю. Понимаете, я стихи пишу, мне помогает. Я о природе пишу, это ведь не запрещается?

- Пиши ты что хочешь, «Грибоедов», нам точно известно, где ты был, а сейчас мы поедем к тебе на квартиру и кое-что поищем.

Через двадцать минут в моем «богемном» жилище негде было протолкнуться. Кроме этих двоих, явно комитетчиков, при обыске присутствовали: участковый и понятые - управдом и вредночая соседка Спиридоновна. Наконец-то мечта ее сбылась («замели» голубчика, доигрался, все бы вам песенки...»). Радости участкового так вообще не было предела: скамейка с улицы, урна, статуя пионера (которую я, битую-перебитую еле замазал, а потом выкрасил, как новую), - вот кто общественное имущество на участке крадет! Сейчас-сейчас, протоколы составим, за все уплатишь. Знаешь, какой штраф тебе будет!

Зато люди в штатском были понуры и растеряны. Показательный обыск шёл явно не по сценарию. Точнее, что-то из него просто выпало. И я начал понимать, что именно — сумка с брошюрами «Демсоюза», которую мы с Марией просто-напросто забыли в такси! До нее ли нам было? А вот они искали именно ее. Значит, были уверены, где искать. Значит, у «революционеров» имеется стукач, а мы-то, идиоты чуть было совсем туда не записались.

...Этим вечером мы с Марией тряслись от смеха, когда я в лицах и красках рассказывал ей всю эту сцену. И поклялись, что забудем дорогу к этим «борцам за демократию», поди разберись, кто там у них предатель. На Сережу, почему-то не думалось. Ну, да бог с ними. Прото, что именно благодаря им-то мы и стали близки, не думалось тоже — любовь неблагодарна.

А вот скамейку жаль. Дорогую нам надпись, скорее всего, срежут или вместе с доскою стопят в котельной. И быть может, старик-кочегар, ломая ее на дрова, увидит и конечно же ничего не поймет. «Дураки, вредители», - скажет он в сердцах и затолкает в топку.

Владимир ДЕГТЯРЁВ

С творчеством этого таштагольского поэта, читатели «Усятской россypi» знакомы. Поскольку в выпуске № 6 в ноябре 2009 года, так же в рубрике «Голос Таштагола» публиковалась двухколоночная подборка его стихов.

Недавно Владимир Алексеевич прислал к нам в редакцию письмо, в котором сообщает, что в прошлые времена жизнь его была интересной и разнообразной, но «заработав инвалидность второй группы... сижу в квартире как в тюрьме, физическая работа запрещена, читаю классику и кропаю как могу...»

Как давно это было,
словно в жизни иной,
когда девочка Мила
целовалась со мной.
Как давно это было,
только память хранит:
эта девочка Мила
в белом вальсе кружит.
Позабыть не могу я
тот торжественный бал
и того поцелуя,
как начало начал.
Где сейчас эта Мила
в платье белом своём?
Знаю то, что любила,
знаю, были вдвоём.
Мы давно затерялись
в лабиринтах судьбы,
и следы затоптались
на тропинках земли,
и не знаю сейчас я,
кто во всём виноват,
только знаю, что счастье
не вернуть нам назад.
Часто, часто мне снится
бал и белый наряд,
кто-то в вальсе кружится,
чей-то пристальный взгляд.

Я приехал домой,
если можно назвать это домом.
Под зелёной листвой
я увидел домишко знакомый
и присев на скамью,

как непрощенный гость, оглянувшись,
вспомнил юность свою
и руками я к ней прикоснулся.
Были только тогда
деревя, как и я, помоложе,
но рисунок листка
всё такой же -
на сердце похожий.
Старый дом, как и я,
одинокое стоит под листвою,
а крыльцо и скамья
равнодушны при встрече со мною.
Я приехал домой,
если можно назвать это домом,
словно жизни изгой,
никогда и никем не искомый.

Двуликое древо
Упала ветка на дорогу
Из детских рук...
И, как набат или тревогу,
Я помню этот звук.

Для многих ветка, просто ветка
Чуть смолистая, как все.
И бросают малолетки
Эти ветки на шоссе.

Но природы антиподы:
Ветвь смолистая чуть-чуть
И сержант морской пехоты —
Завершает скорбный путь.

И засохнут ветки — символ горя,
На асфальте, на сухом,
Отрастут другие вскоре

Чтобы снова стать венком.
Древо скорби и печали,
Новогодней кутерьмы!
Тебя с горем обвенчали.
Горе чаще видим мы.

АМНЕЗИЯ

Вторая жизнь, второе я,
всё в прошлом первое осталось,
вернуть бы прежнего себя,
но мне беспомощность досталась.
Быть может, часто я грешил,
в той, своей жизни старой
и в назидание Бог решил
наказать меня, вот такой карой.
Но, как частица вселенной, я знаю,
что бывает всё в мире не зря
вот, и жизнь у меня ныне иная —
это новый виток бытия.
Меня действительность торопит
взглянуть на мир, как бы впервой,
возможно память на подходе,
спешит порадовать собой.
Но если память вернётся ко мне —
это награда, или увечье?
Я вспомню войны кровавые все
горе, и слёзы все человечьи.
Вернётся ли память былая?
Разгадать я хочу кроссворд
прошлых дней,
а если останется клетка пустая
слово «Я» написать хочу в ней.
Странная штука память вторая,
стыжусь, что забыл я лица друзей,
и всё, что в жизни меня окружало,
а ведь было же что-то хорошее в ней.

Ученица 5 класса, лицея №27, города Новокузнецка. Занимается в студии «Фесковские литераторы», которой руководит член Союза писателей, знаменитая кузбасская поэтесса Любовь Никонова.

Шахтёры.

Шахтеры, каждый день трудясь,
Совсем работы на боясь,
Из шахты уголь достают
И на поверхность выдают.

В шахту солнца луч не проникает,
И там горняк с фонариком шагает.
Стране шахтеры уголь добывают
И безопасность соблюдают.
И умножается их доблестная слава.
И любит их Российская держава.

Благодаря Кузбассу

Есть Венера, Марс, Земля,
Есть магнитные поля.
Спутник в космосе летает
И сигналы посылает.
Он энергией Земли
Успешно движется вдали.
Ему летать еще два века,
По приказанию человека,
Энергией земной питаться,
К другим планетам подниматься,
Свой путь считать волшебной сказкой,
Благодаря земле Кузбасской!

Гепард

Гепард за добычей своей бежит,
А после завтрака на травке лежит,
Мурлыкает, мяучит
И своих детенышей учит.
Но вот пришла пора спать,
Хватит котяткам играть.

У кошек и котят
Здоровый образ жизни.
Они едят, когда хотят
И, вместе с тем подвижны.
У них есть дом и есть семья.
Они похожи на меня.
У них красивые глаза.
Они мурлыкают весь день
И точат когти о сирень.
Они прыгучи и ловки,
Ко всем приветливы они.

Феникс

Птица Феникс встает из огня.
Она совсем не боится меня.
Я смотрю ей в глаза в упор,
Как же нравится
этот пронзительный взор!

Диана МИХАЙЛОВА

Перья ее, как огонь.
Можешь загореться -
не тронь!
Сияет она во тьме.
Феникс

очень нравится мне.

Крылатая кошка

Блистательны крылья
Кошки крылатой.
Она укрывается
Облачной ватой.

Во сне она видит
Крылатых котят,
Которые к мамочке
Очень хотят.

У них изумрудом
Глазки сияют.
Котят азартно
Друг с другом играют.
Они в поднебесном пространстве
Летают.
Во время полетов
Они не скучают.
Довольна их мама:
Котят проворны,
Качают их в небе
Воздушные волны.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

В конце лета (15 августа) 2011 года прокопьевская городская общественность, в том числе и писательское сообщество, да, наверное и не только прокопьевское городское но и кемеровское областное, понесли в своих рядах значительный урон — после длительной и продолжительной болезни ушёл из жизни ГРОХОВ Анатолий Иванович, общественный деятель и автор нескольких поэтических сборников и прозаических книг, в том числе одного литературно-публицистического романа.

Родился Анатолий Иванович в 1923 году в селе Морозово Промышленновского района Кемеровской области, в обычной рабоче-крестьянской семье. С детских лет имел пристрастие к чтению книг и литературному творчеству.

Свою трудовую деятельность он начал за год до начала Великой Отечественной войны, в августе 1940 года — инструктором-корреспондентом киселевской районной газеты «Путь Ленина».

С августа 1941 года и по сентябрь 1946 года служил в частях действующей Красной Армии в должности: курсанта полковой школы Восьмого отдельного полка связи, помощника командира взвода связи, командира пулемётного взвода.

Участник боевых действий в Великой Отечественной войне. Воевал в составе Восьмого отдельного полка связи Пятой ударной армии Сталинградского фронта, затем на Донском и Южном фронтах...

Окончил окружные курсы младших

лейтенантов Южно-Уральского военного округа...

После демобилизации из армии в 1946 году вернулся в свой родной Кузбасс. Работал на руководящих должностях Киселевского и Беловского горисполкомов.

Заочно окончил Исторический факультет педагогического института, после чего работал заместителем редактора и редактором беловской районной газеты..., ответственным секретарём редакции межзональной областной газеты «Сельская правда».

После переезда в город Прокопьевск, по семейным обстоятельствам, работал редактором многотиражных газет на шахтах «Зиминка 3-4» и имени «Ворошилова».

С марта 1971 года по ноябрь 1985 года, работал ответственным секретарём Прокопьевской городской организации общества «ЗНАНИЕ». Откуда, в возрасте шестидесяти двух лет, ушёл на пенсию.

После ухода на пенсию без дела дома не сидел — включился в активную общественную работу в городе Прокопьевске, в составе его ветеранской организации.

На протяжении десяти лет - с 1994 по 2004 годы, работал председателем Прокопьевского городского Совета ветеранов войны, труда, Вооружённых Сил и правоохранительных органов. Являлся членом областного Совета ветеранов, членом областного Комитета участников войн...

За свою армейскую службу, трудовую деятельность и общественную работу

Анатолий Иванович Грохов награждался государственными, правительственными и областными наградами...

Литературной деятельностью Анатолий Иванович занимался на протяжении большей части своей жизни. Под его редакцией в 1995 году, к пятидесятилетнему юбилею Победы в Великой Отечественной войне, администрацией города Прокопьевска выпущена книга «Прокопьевск. Вклад в Победу». После которой увидели свет два его поэтических сборника: «О, Господи!..» и «Срединный».

В 2002 году Издательским домом «Сибирские огни» (г. Новосибирск) выпущен очередной его сборник, стихов и прозы - «Моё современье».

В 2007 году увидела свет первая книга его литературно-публицистического романа «Неугомон», в 2009 году — вторая...

Анатолий Иванович Грохов являлся ветераном труда, ветераном Великой Отечественной войны, инвалидом второй группы, членом Союза журналистов России; членом писательской организации Кузбасса, отделения Союза писателей России.

Мне посчастливилось на протяжении более чем десятка лет быть лично знакомым с Анатолием Ивановичем, общаться с ним и работать. Познакомился я с ним в 1995 году (спустя некоторое время после своего увольнения из армии), при первом же посещении Прокопьевского городского Совета ветеранов., где к этому времени Анатолий Иванович работал уже его председателем. После первой встречи было активное сотрудничество в процессе выборов компаний: Остановленной Нины Александровны - на должность депутата Государственной Думы; Голубева Евгения Андреевича — на должность Главы администрации города Прокопьевска; Тулеева Амана Гумировича — на должность губернатора Кемеровской области...

В 1998 году, после создания прокопьевской городской общественно-политической газеты «Народовластие» и назначения меня её редактором, Анатолий Иванович стал главным моим консультантом и наставником и, фактически, с первого номера газеты являлся членом её редакции и редколлегии.

Немногом позднее, в феврале 2000 года, не удовлетворяясь той огромной работой, которая делалась нами в «Народовластии», замаяхнулись мы с Анатолием Ивановичем и другими нашими коллегами и на «Литературный Прокопьевск». Который, к сожалению - на «ура», общественностью воспринят не был, поэтому так и остался в «литературной истории города Прокопьевска и Кузбасса» лишь в одном его «Выпуске № 1». В котором, литературное творчество Анатолия Ивановича было представлено стихотворной подборкой на половину полосы, среди которых имелись стихотворения, написанные им в военное время, на фронте:

Колёса под нами

*В теплушке печурка, и мы — на соломе,
Колёса под нами на стыках тревожат,
Мол, детство осталось в родительском доме,
Теплушка с печуркой на жизнь не похожа.
На фронт устремился состав краснобокий,
И мы — на соломе, и стыки тревожат,
И в думах ребячьих — наш бой недалёкий,
И битва на поле на игры похожа.
Леса и посёлки мелькали, мелькали,
Состав краснобокий гудками тревожил,
И мы на соломе сидели, лежали...
А кто-то гармошку на песню неволил,
И в песне возникшей Сибирь узнавалась,
И стойкий характер, отвага, решимость
В парнях, без сомнения, в ней признавались.
В душевное настроение была и ранимость...
Ночная сморённость ту песнь усыпила,
Солому впритирку примиали чертовски...
А в козлах у входа и возле настала*

До первого боя стояли винтовки.

1942 год.

Война меня унизила

*Война меня унизила,
Заставив убивать,
Душой (в её коллизиях)
Под пулями страдать.
Война меня унизила
Фашистским «хэнди хох»,
Иди, мол, к ним в зависимость
Велел расистский бог.
Душа моя отринула
От смысла слова «хальт»,
Душа моя не сгнула,
А шла, чтоб не стоять.
И с мыслями о Родине,
Сражался я с врагом,
Война меня возвысила
Победою над злом.*

1945 год.

Знает, почему

*Как во сне дурном
Пребывал старик,
Отходил туда,
Где покой велик.
Умирал, а мозг
Памятью страдал
По кольцу прошёл,
Много повидал.
В чувствах — не кретин
И душой не раб,
И умом горд,
Был в труде не слаб.
По кольцу в кольце
Горячилась кровь,
И была напасть,
И была любовь.
Но стрелой в мозгу
Случай давний жёг:
Друг упал в бою,
Он же — не помог.
Торопящий бой,
Как дразнённый зверь,
Овладел судьбой...
Что тот бой теперь?!
От стрелы в мозгу
Через много лет
От кольца в кольце
Он нашёл ответ.
Унесёт старик
Свой ответ во тьму,
Где покой велик,
Знает, почему.*

1981 год.

С конца 2001 года, наши встречи с Анатолием Ивановичем стали происходить значительно реже, чем прежде. Поэтому в создании «Усятской россыпи» он участия не принимал.

Но после выхода в свет её первого номера «Выпуска № 1», в марте 2007 года, он позвонил мне по телефону и в ироничном тоне отчитал: «Что же ты... позабыл, меня «старика»?..»

Во втором выпуске «Усятской россыпи», вышедшей в мае того же 2007 года, Анатолий Иванович был представлен читателям его повестью «Ориентиры» и «Рассказами-миниатюрами...», из книги «Моё современье».

В следующем номере «Усятской россыпи» № 3-4, в апреле 2008 года, были опубликованы: прозаическая повесть «Осенняя пасмурь» (из той же книги) и повесть в стихах «Срединный».

В «Срединном», по моему мнению, Анатолий Иванович сделал попытку рассказать в стихотворной форме не только о своей жизни и жизни своих современников, но и о жизни страны в целом...

Творческое наследие, оставленное Анатолием Ивановичем Гроховым, является значительным вкладом в копилку интеллектуального богатства города Прокопьевска и Кузбасса.

Необычный его стихотворный и прозаический слог навсегда останется в памяти его земляков, его читателей.

Анатолий ГУЛЯЕВ.